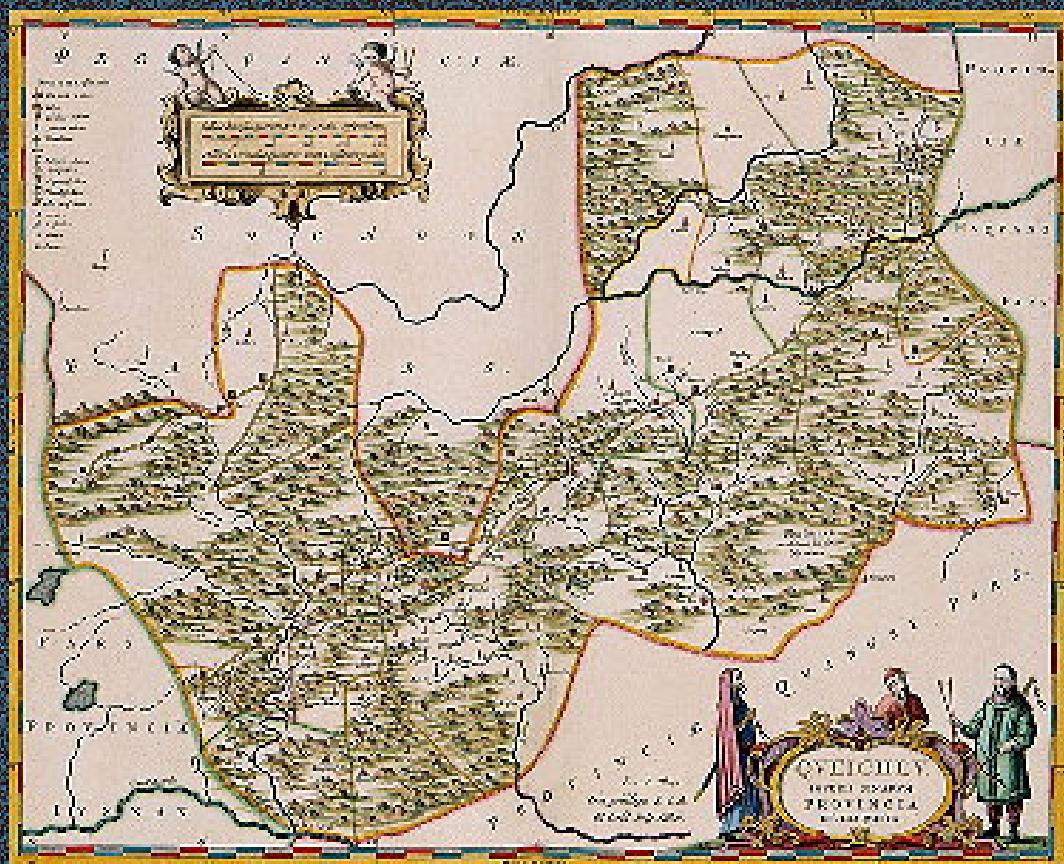

[Polaris]

НИКОЛАЙ ІВАНИЦКИЙ

ЗЕМЛЯ ТИАН

РОМАН

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXCVII

Salamandra P.V.V.

**Николай
ИВАНИЦКИЙ**

ЗЕМЛЯ ТИАН

Роман в 3-х частях

Salamandra P.V.V.

Барон фон Грюнвальдус (Иваницкий Н. Н.)

Земля Тиан: Роман в 3-х частях. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 206 с.
— (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXCVII).

Роман писателя и композитора «восточной ветви» эмиграции Н. Иваницкого «Земля Тиан» (1936) повествует о приключениях двух русских шанхайцев-авантюристов, отправившихся на поиски драгоценных залежей платины в далекую и труднодоступную провинцию Китая. Туда же, в «землю Тиан», направляется труппа русских кабаретных танцовщиц во главе со странным китайцем-импресарио и проходимцем-переводчиком...

ЗЕМЛЯ ТИАН

БАРОН ФОН ГРЮНВАЛЬУС

ЗЕМЛЯ ТИАН

РОМАН В 3 - х ЧАСТЯХ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
А. И. СЕРЕБРЕННИКОВ и КО.
ТЯНЬЦИН, КИТАЙ, 1936 г.

Часть первая

КОНКВИСТАДОРЫ

I

В конце мая 193... года на окраине международного сеттльмента в Шанхае, в грязном и малолюдном китайском кафе, над стаканом чая с прокисшой булочкой, сидел средних лет китаец с круглыми очками на носу и задумчиво курил сигарету. Довольно полная его фигура была облечена в поношенный европейский костюм песочного цвета. Дешевая фетровая шляпа, тоже не первой свежести, лежала рядом на стуле. Часы над прилавком отзвонили семь, потом семь с половиной и стрелка уже подходила к восьми, а он все не уходил.

Для господина Ван Лоу Сю (так звали этого китайца) уже в четверть восьмого стало совершенно ясно, что человек, назначивший ему свиданье, не придет. Тем не менее, он продолжал сидеть, тупо разглядывал узоры дешевых обоев, помешивал ложечкой простыющий чай и курил одну сигарету за другой.

Дело, на которое было возложено столько надежд, очевидно, сорвалось. Мошенник Ремедиос подвел и обманул. Небольшая партия фальсифицированного опиума, которую Ван на скромных комиссионных началах перепродаил ему, прошла, очевидно, мимо. Ясно, что Ремедиос снюхался со старой чепрахой Ма Юн Фаном, владельцем этой партии, и обошелся без посредника, чтобы не платить комиссионных. Поэтому-то он и не пришел. И, конечно, не придет!

За последнее время Вану сильно не везло. И неудивительно: шел год Мыши, а Ван с детства знал, что для него это самый неблагоприятный год. Но что же делать? Ведь и в нехороший год жить тоже надо!..

Ван уныло перебирал в уме открытые ему шаткие возможности заработка, но мысли его все время возвращались к испорченному мошенником Ремедиосом делу. Особенными успехами на коммерческом поприще Ван не мог похвастаться вообще. Жизненный путь его был усеян неудачами, как морской берег валунами, и у постороннего наблюдателя непременно явилось бы сомнение в том, что причина этому — неблагоприятствующая Вану Мышь. Основание злоключений его лежало скорее в простоватом устройстве мозгов этого человека.

Самостоятельная жизнь Ван Лоу Сю началась с драмы, след которой остался в его психике навсегда. Отец его, мать и трое братьев отравились. В один из тех мрачных годов, когда родину его, северный Хупей, посетил периодический гость — голод, отец Вана, учитель начальной школы, занял у соседа-лавочника два бушеля риса. Вечером между лавочником и его женой произошел по этому поводу крупный разговор. Жена укоряла лавочника в расточительности, муж не был достаточнодержан и назвал ее в пылу спора недостойной женщиной. Наутро она повесилась на дверях лавочки, не снеся оскорблений. Лавочник, потрясенный этим зрелищем, тут же повесился сам. Когда отец Вана узнал об этом, отчаянию его не было предела. Сознавая себя косвенной причиной смерти соседа, он два дня мужественно боролся с угрызениями совести, а потом, не выдержав, сбежал из города.

ниями совести, а на третий — созвал свою семью и в присутствии ее принял яд. Жена и старшие сыновья тотчас последовали его примеру, а для маленького Вана мать аккуратно развела чаем оставшиеся в чашечке крошки смертносного порошка и дала выпить. Доза оказалась недостаточна и мальчик, один из всей семьи, остался жив.

Детство его в доме приютившего сироту двоюродного дяди не оставило радостных воспоминаний. В бедной крестьянской семье очень рано он познакомился и с изнурительным физическим трудом и с колотушками, на которые тетка, суровая и деспотичная женщина, никогда не скучилась. Вместе со своими двоюродными братьями, также испытывавшими на себе нередко тяжелую руку матери, десятилетний Ван до седьмого пота работал на тяжелой ножной помпе, под палящими лучами солнца, накачивая воду в крохотную рисовую терраску дяди. Он ловил кузнецов и на медяки продавал их в соседнем городке, за десять ли ходил в лес за хворостом, по колено в воде целями днями помогал дяде ухаживать за рисовыми грядками. В часы, не занятые работой, он купался в грязном прудке, ловил продырявленной сетью крошечных юрких рыбок, которых тетка потом сушила на солнце, и плавал взапуски с соседскими ребятишками, такими же коричнево-черными от загара голышами, как и он. Но то бывало в свободное время, когда рис зрел на полях и работы убавлялись. Большую же часть года маленький Ван тяжело и много трудился.

Когда ему исполнилось 13 лет, провинцию вторично посетил голод. Стальный крестьянин, скрепя сердце, решился на крайнюю меру: за 13 серебряных долларов, по числу лет, мальчик был продан проезжему скupщику чая.

Прощанье со строгой, но все же любившей его по-своему теткой и двоюродными братьями было очень трогательно и надолго осталось в его памяти.

Потом начались года бесконечных невзгод. В Шанхае, куда был перевезен Ван, скupщик чая вскоре попал в тюрьму за какие-то махинации. Семья его стала бедствовать и постепенно опустилась на черное дно нищеты: китайской, самой ужасной в мире. Так случилось, что Ван оказался предоставлен своим собственным силам в безбрежном и равнодушном людском океане.

Последующие годы были наполнены трудной, полусознательной борьбой. Но расчетливость и трудолюбие, крепко вбитые в его грязную, нечесаную голову рукой суровой хупейской крестьянки, помогли ему не погибнуть. Сначала он нищенствовал. Потом, на подаренные ему европейской женщиной 20 центов, купил орешков и соленых бобов и начал торговаться. Этим делом Ван занимался целый год, пока не попался за невнесение торгового налога. В тюрьму он не угодил, но на уплату штрафа ушли все его скучные сбережения. Он поступил приказчиком и одновременно слугой к лавочнику, у которого раньше брал орешки.

К двадцати трем годам Ван перебрал уже с дюжину всевозможных профессий: грузил соль на пароходы, подметал улицы, торговал сигаретами, работал на постройках и Бог весть что еще. За все это время, упорно ограничивая себя во всем, он по центу скопил 35 долларов, которые целиком вложил в мелочную торговлю на окраине Чапея.

Казалось, жизнь была уже налажена.

Но один из компаний оказался нечестным человеком. Он дочиста обокрал своих товарищих и скрылся, оставив их, в том числе и Вана, буквально ни с чем. Здесь Вану в первый раз в жизни повезло: разорене не пришибло его окончательно, как остальных двоих. Под солидное поручительство того самого лавочника, у которого он когда-то брал орешки, ставшего теперь состоятельным фруктовым оптовиком, ему удалось устроиться ни много ни мало, как ночным сторожем к крупному голландскому коммерсанту.

Так, постепенно возвышаясь, Ван Лоу Сю достиг апогея своей карьеры: на двадцать восьмом году жизни он стоял в черном кожаном шлеме, с полосатой нашивкой на рукаве, на шумном, ярко освещенном перекрестке международного сеттльмента и гордо дирижировал движением ревущих, блестящих, сверкающих огнями автомобилей. Если бы в этот момент увидела его старуха-тетка и чумазые друзья его детства! Но тетка давно поконилась в тяжелом деревянном гробу на кладбище родной деревни, а сверстники, затерянные в четырехсот-миллионной пучине Китая, исчезли из его жизни навсегда.

Благополучие Вана оборвалось неожиданно. Польстившись на небольшую взятку с содержателя игорного дома, Ван был изобличен и с позором изгнан из полиции.

С той поры звезда его совершила самые разнообразные скачки и пирамиды, но общая траектория ее полета, увы, стала клониться книзу. После службы в полиции Ван стал носить купленное на толкучке европейское платье, а для солидности приобрел очки. Занимался он мелким комиссионерством, продавал и покупал что придется, а, главное, старался держаться поближе к европейцам, так как понял, что там, где с расчетливого китайского купца можно заработать 10 центов, — неразумный и расточительный «вайгожень»* заплатит доллар. Английский язык усвоил он уже настолько, что мог даже прочесть и написать кое-что. Немного научился понимать и по-русски.

Так, худо, хорошо ли, Ван Лоу Сю добрел до того перекрестка на своем жизненном пути, с которого виден уже предостерегающий красный огонь конвойера; до того перекрестка, за которым усталость от борьбы уже дает себя чувствовать. Ему стукнуло 35.

Двадцать с лишним лет, которые он провел в блужданиях по многомиллионным дебрям Шанхая, в атмосфере, пропитанной ядовитым духом этого города-авантюриста, — наложили на него печать. За эти годы Ван познакомился и со сладким ядом разврата, и с ухищрениями нужды, и с соблазном легкой преступной наживы. Обладая характером мягким и податливым, он шел по линии наименьшего сопротивления. Он стал мелким мошенником, и не сделался преступником только потому, что страх перед наказанием был в нем сильнее всех желаний.

Короче говоря, к тому времени, с которого начинается наше повествование, г-н Ван Лоу Сю давно утратил уже всякое сходство с застенчивым и трудолюбивым крестьянским мальчиком, которого 20 лет тому назад купил за 13

* Иностранец (Здесь и далее, за исключением особо означенных, прим. автора).

долларов чайный торговец в голодной деревушке далекого Хупея.

* * *

«Ремедиос — свинья и сын свиньи!» — подумал Ван в двадцатый раз и стал расплачиваться.

Шумной улице не было никакого дела до бредущего одиноко китайца. Ван дошел до мрачного здания почты и остановился.

Куда теперь?.. Домой?.. Зачем?..

Он вспомнил об истраченном на прошлой неделе двугривенном. Тогда впереди была комиссия за опиум и не жалко было поставить 20 центов на «козла» в притончике Сун Цзы Бина. Теперь — дело иное. Надо зайти справиться. Сун уже, наверное, собрал все ставки и розыгрыш состоялся. А вдруг — повезло? Хотя едва ли: проклятая Мыши помешает...

Ван решительно зашагал по направлению к одной из отдаленных улиц, где, в глуби узких проходников, притаился ресторанчик Суна, в задней комнатке которого тайно играли в «36 зверей». Там его ждал сюрприз: козел, на которого было поставлено наименьшее количество засаленных бумажек, выиграл. Сморщенный, как печеное яблоко, и совершенно лысый Сун Цзы Бин неохотно отсчитал ему несколько долларов, из которых два ввернул фальшивых. Но провести Вана по этой части было мудрено и старик вынужден был обменять их на настоящие, что он и исполнил, проклиная предков тех мошенников, которые занимаются подделкой денег, как будто он не действовал в живейшем контакте с ними. После этой удачи настроение Вана поправилось. «Хорошо, — рассуждал он, с удовольствием ощупывая в кармане пачку замасленных банкнот, — теперь надо развлечься. А завтра, с утра, подумаю, что предпринять. Можно, например, донести на собаку-Ремедиоса в полицию или просто пошантажировать Ма Юн Фана».

И весьма бодро он направил свои стопы в огромный, сияющий неоном «Великий мир», весело подмигивая встречным раскрашенным и остро надушенным проституткам.

* * *

Шанхайский «Великий мир», пестро иллюминированной башней возвышающийся на стыке французской концессии и международного сеттльмента, представляет собою одно из тех универсальных увеселительных мест, до которых так падка праздная китайская толпа. Да и не только китайская.

От дорогого, первоклассного ресторана до старенького стереоскопа, в котором за один «коппер» показывают дюжину порнографических картинок — в «Великом мире» можно найти все.

Ван солидно купил билет у входа и на лифте поднялся в первый этаж.

«Можно будет посмотреть картину в синема, фокусников, акробатов, закусить в ресторанчике... Говорят, в «Великом мире» показывают голых европейских женщин. Это тоже стоит внимания. А потом часов в 12, если будет настроение — сторговаться с какой-нибудь проституткой и провести остаток ночи совсем уж недурно».

Рассуждая так, Ван проследовал в зал, где, под оглушительные звуки гонга и визг скрипки, фокусник в старинном халате превращал рис в резиновый мячик на глазах ахающей толпы. Оттуда он прошел по коридору в другой зал, где уже третий день шло продолжение старинной пьесы «Трясенье золотой ветки»... Ван не видел начала и не заинтересовался.

Очнувшись снова в коридоре, он мимоходом бросил «коппер»* в автоматический шкаф с бумажными фигурками. Фигурки завертелись, и из щелочки внизу выпал листок с монгольским предсказанием судьбы:

1. Ваша стихия — железо.
2. Человек, к Вам расположенный, родился в 4-ом году цикла (Зайца).
3. Остерегайтесь покойников, родившихся в годы Лошади или Овцы.
4. Похоронить Вас следует головой на юг.
5. Ваше счастливое животное — мышь.

Мышь?!...

Ван с негодованием отбросил лживый листок. Чтобы отвести злость, он изо всех сил ударил кулаком в подушку силомера, но промахнулся и больно ушиб руку. Он готов был уже окончательно разозлиться, но здесь взгляд его упал на большой оранжевый плакат с изображенными на нем женскими фигурами в купальных костюмах. Ван повеселел. Тут надо было доплатить 20 ц. — что он и поспешил сделать.

В полутемном зрительном зале, на убогой сцене, четыре европейских девушки в откровенных нарядах плясали фокстрот. Маленький, щуплый пианист и мальчик-барабанщик аккомпанировали им нестройно и фальшиво.

Ван прошел в первый ряд и сел. Он бывал не раз в кабаре и если не понимал в европейском балете, то не настолько уж, чтобы не увидеть, что здесь дело было поставлено из рук вон плохо. Бедные костюмы, некрасивые лица. Ван был разочарован, даже шокирован. Он готов был уже подняться со своего места, но тут краем уха он услышал разговор, который не только остановил его, но даже заставил подвинуться ближе к случайному соседу.

Худощавый человек в голубом шелковом халате разговаривал с пергаментно-сухим стариком в очках и старомодной черной шапочке.

— Я презираю бесстыдные европейские танцы, — говорил старик, — но мне пришло в голову, уважаемый господин Лю, что эти девушки могут сослужить службу в нашем деле.

— Я не совсем понимаю вас, — отвечал голубой халат, — каким образом это

* Медная монета.

может случиться?

Старик наклонился и невнятно зашептал. Ван навострил уши.

— ...склонность к новизне... — уловил он отрывки речи... — все будет выглядеть... особенно в тех краях...

Он совсем понизил голос и Ван ничего не мог разобрать дальше, тем более, что говорили они на мандаринском наречии, которое он понимал плохо.

— Ваша мысль вполне соответствует вашему глубокому уму, — сказал любой халат, когда старик умолк. — Я попробую предложить европейским девушкам это дело.

Речь шла, очевидно, об ангажементе.

Неожиданная идея прорезала медлительные мозги Вана. Как случилось, что он снял шляпу и заговорил со своим соседом, он и сам не понимал хорошенько. Но факт, что Ван учтиво поклонился и сказал следующее:

— Высокопочтенный господин! Прошу вас извинить меня за то, что я вмешиваюсь в вашу беседу, смысл которой уловил случайно. Дело в том, что я, ваш низкий слуга, могу быть вам полезен.

Господин Лю взглянул на него холодно и надменно.

— Что вы хотите сказать? — спросил он резко. — И что вам за дело до нашей беседы?

Ван струсили, но пересилил себя и продолжал:

— Насколько я понял, — сказал он, — вы собираетесь предложить службу этим белым танцовщицам. Смею вас уверить, уважаемые господа, как шанхайский сторожил и знающий дело человек, что эти женщины — очень плохие представительницы своей профессии. Если вы пригласите их, вы впадете в ошибку, от которой я и хочу предостеречь вас.

Лю взглянул на него испытывающе.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Я — театральный агент Ван Лоу Сю, — не сморгнув, соврал Ван, — и я работаю на самых скромных процентах.

Г-н Лю наклонился к старику и что-то тихо сказал ему.

— Да... — ответил старик.

Г-н Лю снова обернулся к Вану.

— Здесь не место говорить о деле, — сказал он по-прежнему сухо, — но если ваши слова продиктованы здравым коммерческим смыслом, я выслушаю вас завтра. В полдень, возле железных ворот на Ним-бо-лу, вас будет ждать автомобиль. До свидания, уважаемый г-н Ван.

Оба, старик и Лю, встали и направились к выходу.

II

— Милостивые государыни и милостивые государи!

От имени литературно-научного общества ориенталистов «Желтая лампа», а также, с вашего разрешения, и от имени всех вас, я спешу выразить искрен-

нюю благодарность нашему почетному члену — доктору Яну Яновичу Зайковскому — за его ценный доклад, который мы прослушали с глубоким интересом.

Общепризнанные научные заслуги Яна Яновича, незаурядный лекторский талант его дают мне приятную возможность отметить, что вступление его в нашу среду ставит на твердый и правильный фундамент работу общества «Желтая лампа» И в той ее части, которая составляет компетенцию нашей синологической секции.

Официальную часть собрания объявляю законченной.

Председатель встал.

— Господа, прошу перейти в столовую. Чай, кажется, уже подан.

Лампа на столе погасла. Матовый свет небольшой люстры залил комнату. Слушатели повставали с мест. Стук отодвигаемых стульев и сдержанного говора наполняли небольшое зальце.

* * *

Инженер Павел Александрович Дорогов пошел на заседание общества «Желтая лампа» впервые и, надо сказать, не особенно охотно. Уступая настояниям своего друга, усердно тащившего его на это «сборище», он готовился уже терпеливо вкусить продукции местного Парнаса, а так как своеобразный «демпинг» этот не пользовался особенными симпатиями Павла Александровича — легко представить себе, в каком невеселом настроении вошел он в небольшое, просто обставленное помещение «Желтой лампы».

Стены этого капища Муз были украшены несколькими разнохарактерными этюдами, преимущественно на китайские темы. На стульях, расставленных в беспорядке, восседали человек 15-20 местных журналистов и художников. На широком диване у стены поместились три дамы, очевидно, поэтессы. Возле них был виден человечек с портфелем на коленях. Он рисовал портрет одной из дам, причем казалось, что нелепая рыжая бородка, которой он беспрестанно потряхивал, служит ему вместо резинки. Дама позировала, устремив взоры в даль.

Все это, вместе взятое, утопало в полумраке. Из табачно-сизого тумана настольная лампа под густым желтым абажуром выхватывала зеленое сукно стола и живот председателя, облеченный в синий вязаный жилет. Голова его тощила во мраке: когда Дорогов входил, председатель стоя заканчивал витиеватое вступительное слово.

Павел Александрович незаметно пробрался в угол и сел, окончательно решив бросить сегодняшний вечер в утробу литературному Молоху. Но то, что он услышал, в корне не оправдало этих унылых надежд.

Сама тема доклада, «Минеральные богатства Китая», уже обещала многое, а докладчик просто превзошел все ожидания.

Доктор Ян Янович Зайковский, высокий, грузный, широколицый старик

со старомодными усами над крупным ртом, оказался кладезем премудрости. Два с половиной часа, пока он говорил, прошли для Дорогова совершенно незаметно.

* * *

К Павлу Александровичу подошел адвокат Тенишевский, тот самый его приятель, усилиями которого он был почти насильно доставлен на заседание.

— Ну что, Павел, — сказал он, протягивая Дорогову щегольской портсигар, — ты все еще недоволен?

— Сознаюсь, — улыбнулся Дорогов, — не ожидал. Этот доктор действительно знаток! Кто он, — химик, минералог, математик?

Тенишевский щелкнул портсигаром.

— Тебе придется еще раз удивиться: Ян Янович — доктор богословия.

— Богословия?! Откуда же у него такая чисто специальных сведений?

Послушай, Валериан, я хочу поговорить с ним. Сделай милость, познакомь.

Адвокат взял Дорогова под руку.

— Вот и отлично. Пойдем к столу. Ян Янович, видишь, уже уселся за чай. Поскорее, а то наш Микеланджело сейчас заставит его позировать. Смотри, прицеливается!

Действительно, человечек с бородкой и с портфелем был уже тут как тут и выжидал только паузы в разговоре, чтобы вмешаться.

Зайковский неторопливо макал сухарь в крепкий, ароматный чай и разговаривал с председателем.

Федор Петрович Качаев, председатель общества «Желтая лампа», высокий брюнет с мягкими чертами лица, журналист и поклонник Вергинского, сидел вполоборота к доктору. Он чувствовал себя немного неловко: монументальный Ян Янович давил его своим суровым взглядом, спокойной уверенностью и энциклопедическими познаниями. За последнее время интерес к «Желтой лампе» в шанхайском обществе был значительно ослаблен появлением другого, аналогичного по задачам содружества «Синяя лампа». Поэтому вступление Зайковского в ряды членов «Желтой лампы» заставляло Качаева чувствовать к знаменитому ориентологу неизъяснимую словами, нежную симпатию. Ему хотелось выражить ее чем-нибудь более существенным, чем только что сказанное заключительное слово. Хотелось, что называется, не ударить в грязь лицом перед Зайковским и представить ему свое детище, «Желтую лампу», в свете наиболее приятном. Как назло, поведение остальных присутствовавших резко бросалось в глаза: доклад был прослушан внешне внимательно, но никто не только не пытался оппонировать, но даже не было задано ни одного вопроса. Чувствовалось, что аудитория бродит в области, затронутой докладчиком, как в лесу. И теперь, за чайным столом, не раздалось ни одного мнения, никем не было произнесено ни одного слова, хоть сколько-нибудь относящегося к только что слышанной лекции. Казалось, все облегченно вздох-

нули, отбыв скучную повинность, и теперь, на свободе, занялись оживленной беседой на более интересные темы. Доклад был прослушан и канул в вечность. В довершение несчастья, никто из присутствовавших и не думал приходить на помощь Качаеву в трудном деле представительства. Федор Петрович, сознававший себя полным профаном в ориентологии, уже несколько раз краснел в ответ на вопросы Зайковского и готов был возвратить к чьей угодно помощи, хоть к помощи человечка с портфелем и бородкой. В этот тягостный для председателя «Желтой лампы» момент к столу подошли Дорогов и Тенишевский.

— Добрый вечер, — сказал адвокат своим приятным баритоном. — Ян Янович, познакомить вас с моим другом. Павел Александрович Дорогов, инженер-металлург.

Качаев просиял. «Есть еще порох в пороховницах!» — подумал он облегченно и окинул Павла Александровича взглядом, полным приязни и надежды. Таким взглядом, вероятно, встречал заточенный на диком острове Робинзон спасительный парус английского брига.

Дорогов выступил вперед.

— Я рад слушаю познакомиться с вами, — сказал он, пожимая мясистую руку Зайковского. — Ваш доклад заинтересовал меня чрезвычайно. О целом ряде данных по геологии и минералогии Китая я услыхал сегодня впервые. Вам пришлось, вероятно, много путешествовать для того, чтобы все это узнать и увидеть.

— Ян Янович больше двадцати лет провел в глуби Китая, — вставил Качаев.

— Да, мне довелось узнать Китай лучше, чем мою родину, — сказал доктор. — Удивительная страна! И чем больше знакомишься с ней, тем больше удивляешься. То, что мне пришлось наблюдать в глубине Китая, собственно и натолкнуло меня на мысль изучить горное дело. Богатства недр этой земли — неисчерпаемы.

— Что же, неужто доступ к этой пещере Алладина так затруднен, что все сокровища до сих пор лежат под спудом? — спросил Дорогов.

— Я сужу главным образом как практик, — отвечал Зайковский. — И должен заметить, что хотя теоретически широкая разработка недр Китая кажется делом вполне осуществимым, — в действительности это далеко не так. Для примера возьмите хотя бы провинцию Гуй-Чжоу. Это золотое дно! В Гуй-Чжоу есть медь, вольфрам, ртуть, золото. Есть даже платина! В Сы-Чуане имеются рубины. И ничто не разрабатывается! Но троныте драгоценные залежи в Гуй-Чжоу и вам немедленно станут мешать все. От кули, который будет тащить ваш паланкин, до всех европейских правительств без исключения. И в результате окажется, что никакой платины нет и не было. Не забудьте, что Китай в настоящее время — узел политических и экономических дилемм. Платина лежит и будет лежать еще долго.

Зайковский отхлебнул чаю.

— Но отчего же никто не попытается? — возразил Дорогов.

Доктор махнул рукой.

— Пытались. Конечно, втайне, закулисно, но, повторяю, слишком сложна

ситуация.

— А скажите, Ян Янович, — неожиданно вмешался в разговор Тенишевский, — далеко отсюда до этого Гуй-Чжоу?

Ян Янович обернулся к нему.

* * *

Присяжный поверенный Валериан Платонович Тенишевский представлял собою фигуру настолько своеобразную, что нeliшним будет остановиться на ее описании несколько подробнее.

Наружность у него была самая эффектная: выше среднего роста, благодаря на редкость стройной фигуре, он казался высоким; в молодых годах спортсмен и атлет — Тенишевский сохранил привычку тщательно следить за своим здоровьем, а потому и выглядел значительно моложе своих 35 лет; темно-русые, почти черные волосы он стриг как-то особенно, наподобие лермонтовских героев, а густую черную бородку, украшавшую его упрямый подбородок, он носил без усов, что придавало его лицу несколько странное, насмешливое выражение. Черты Валериан Платонович имел резкие, но, в общем, правильные, а большие темные глаза, немного, как будто, печальные выдавали в нем примесь малороссийской крови. Мать его была киевлянкой.

На поверхность бурных шанхайских вод Тенишевский вынырнул совершенно неожиданно для всех. Какими-то ему одному ведомыми путями он в качестве добровольного Пинкертона расшифровал и раскрыл крупнейшую организацию по торговле наркотиками. Дело оказалось настолько громким и фантастически запутанным, что о бывшем русском адвокате заговорили газеты чуть не всего Китая. Такая популярность послужила ему на большую пользу: обладая всеми данными светского льва и дамского кумира, Валериан Платонович оказался не чужд и тому, что по-английски называется «business». Поэтому период популярности своей он использовал как нельзя лучше. Успевая исправно посещать все места, где должным образом следовало продемонстрировать такую знаменитую персону, он в то же время не упустил полезные знакомства, завязал новые и вскоре открыл на фешенебельной Бабблинг Велл род адвокатскую контору специально по уголовным делам.

Результаты его деятельности уже через год были налицо: текущий счет в одном из лучших банков, собственный автомобиль замысловатой конструкции и отделения конторы в китайском городе и на французской концессии.

С Дороговым он был знаком и дружен еще со школьной скамьи, хотя вместе они никогда не учились. Дорогов был реалист, Тенишевский сначала кадет, потом гимназист-классик. Дружба их, если можно так выразиться, выросла и окрепла на лоне природы. Летние каникулы в уездном городке Харьковской губернии они проводили всегда вместе. Бродили за городом в лесу, собирали орехи, били ворон из «монтекристо», удили рыбу и купались в Донце, из озорства воровали яблоки в соседних садах. Уже с детских лет опре-

делилась и разница в их характерах. Павел, рослый крепыш, был немного медлителен и порою тяжел на подъем, — Валериан, худенький и стройный, всегда был полон неутомимой энергии и всяческих затей. Затеи эти, впрочем, приводились в исполнение при неизменном участии Павла, безразлично, была ли это наивная экскурсия на чужую «бахчу» за дынями или разбивание из рогатки кухонного стекла у ненавистного учителя арифметики.

Впоследствии, в более зрелых годах, они вместе читали Дюма и увлекались им, каталась на коньках и занимались фехтованием. След этих упражнений остался на лбу Дорогова на всю жизнь.

Несмотря на существенное различие их характеров, сблизила их одна общая черта, проявлявшаяся в них с одинаковой силой, хотя и очень различно: оба они были, что называется, романтики. У Дорогова склонность эта сказывалась в любви к музыке (он недурно играл на скрипке), в редких, но всегда серьезных увлечениях женщинами, в которых искал он красоту не только физическую, но главным образом, духовную, и в чтении исторических романов, которыми Павел увлекался.

Романтизм Тенишевского был иного рода. В детстве был он дважды нещадно порот отцом, суровым артиллерийским полковником, за побеги из дома «в Америку», а в корпусе числился постоянным обитателем карцера. Семнадцать лет он дрался на дуэли с таким же мальчишкой, как он сам, из-за вальса с женой акцизного контролера, двадцатиреходной блондинкой. Павел присутствовал на дуэли в качестве секунданта, в душе твердо решив, — «если Валериан будет убит, стать на его место и отомстить за смерть друга». «Мстить» не пришлось. Дуэль окончилась благополучно. Никто не пострадал.

Артиллерийский полковник, без ума любивший своего «Вальку», к чести своей оказался внимательным и дальновидным отцом. После неоднократного многочасового хождения взад-вперед по кабинету он еще за два года до дуэли решил нарушить родовую традицию и из пятого класса корпуса перевел сына в гимназию:

«Надо дать свободы, простора. Пусть сам выберет себе дорогу. Не лежит его душа к военной дисциплине».

Валериан не ударил в грязь лицом. Языки он усвоил на лету, самоучкой стал играть на рояле и гимназию окончил с золотой медалью.

Юность Павла Дорогова не ознаменовалась никакими приключениями. Учился он хорошо, но не блестяще. Там, где экспансивного его друга выручали природные способности, Дорогов брал усердием и систематичностью. По окончании реального училища, решив поступить в горный институт, он в течение лета подготовился и хорошо сдал конкурсный экзамен.

Ставши взрослым, Павел Александрович, по существу, мало изменился. Он остался все тем же немного медлительным, покладистым идеалистом, добросовестным, но не очень предприимчивым в делах, каким он был и в юности. Под стать его характеру была и внешность: высокого роста, плечистый, он, правда, не гнул подков, но силой обладал внушительной. Черты лица Дорогов имел мягкие, хотя и крупные, а серые глаза его смотрели ласково и часто улыбались. Ни усов, ни бороды он не носил, а светлые волосы стриг коротко, по-

американски.

Разлученные отъездом старика Тенишевского на фронт (семья последовала за ним, в Польшу), — друзья встретились в Петрограде студентами. Дружба их еще более окрепла. В жизненной борьбе, оба неопытные и оба жаждущие, они поддерживали один другого, так как оба стремились излить избыток духовной силы на кого-то и в то же время оба нуждались в поддержке.

Революция разбросала их. Дважды встречались они за годы смуты и крови. Дорогов — кавалерийским поручиком, Тенишевский — артиллеристом. Потом наступило крушение. Колчаковская армия отступала через Сибирь. Они потеряли друг друга из виду. Валериан Платонович, сняв военный мундир, успел сдать государственные экзамены при университете во Владивостоке, Дорогов застрял в Сибири и только в 1924 году с великим трудом и опасностью выбрался из СССР в Харбин.

В 1929 году друзья столкнулись на улице в Шанхае. Именно благодаря тому, что и раньше они подолгу и часто не видели один другого, во встрече их не было ничего натянутого.

Каждый из них продолжал заниматься своим делом, — Тенишевский в своей конторе, Дорогов, — на службе в американской фирме, — но, несмотря на то, что жили они порознь и даже встречались редко, — прочная и деятельная дружба соединяла их всегда.

* * *

Вернее всего, что при других обстоятельствах доклад Зайковского не произвел бы на Валериана Платоновича никакого впечатления, но разговор за чайным столом придал его мыслям течение столь же неожиданное, как и стремительное. А так как оставлять раз зародившуюся идею в образе бесплодной теории было не в обычаях Тенишевского, он немедленно дал ей практические очертания и, надо сознаться, довольно грандиозные. Нетрудно догадаться, что темой его размышлений сделалась гуй-чжоуская платина.

В «Желтой лампе» Тенишевский бывал, так как он вообще бывал повсюду, не будучи связан с этим обществом ничем и, хотя он не был ни журналистом, ни художником, тем более ни синологом, члены «Желтой лампы» во главе с самим председателем искренне считали Валериана Платоновича одним из деятельнейших соревнователей. Привлечение Зайковского в число сотрудников этого «содружества» состоялось при его непременном участии. С Яном Яновичем Тенишевский был знаком уже несколько месяцев, встречаясь с ним в доме одного из своих клиентов-китайцев, и мысль о привлечении Зайковского в «Желтую лампу» принадлежала ему. Сам же он, заручившись восторженным согласием Качаева, и привел ее в исполнение. Зайковский, избегавший публичных выступлений и вообще державшийся в стороне от всякой общественной работы, заставил довольно долго уговаривать себя и вернее всего и вовсе бы отклонил приглашение, если бы не симпатия, которую старый уч-

ный почувствовал к деятельности и любознательному Тенишевскому с первых же дней знакомства. В сущности, Валериану Платоновичу «Желтая лампа» была совершенно посторонним делом, но так уж был устроен этот человек: всюду, где он ни появлялся, видел он неиспользованную возможность применить свою энергию и тут же, часто без всякой даже выгоды для себя, спешил это сделать. Когда Ян Янович согласился, наконец, прочесть для членов «Желтой лампы» свой доклад, Валериан Платонович был обрадован, как будто дело это непосредственно касалось его и неудивительно поэтому, что, встретив Дорогова в пять часов вечера в кафе, он самым решительным образом пристал к нему, уговаривая пойти на этот доклад. При этом он не имел другой цели, как только развлечь Павла Александровича и поделиться с ним достигнутым успехом.

Но теперь, сидя у руля своего быстро несшегося по ночным улицам мото-ра, Валериан Платонович складывал в мозгу новый, неожиданный и довольно грандиозный проект.

Всю дорогу до квартиры Дорогова он сосредоточенно молчал и только когда оба друга, развалившись в уютных креслах, закурили сигареты, — он заговорил, по привычке своей без всякого предисловия.

— Что ты скажешь, Павел? Врет Зайковский или нет? Конечно, Качаев и рад и благоговеет. Да как ему и не радоваться? Подумай только: в этом обществе китаеведов завелся наконец человек, который знает Китай! Но ты, горняк-специалист, должен же знать что-нибудь об этой платине, если она там чуть не валяется вдоль дороги. А?

— Доклад серьезный, — отвечал Дорогов. — Богослов этот, видно, человек бывалый и знающий. По вопросам горно-разведывательной техники он говорил так, как будто всю жизнь только ею и занимался. А что касается платины, сознаюсь, в такой категорической форме не слыхал еще ни от кого.

— Ну так что же, можно ему верить или он все-таки привирает? — не отставал Тенишевский.

Дорогов засмеялся.

— Да тебе что до этого за дело? Или ты тоже решил в горняки готовиться? Тенишевский встал и заходил по комнате.

— Как ты не понимаешь? Я хочу найти эту платину, если она действительно имеется. А как ее искать, что там рыть или долбить, это уже твое дело. Ты инженер, а не я!

Дорогов привык не удивляться необыкновенным проектам своего друга, но тут он все-таки был немного поражен.

— Как тебе не стыдно, Валериан? — сказал он. — Ты как мальчишка. Стоило тебе услышать увлекательный рассказ, и ты готов уже все бросить и нестись куда-то в дебри за этой платиной, будь она неладна. Мало тебя покойный Платон Викторович в детстве драл.

Тенишевский присел на ручку кресла.

— Брось шутки, Павел, Я говорю серьезно и ты, будь добр, отвечай мне тоже как следует.

Он был как будто взволнован. Дорогов посмотрел на него внимательно.

— Ты, Валериан, я вижу, хочешь затеять авантюру.

Валериан Платонович от нетерпения хлопнул ладонью по ручке кресла.

— Авантюра это или нет, ты скажешь потом. А теперь отвечай мне, наконец, толком, есть там эта платина, или Зайковский только втирает ею очки господам литераторам? И, прошу, без шуток и без нотаций.

Оба замолчали.

— Ну хорошо, изволь, — нарушил тишину Павел Александрович, — вот тебе мое мнение: платина там, возможно, что и есть. Геологически возможно. Понимаешь? Но имей в виду: сказать точно, «есть» или «нет», можно только на месте, после изысканий. Зайковский на меня произвел впечатление человека серьезного и «втирать очки» кому бы то ни было ему, я полагаю, незачем.

— Ага! — воскликнул Тенишевский и снова заходил по комнате. — Значит, все таки есть!

— Не «есть», а «может оказаться», — повысил голос и Дорогов. — Это совсем не одно и то же.

Тенишевский остановился.

— Теперь молчи и слушай, — сказал он. — Потом скажешь свое мнение.

— Половина первого, — взорвал Дорогов уныло. — Поздно уже.

— Завтра выспишься, воскресенье, — перебил его Валериан Платонович.

— Из-за такого дела стоит и вовсе не спать.

Дорогов махнул рукой и покорился.

— Хорошо. Говори. Только, будь добр, достань из буфета вермут, лимон и сахар. Холодная вода в «айс боксе», вон за той дверью.

* * *

План Тенишевского, который он полностью сымпровизировал в этот вечер, был весьма сложен и хитер. Основываясь он весь на непоколебимой уверенности в том, что в Гуй-Чжоу имеются богатейшие залежи платины. В том, что желающие вложить капиталы в это дело найдутся в изобилии, он нисколько не сомневался. Главные препятствия, которые он усматривал во всем этом предприятии, он сводил к несовместимости выгод великих держав в Китае.

Резюме, которое к двум часам ночи он преподнес Дорогову, заключалось в том, что для разработки платины, по его мнению, необходимо организовать очень сложный трест, нечто вроде англо-французской акционерной компании под фиктивной китайской фирмой, причем на Англию возлагалась задача, пользуясь неустойчивостью соотношения сил на Тихом океане, оказать давление на Японию и Соединенные Штаты с целью оттереть их от платинового дела.

Капитал предполагался французский.

При всей фантастичности этого проекта, Валериан Платонович сумел облечь его в такую увлекательную форму, что Дорогов невольно заинтересо-

вался.

— Ловко ты все это придумал! — сказал он, когда Тенишевский наконец замолчал. — Но я все-таки напомню тебе о самом главном условии успеха. Ты им почему-то пренебрегаешь. А что, если в Гуй-Чжоу никакой платины нет? Доклад Зайковского серьезен и основателен, поговорить о нем тоже интересно, нет слов, но для решения вопроса о платиновом предприятии это материал далеко не достаточный. Говорил ты довольно хорошо, но подумал плохо.

— Нет, — горячо возразил Тенишевский. — Подумал я серьезно. Я понимаю, что браться за такое дело можно, только имея в руках солидный материал. Этот материал нам даст Зайковский. Он сказал ясно: «В Гуй-Чжоу имеется плата». Пусть объясни, где, как и сколько. Надо поговорить с ним обстоятельно. Ты можешь считать мою затею фантазией, но согласись, что начинаю я с самого практического шага. Заставить Яна Яновича дома нетрудно. Не желаешь ли приехать к нему в понедельник часов в шесть со мною? Завтра, к сожалению, неудобно беспокоить, воскресенье.

— Отлично, — отвечал Дорогов. — С Зайковским я и помимо всякой платины с удовольствием познакомлюсь поближе. Поедем, интересно, что он скажет.

* * *

С раннего утра в воскресенье Ван приступил к делу. Никаких театральных связей он не имел. Но вчерашние соседи, хотя и произвели на него несколько загадочное впечатление, все же казались людьми со средствами. Упустить случай было бы глупо.

Рассудив так, он в девять часов утра направился к знакомому филиппинцу, игравшему на саксофоне в маленьком баре на Бродвее, разбудил его и узнал, что из европейских театральных агентов наибольшей популярностью пользуется некто Киндервейзе. Найти адрес в телефонной книжке было делом двух минут. В одиннадцать часов Ван уже сидел в конторе Киндервейзе и солидно, не спеша, излагал ему суть дела, как он ее себе представлял.

Нужна недорогая, но чистенькая балетная труппа и два-три опытных музыканта. Господин Киндервейзе, оказалось, недурно говорил по-китайски, так что Вану не пришлось даже блеснуть своим знанием английского языка. Старый опытный театрал был краток:

— Если будет дана солидная денежная гарантия, — сделать можно все.

Ван запросто обещал ему эту гарантию и, окрыленный надеждами, полетел на указанное ему вчера голубым халатом место.

Автомобиль, с четверть часа покружив по переулкам Нантао, доставил его в богато обставленный в стиринном стиле особняк.

Господин Лю принял Вана во внутреннем садике. Старик молча присутствовал тут же. Свысока выслушав почтительный доклад Вана, господин Лю сказал:

— Я вижу, что вы в курсе дела. Наше предложение таково: мой дядя, вид-

ный сановник, проживающий в провинции Гуй-Чжоу, считаясь с веянием времени, решил ознакомить своих сограждан с образцами европейского театрального искусства. С этой целью он поручил мне нанять здесь, в Шанхае, небольшую труппу артистов-европейцев и, заключив с ними условие на четыре месяца, поставить их в Гуй-Ян. Никакого комиссионного процента я вам не обещаю, так как артистов будете набирать не вы. Это я вижу из ваших слов. Но если мои личные переговоры с господином Киндервейзе, на которого вы указали, увенчаются успехом — я возьму вас в это путешествие в качестве переводчика на жалование в сто долларов в месяц.

Ван покраснел и охрип от радости.

— Сто долларов... — забормотал он... да... то есть... я подумаю...

— Вы подумаете? — поднял брови старик. Ван растерялся совершенно.

— То есть я... конечно, нет... Я согласен!!! Я вполне согласен!!!

Господин Лю скромно улыбнулся.

— Везите меня к Киндервейзе.

III

Концентрические шеренги матовых шаров под потолком, разом вспыхнув, извлекли из пестрого полумрака просторный зал кабаре. Танцующие отхлынули к столикам. Засновали в проходах белоснежные «бои», разнося в разнофасонных бокалах и бутылках красные, зеленые, розовые, золотисто-желтые напитки.

Слева, рассаживаясь вокруг своих столиков, весь залитый ярким сиянием потолка, колыхался волнами шелка и шифона всех оттенков нарядный цветник, смысл и суть этого места, — тридцать русских девушек — *dancing girls*.

Многоликий комплекс радости, легкомыслия, слез, печали, нужды, расточительности, источник любви продажной и самоотверженной, причина пьяных скандалов и глубоких драм, цель, волнующая пресыщенные нервы собравшихся сюда мужчин.

Утром, когда солнце стирает с лиц косметику, кладет вокруг глаз темные тени, следы бессонных ночей и алкоголя, — блестящие от сырости «карты» разнесут эту толпу по домам, в многолюдные террасы французской концесии, где в тридцати-сорокадолларовых «румах» — вторая половина их жизни: безработные мужья, франты-альфонсы, школьники-дети, пропойцы-любовники, редко у кого одинокая, нарядная постель...

И так же редкая из них, разве уж выпьет лишнее, позабудет по дороге домой вынуть из сумочки и пересчитать пачку узеньких «данс-тикетов» и ночной выручку за «дринки».

Теперь эта огромная пестрая клумба волновалась, дышала пудрой и смесью духов, все лица были молоды, свежи и беззаботны.

Потолок погас. Сверху, из-за лож, блеснул прожектор, заливая овал танцевального паркета потоком красно-фиолетовых лучей. На высокой трехярус-

ной эстраде четыре саксофониста, с иголочки одетые, одинаковые, как родные братья, разом встали со своих мест и запели, завыли экзотически-пряное, тягучее танго.

Из неожиданного мрака сноп прожектора выхватил стройную, невысокую женщину. Почти голая, волоча за собою волну колыхающегося шифона, с огромным стилизованным гребнем над безумно взбитыми черными волосами, откинув назад руки, она медленно прошла к середине притихшего зала.

Дебютировала новая «star», только что прибывшая из Сингапура балерина Клео Мандрагора, по паспорту — Милочка Петрова.

Белые, серые, светло-коричневые пиджаки, накрахмаленные пикейные «фрако» со всех сторон обернулись к ней. Кое-где блеснули монокли.

Ревю началось.

Мистер Джон Д. Брайтон, главный управляющий и диктатор этого учреждения, знал свое дело отлично. В те золотые времена, когда одуревший от скуки и пьянства иностранный Шанхай горстями разбрасывал доллары вочных «ball-room'ах» — изощряясь особенно не требовалось. Все сходило *all right*. Но, *tout passe!** Депрессия коснулась и дальневосточного Парижа. «Гость», шывавший в ночь 300, 500 долларов, стал зеленою кошкой, исчез, выродился в пяти-шестидollарового посетителя.

Но мистер Брайтон до сих пор с честью боролся с кризисом..

«Лучшее место в Шанхае» — вот что стало его девизом. И осуществлял свои планы он мастерски. Все в «Rainbow Palace» было только *first-class***. От оркестра, выписанного из Голливуда, до последнего телефонного боя, все у него носило отпечаток особого, одному «Rainbow Palace'у» присущего шика. Этим козырем мистер Брайтон успешно бил своих конкурентов. Все в Шанхае, что только имело возможность прокутить сотню долларов, несло эту сотню к нему. Мелкими клиентами он не интересовался, но, вероятно, именно поэтому они шли в «Rainbow Palace» особенно охотно.

* * *

Елена сидела на своем месте за длинным столом наверху, в уборной для артисток, и осторожно подводила глаза растушевкой. Ее номер шел третьим, в 12.45, и она могла одеваться не спеша.

Настроение у нее было плохое. Все в последние дни складывалось как-то нехорошо. Вчера, во время танца, пьяный немец выскоцил на середину зала и хотел ее обнять. Номер был испорчен, получился скандал. Сегодня вечер начался опять со скандала. Вера и Матильда напали на новеньющую, Милочку, за вчерашие данс-тиккеты.

— Ты даешь номер, получаешь жалованье, — горячилась Матильда, рослая

* Бальных залах... хорошо... (англ.). Все проходит (фр.). (Прим. ред.).

** «Радужном дворце»... первоклассным (англ.). (Прим. ред.).

черноглазая «хохлушка», — ты имеешь «на пол»! Почему же ты лезешь в первый ряд? Ты своих порядков здесь не заводи! Это не твое место. У меня только тиккеты и я тебе мое место не отдаю.

— Мне мистер Брайтон показал это место. На него и будьте в претензии, а я ни при чем, — огрызаясь Милочка.

— «Мистер Брайтон»?! — передразнивала ее Вера. — Это его не касается. Ты больше на Матильдино место не сядешь! Слышишь? И попробуй только Брайтону жаловаться! Все патлы выдернем! Попробуй только!

Елены этассора не касалась. Но неприятно раздражали их злобные голоса.

Милочка сейчас танцевала внизу танго «Экстаз», а Вера и Матильда, шурша шелковыми «evening-dress'ами»*, удалились на свои места, полные воинственного задора. Наверху, кроме Елены, оставалась только мисс Веббс, полунемка, полуазиатка, неподражаемая, единственная на весь Восток исполнительница гавайских танцев. Напевая вполголоса скабрезную английскую песенку, она расчесывала перед зеркалом сбитую шапку черных курчавых волос и полуфунтовые золотые браслеты позякивали при каждом движении ее рук.

Весь этот пестрый, мятущийся ночной мир был чужд Елене, несмотря на ряд лет, прожитых в нем. Сюда привела ее борьба с жизнью, как и многих других. Но с ранней юности Елена привыкла смотреть на окружающее открытыми глазами. Она обладала врожденной способностью к анализу, качеством редким, которого большинство женщин ее теперешнего круга, да, пожалуй, и мужчин, были безнадежно лишены. Эта постоянная оценка всего, что к ней прикасалось, придавая ее положению некоторый трагический оттенок, в то же время послужила ей на пользу. Кабацкий мирок, без остатка проглотивший душу и тело почти всех ее подруг, оказался не в силах побороть ее.

Елена Николаевна Зубова происходила из не очень родовитой дворянской семьи, разоренной и разбито ураганом революции. Очень рано ей пришлось жить самостоятельно и полагаться только на свои собственные силы. Трезвый инстинкт этой маленькой, неопытной женщины подсказал ей тогда путь, оказавшийся практически наиболее правильным. Из специальностей, которые могли бы поддержать ее существование, она избрала ту, которая давала больший заработка и некоторую самостоятельность. Она обладала хорошим музыкальным чутьем, имела вкус и врожденную грацию. В первые ряды балетных звезд ей стать не удалось, но театральное ее имя, Элита Фло, произносилось профессионалами с одобрением.

Годы, в течение которых ей пришлось кочевать из города в город, из одного кабаре в другое, — дали жизненный опыт, природная наблюдательность помогла ей накопить его... Она очень рано научилась правильно оценивать отношение мужчин, постоянно окружавших ее. Маленькая и хрупкая, она отлично могла постоять за себя. Неизменно и сознательно она боролась с тлетворным влиянием кабака, так же неизменно, в силу ее профессии, тащившего ее книзу. В этой борьбе она не уступала. Но сердце ее постепенно ожесточилось,

* Вечерними платьями (англ.). (Прим. ред.).

идеализм, которым была полна ее душа, заглох, уступая место практическому расчету.

Все это вместе взятое наложило отпечаток и на наружность Елены: большие голубые глаза ее никогда не улыбались. Легкий оттенок грусти всегда лежал на ее лице и строгий прямой пробор, которым она разделяла свои волнистые, светло-русые волосы, только усиливал это выражение.

Окружающие чувствовали в ней нечто выделявшее ее из ряда. Но это не послужило, как часто бывает, причиной неприязни и насмешек со стороны ее подруг по сцене. Наоборот, отношение к ней было в большинстве случаев хорошее.

Мистер Брайтон оценил ее по-своему: это, конечно, не *modern style*, столь необходимый в современном кабаре, но, в общем, в своем роде, пожалуй, даже *attraction*. Для любителей того, что называется «*classical ballet*» — вполне о'кей. А такая публика охотно вынимает чековую книжку и в «*Rainbow Palace*» — всегда *wellcome**. Есть смысл продержать эту блондинку несколько месяцев.

Но первого числа полугодовой контракт истекал и мистер Брайтон уже дал понять Елене, что пролонгации не будет, так как девиз его — «новинки, новинки и новинки».

Появление Клео Мандрагоры, alias Милочки, подтверждало его слова.

Телефонный бой, маленькая ливрейная куколка, показался в дверях.

— Miss Elita, telephone, — сказал он.

— All right! — ответила Елена и встала.

«Андрей Ильич, — подумала она. — Господи, что ему надо?»

* * *

Человек, вызывавший Елену к телефону, представлял собою ту странную, но довольно многочисленную разновидность славянской породы, которая испокон веков водилась только в глубине российских просторов. Теперь, с началом эмиграции, распространилась она и по всему свету, в среде многопечальной и многодумной русской интеллигенции.

Звали этого человека Андрей Ильич Книжников.

В течение последних месяцев он занимал в жизни Елены совсем особенное место. Не было между ними в полном смысле того, что называют любовью. Елена относилась к этому слову с грустным скептицизмом, сам Андрей Ильич — с высокомерным презрением, что не мешало ему приблизительно

* Современный стиль... приманка, аттракция... классический балет... приветствуется (англ.). (Прим. ред.).

раз в год исправно влюбляться в косо придется, и, непременно, безнадежно.

Эта потребность в любви, именно безнадежной, вошла у него в плоть и кровь.

Случалось, что у своего «предмета» пользовался он взаимностью, а так обычно и выходило, потому что наружностью он обладал довольно привлекательной и умом живым. Но он всегда умел повернуть дело так, что симптомы безнадежности начинали появляться на сцену. В конце концов, вдоволь насладившись муками отвергнутой страсти и надоев своей избраннице, как горькая редька, бывал он с позором изгоняем... В этой своей тенденции Андрей Ильич дошел однажды до того, что на десятом году супружества вздумал так же безнадежно влюбиться в собственную жену, чем поверг эту практическую даму в большое изумление.

Женился Книжников давно, при каких-то необыкновенно сложных и запутанных обстоятельствах, о которых никто толком не знал. Жена его, очень моложавая и довольно эффектная брюнетка, почти никогда не показывалась с ним вместе, жила своей особой жизнью, в кругу собственных знакомых, так что если бы, в один прекрасный день, Андрей Ильич вздумал объявить, что он в семейной жизни несчастлив, — все тотчас бы ему поверили.

Надо отдать справедливость Андрею Ильичу, — он этого не объявлял и от всяких комментариев по поводу своей нескладной семейной жизни неизменно воздерживался.

Лет он был средних, брюнет с легкой, преждевременной проседью, глаза имел серые, всегда прищуренные, по причине близорукости. Ни усов, ни бороды он не носил. Встретив его на улице, вы подумали бы, что он — художник, оперный супфлер или фельетонист из вечернего листка. На самом же деле, Андрей Ильич ничего общего ни с каким искусством не имел и только в моменты особых сердечных угрызений писал скучные стихи.

Служил он не особенно блестяще: без жалования, на одних процентах в страховой компании «Пассифик».

Что касается характера и прочих душевных качеств Книжникова, — разобраться в этом хаосе неожиданнейших противоречий не было никакой возможности. Разные драматические моменты своей жизни, в которых никогда не было у него недостатка, он переживал очень болезненно и тяжело, но сам, как будто глядя на себя со стороны, эти свои переживания всячески высмеивал.

Ленив он был необыкновенно.

Всевозможные способности и даже таланты, которыми во множестве одарила его природа, пошли ему совершенно не впрок. На каждом поприще, на которое он только вступал, он немедленно и заметно выделялся, но потом как-то остывал, скисал и останавливался.

«Это не важно!» — была его любимая поговорка в таких случаях.

Сказать же, что, по его мнению, «важно», Андрей Ильич вряд ли сумел бы.

Родись он лет на 50-60 раньше, может быть, хождение его по жизненным буеракам было бы более успешным, но в обстановке современной жизни своим существованием он только мешал всем окружающим, больше же всех — само-

му себе.

С этим человеком, около четырех месяцев тому назад, судьба столкнула Елену Зубову. С первых же встреч он поразил ее оригинальностью и меткостью суждений, багажом почти феноменальной памяти. Беседы с ним внесли как будто живую струю в атмосферу, в которой ей было тяжело дышать. Постепенно, она сама не заметила, как это случилось, непроницаемая броня, которой защитила она себя от всего окружающего, дала трещину. Андрей Ильич упорно, изо дня в день, протискивался в эту трещину и, наконец, прорывавшись, влез в ее жизнь и сел. Она перестала противиться этому упорному настиску, хотя на первое же патетическое признание Книжникова прямо и честно объявила, что не любит его и, даже если бы он не был женат, замуж за него не вышла бы.

Встречи их продолжались и Елена привыкла к ним... Он регулярно держал ее в курсе всех своих честолюбивых планов, из которых, пока что, ни одному не суждено было осуществиться. Она любила говорить с ним на отвлеченные темы, обсуждать прочитанные книги, и в этих случаях Андрей Ильич был незаменимым собеседником. Он знал решительно обо всем, прочел и помнил, казалось, все книги, которые только существуют на свете... Иногда он принимался читать ей бесконечные поэмы своего изделия, в которых фигурировали какие-то допотопные рыцари, мавры, а, подчас и нечистые духи. Елена слушала его снисходительно, но если чтение сверх меры затягивалось, — без церемонии прерывала щутливым замечанием. Андрей Ильич насмешек над собой не терпел; он тотчас складывал свое писанье и больше о нем не заговаривал.

По временам между ними происходили страстные сцены, после которых у Елены всегда оставался в душе осадок беспричинной тоски, а Книжников на несколько дней тяжело и мрачно задумывался. В эти дни он казался Елене далеким и чужим. Он чувствовал, очевидно, эту отчужденность и переживал ее с усилием, молча сидя на коврике перед камином и глядя в огонь. Потом, постепенно, отношения их опять выравнивались до следующего припадка страсти...

Елена долго не могла разобраться в этом сложном смешении чувств. В конце концов она пришла к тому заключению, что все это надо прекратить. Тайный инстинкт подсказывал ей, что финалом их отношений будет бессмысленная драма. Андрей Ильич хорош был на расстоянии, вблизи же он неизменно порождал смятение и душевную тяжесть.

Сам Книжников по этому вопросу вряд ли имел ясное мнение. Возможно даже, что Елена, за один взгляд которой он готов был, как говорят, расшибиться в лепешку, подобно рыцарям, о которых он так пространно и скучно писал, — существенно отличалась от настоящей, живой Елены. Основанием для всех суждений Андрея Ильича неизменно служила его собственная богатая и своеобразная фантазия, при помощи которой он, не стесняясь, вносил поправки в действительность.

Кроме всего этого, где-то, вне их мира, существовал призрак — т-те Книжникова. Имя ее никогда не произносилось между ними, но постоянно, особен-

но в минуты их близости, она незримо присутствовала тут же, внося свою каплю яда в их отношения.

В этот день Елена хотела прямо объявить Книжникову о своем решении, но он влетел к ней радостно-возбужденный, полный каких-то надежд. Он тормозил ее, наивно радовался и смеялся. Она сама смеялась и невольно радовалась чему-то вместе с ним. Расстались они трогательно и нежно. У Елены не хватило решимости заговорить.

Но, сидя одна за столом в артистической уборной, она ясно осознала, что это — минутно и непрочно. Истинная суть их отношений не в этой мгновенной нежности. Если бы было у нее к нему настояще, непреодолимое для нее самой чувство, — другое дело, но при настоящем положении самое честное и правильное — оборвать решительно.

Когда Елена подошла к телефону, в душе ее не было колебаний.

— Елена, вы? — послышался в трубке голос Книжникова. — Я на минутку вырвался из дома. У нас гости... Захотелось послушать ваш голос...

— Вот что, Андрей Ильич, — решительно сказала Елена, — приходите ко мне завтра в пять. Я должна с вами серьезно поговорить. Очень серьезно.

— Серьезно поговорить? — переспросил Книжников и по голосу его было слышно, что он встревожен. — О чем, Елена?

— Завтра и скажу. Только не опаздывайте. В шесть у меня репетиция. Слышиште? Обязательно.

— Да, я буду непременно... Но в чем дело, Елена? Что случилось?

— Я ничего не скажу сейчас. Завтра, в пять... А сейчас мне некогда, через 15 минут мой номер. До завтра, Андрей Ильич. До свиданья! Нет, нет, мне некогда... Я вешаю трубку...

Она отошла от телефона.

Завтра он придет к ней уже взволнованный... Но все равно, порвать надо теперь, пока не поздно. Дальше в лес, больше дров... Твердости у нее хватит. Вот неизвестно, как у него...

Номер Елены прошел с относительным успехом: гвоздем вечера было выступление Милочки.

Когда, разгоряченная от танца, тяжело дыша, Елена взбежала по лесенке в артистическую уборную, — бой подал ей карточку.

На крупном листке картона готическим шрифтом было отпечатано:

ХРИСТИАН ОТТО КИНДЕРВЕЙЗЕ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АГЕНТ

Китай, Филиппины, Британская Индия, Ява.

и на обороте по-английски:

«Не откажите подойти к моему столику по делу».

Киндервейзе был известен всему театральному миру. Он брал большие проценты, но, если предлагал дело, это всегда было выгодно. Мелочью он не занимался. Елена торопливо оделась, стерла грим и поспешила вниз.

Киндервейзе, худощавый, высокий, в безукоризненном «фрако» и с чер-

ным пенсне на носу, сидел за столиком с молодым китайцем в голубом шелковом халате. Когда Елена подошла к нему, он привстал. Китаец безучастно остался сидеть на месте.

— How are you, miss Elita? — приветствовал Елену Киндервейзе. — Садитесь. Чем прикажете угощать вас? Бокал вина?

— Благодарю вас, — сказала Елена. — Вы хотели говорить со мною?

— О, да!

Киндервейзе с улыбкой налил в ее бокал золотого рейнвейна и пододвинул вазу с фруктами.

— Я не буду терять времени: турне по городам Китая. Контракт на четыре месяца с господином Лю Цзен Тао (он сделал полупоклон в сторону китайца) — но платеж гарантирует, как всегда, моя контора. Жалование, — он поднял палец — триста мекс в месяц, мисс Элита!

Он не дал Елене ответить и наклонился к ней конфиденциально.

— Я советую вам согласиться!.. Вы проведете лето в курортных условиях, посмотрите новые места, освежитесь, отдохнете... Случай редкий, мисс Элита!

Это было полной неожиданностью.

— Я подумаю, г-н Киндервейзе, — сказала Елена. — Ведь поездка долгая и, наверное, далекая.

Киндервейзе с аппетитом отхлебнул вина.

— По всем провинциям Китая. Так будет стоять в контракте. Это официально. Частным образом могу вам сказать, что цель поездки — город Гуйян.

— Где это?...

Елена слышала о таком городе впервые.

— Какая разница? — засмеялся Киндервейзе. — Это — на западе...

— Я не знаю, — колебалась Елена. — Условия подходят, но что это за Гуйян? И... простите, кроме этого...

Киндервейзе понял ее с полуслова.

— Не смущайтесь, г-н Лю ни слова не понимает по-английски.

— Да?!.. Кто он такой?...

Киндервейзе засмеялся снова.

— Я гарантирую, вы уже слышали, весь платеж полностью! И (он понизил голос) в прочих смыслах — все all right. Г-н Лю не торгует живым товаром. Он племянник видного вельможи, сановника, ушедшего теперь на покой. Все платежи пойдут через Бельгийский банк чеками за его подпись. Нет, мисс Элита, со всех сторон все all right! Иначе я не взялся бы за это дело.

Она все еще колебалась.

— Я подумаю, г-н Киндервейзе. Можно дать ответ через два дня?

Киндервейзе сделал грустное лицо.

— Я понимаю вас... Да, я не настаиваю... Но г-н Лю ограничил меня временем. Контракты должны быть закончены завтра.

Он снова наклонился к Елене.

— Между нами: контракты Брайтона все идут через мою контору. С 15 июня — новая программа... Уже готова... И вашего имени в списке я не видел...

Соглашайтесь, мисс Элита! Я вам советую, как друг.

Киндервейзе умел разговаривать с артистами.

Но последний, весьма крепкий его аргумент как раз не имел для Елены решающего значения. Она скопила кое-что и могла скромно прожить месяца два-три в ожидании подходящего ангажемента. Мысли ее приняли совсем иное направление. Как живое, встало перед нею обеспокоенное лицо Андрея Ильи-ча. Сама судьба указывает ей выход из положения, которое сделалось невыносимым.

— Кто едет еще? — спросила она.

— Компания очень приличная, — ответил Киндервейзе. — Молодая «звездочка», Маруся Федина, — ее хорошо знает Веббс, — четыре девушки, ученицы балетной студии, пианист Кац из «Зеленои совы» и скрипач, некто Неволин. Аванс, — добавил он с любезной улыбкой, — при подписании контракта, долларов 200-250. Выезжаете через неделю, 3-го июня.

— Я согласна, г-н Киндервейзе, — твердо сказала Елена.

Киндервейзе глотнул вина и просиял.

— Well!.. — сказал он веско, обернулся к синему халату и заговорил с ним по-китайски. Г-н Лю внимательно взглянул на Елену и кивнул головой.

— Так все в порядке, мисс Элита, — заключил Киндервейзе. — Жду вас завтра в 11 у себя. Но, прошу: пока контракты не подписаны, — никому ни слова. Это старая театральная примета. Скажите там, наверху, что старик Киндервейзе предлагал вам ехать в Дайрен и вы отказались. В Дайрен, к Фурману... Ха-ха!..

Елена встала.

— До свиданья, г-н Киндервейзе. Завтра, в 11, я буду в вашей kontоре.

— Well, well! — повторял Киндервейзе. — Работа будет очень легкая. До завтра, дорогая мисс Элита.

— Что ему надо от вас? — с любопытством встретили Елену наверху. — Вином угощал, смеялся... Что с ним за китаец такой?.. Как мумия.

— Не знаю, — отвечала Елена, — какой-то Лю. А Киндервейзе предлагает ехать к Фурману в Дайрен. Пусть сам едет! Да, кстати, Веббс, вы не знаете, кто такая Маруся Федина?

— Ха... — фыркнула Веббс и уперлась руками в свои голые колени, обернувшись к Елене в профиль. — Кто такая Маруся? Конечно, знаю... Б... вроде нас всех!..

И она весело захохотала, довольная своей шуткой.

IV

Не кроется ли одна из глубочайших загадок мироздания в том простом на первый взгляд факте, что вещи, с течением времени перенимают, как бы впитывают в себя незримые токи? исходящие от человека?

Одежда, мелочи, которые я ношу в кармане, — все это постепенно приоб-

ретает отпечаток, свойственный только моим вещам; обстановка комнаты, где я долго прожил, начинает усваивать неуловимый, неопределенный словами характер моей обстановки. Вещи как будто имеют душу, нежную и восприимчивую, на которую человеческая душа кладет свою печать. Ни одна наука не интересуется этим явлением и не исследует его. А между тем, не стоят ли люди именно здесь перед той запертой дверью, за которой скрыты важнейшие тайны природы? Не сталкивается ли человек в этом простом житейском случае с проявлением той неведомой силы, которая заставляет материю жить и двигаться?

Пусть читатель простит мне это маленько отступление. Дело в том, что когда Дорогов следом за своим стремительным другом входил в кабинет Яна Яновича, — в голове его мелькнуло нечто очень похожее на эти рассуждения.

Не очень большая, светлая комната была обставлена без всякой претензии на модный «модерн». Два широких, мягких кресла в синих чехлах, толстый пекинский ковер на полу, медный курительный столик с деревянным, тоже отделанным медью прибором, простой письменный стол, два стула возле стен и застекленный книжный шкаф, — вот, кажется все, что увидел Павел Александрович в кабинете знаменитого синолога. Только одна длинная, фуга в четыре, серебряная картина на стене, чудо гравировального искусства, оживляла строгий вид.

Ян Янович, без пиджака, с засученными рукавами и с расстегнутым воротом рубахи, встал навстречу.

— Добрый вечер, господа! Простите за небрежный мой костюм, но гостей не ждал. Садитесь. Рад вас видеть. Бой! — распорядился он по-китайски, — льду, соды, виски!

От его неспешных манер, простых и приветливо сказанных слов веяло основательностью, знающей себе цену физической и моральной силой.

Неслышенный «бой» подал сигары и освежающий напиток.

Едва пригубив из своего стакана, Тенишевский, томимый нетерпением, ухватил, что называется, быка за рога.

— Павел, — сказал он, — говори, в чем дело. Ты сумеешь объяснить Яну Яновичу наш «бизнес» более объективно, чем я.

— Хорошо, — кивнул головой Дорогов. — Ян Янович, простите нас за вторжение, но нас привело к вам дело, которому мой друг придает значение первой важности. Сам я тоже, не скрою, очень заинтересован.

Зайковский обернулся к нему.

— Прошу вас. Все что в моих возможностях, — к вашим услугам.

— Речь идет о вашем докладе в «Желтой лампе», — продолжал Дорогов.

— Я буду краток и прям: нам важно услышать от вас подробное разъяснение сказанной вами фразы: «В Гуй-Чжоу имеется платина»...

Он взглянул на Зайковского вопросительно.

— Да, — имеется, — сказал Ян Янович.

— Так вот по этому то вопросу мы и хотели бы побеседовать с вами более подробно.

Зайковский выдержал паузу.

— Я не совсем понимаю вас. Интересуетесь вы этим как специалист- теоретик или как экономист, или, — он улыбнулся, — практически?

— Для меня это вопрос чисто теоретический, — отвечал Павел Александрович. — Мои сведения о горном районе Гуй-Чжоу чересчур ничтожны, чтобы я мог строить какие-нибудь практические планы на этот счет.

— Так вы хотите иметь данные, достаточные для практических планов? — сказал доктор. — Я правильно понял вас?

— Да, — вмешался Валериан Платонович. — Речь идет о разработке платины в Гуй-Чжоу.

Ян Янович раскурил сигару.

— Я не верю в такое дело, — сказал он спокойно. — Пожалуйста, я поделюсь с вами данными, которые я имею и которые не составляют тайны. Но что касается деталей, — мне хотелось бы знать, что думаете на этот счет вы сами. Без сомнения, прежде чем обращаться ко мне с подобными вопросами, вы уже обсудили между собою подробности такой авантюры. Простите за резкость, но я считаю это авантюрой.

— Ян Янович, — воскликнул Тенишевский, — когда вы узнаете мой проект подробнее, мнение ваше переменится.

— Может быть, — сказал Зайковский. — Хорошо... Взгляните сюда и послушайте.

Он вынул из ящика стола огромный лист, весь испещренный рисунками, и не торопясь развернул его.

— Это карта Китая, составленная вашим соотечественником И. А. Дьяковым. Взгляните сюда и послушайте, раз вам эти данные нужны.

Провинция Гуй-Чжоу — одна из наименее исследованных областей внутреннего Китая. Очертания ее, особенно северо-западная граница, не нанесены точно ни на одну карту. Никто там никаких измерений не производил. Пути сообщения в этом краю очень первобытны. Если вы хотите попасть в Гуй-Чжоу, вам придется ехать на сампане, который будет бечевой тащить кули, так как движенье происходит вверх по реке, очень быстрой и капризной. Часть пути вам пришлось бы проделать на носилках, которые несут те же кули через крутые горные перевалы. Существует еще другой путь, через провинцию Сы-Чуань, но вряд ли вы избрали бы его. Из естественных путей сообщения вода все-таки самый удобный. Южная дорога, через провинцию Гуань-Си — тоже по сухе.

В русском переводе «Гуй-Чжоу» значит «драгоценный район». Из этого видно, что китайцам с давних пор известен этот край именно как месторождение полезных и даже драгоценных ископаемых. Последние сведения, которые вы можете получить на этот счет из европейских источников, даст вам географический справочник, кембриджское издание 1929 года. Согласно его данным, картина получится приблизительно такая.

Он водил разрезным ножом по карте. Дорогов и Тенишевский с интересом следили за ним.

— Запад провинции Хунань, пограничной с Гуй-Чжоу, богат залежами сурьмы, — продолжал Зайковский. — В восточной части Гуй-Чжоу есть желез-

ные руды, а местами и ртуть, что указывает на возможность присутствия золота. Южная часть — снова сурьма, юго-восточная окраина — еще сурьма и железо. Восток Гуй-Чжоу и северо-восток — медные руды. В приграничных районах Сы-Чуаня, то есть прямо с севера, к Гуй-Чжоу опять подходят месторождения железа.

Ни один европейский справочник не даст вам более подробных сведений. Притом и эти справки даются с оговоркой, что минеральные богатства Гуй-Чжоу не исследованы, часты ссылки не то что на китайские источники, а просто на народную молву. Взгляните теперь еще раз на карту. Если отметить указанные мною сейчас районы, вам бросится в глаза, что вся центральная часть провинции остается незаполненной.

То, что я вам сейчас сказал, вы можете прочесть в специальной литературе и найти в библиотеках. От себя добавлю, что в бытность мою в Гуй-Чжоу я лично обследовал довольно обширные районы и сделал свои наблюдения. В тех местах, которые по замечанию составителя справочника «не исследованы» — имеется не только платина, но и радиоактивные руды, а участки, указанные как содержащие ртуть, — пересечены золотыми жилами.

Он откинулся на спинку кресла.

— Теперь, господа, я хочу знать, зачем вам это все требуется и что вы собирались предпринять.

— Говори, Павел, — сказал Тенишевский.

Поручая Дорогову главную часть переговоров, Валериан Платонович поступал так не из скромности, которая была присуща ему в очень малой степени, а имея в виду завлечь таким образом Павла Александровича и заинтересовать его платиновым делом, которое он искренне считал осуществимым.

Расчет его оказался почти правильным. Во всяком случае, передавая доктору в кратких словах сочиненный Тенишевским план, Дорогов, сам того не желая, вложил в речь свою максимум убедительности.

Ян Янович выслушал его внимательно, не перебив ни одним вопросом.

— Да, — сказал он, когда Дорогов умолк. — Общая сумма капиталов, вложенных иностранцами в различные предприятия в Китае, составляет кругло около полутора миллиардов фунтов стерлингов. При существующем положении вряд ли найдутся охотники увеличить эту сумму. Равнодействующая всех сил, влияющих в настоящее время на позицию держав в отношении Китайской республики, направлена, господа, в сторону отступления. Уже сам факт подсчета и опубликования затраченных сумм, то есть будущих убытков, говорит за то, что возможность потерь обсуждается. Кто захочет увеличивать риск и сумму потерь?

— Эксплуатация платиновой концессии по нашему плану может многое возместить и послужит к ликвидации многих разногласий, — опять вмешался Тенишевский. — Со стороны же китайских интересов, — правительство сумеет, конечно, выпустить в платиновую концессию весь излишек давления иностранных интересов, как в контрольный клапан. Вот идея нашего проекта. Вопрос, в конце концов, сводится к тому, как сумеют иностранцы поделить между собою этот кусок.

Зайковский положил свою сигару на край стола.

— Дорогой Валериан Платонович, — сказал он, — ваш план не лишен осторожности. Я даже скажу вам больше: иностранцы сумеют поделить этот кусок без особых затруднений. То, что вы решили относительно политического давления, которое окажет Англия на Соединенные Штаты и Японию, близко подходит к истине, как мне кажется. Пока вопрос о вооруженном столкновении на Тихом океане висит в воздухе, английский флот — могущественный фактор. Англичане сумеют воспользоваться своим положением, что они, в общем, и делают. Не думайте, что дела, совершающиеся в глубокой провинции Китая не интересуют лондонских политиков. То, что хотя бы косвенно задевает их интересы, — учитывается тотчас же. Не кажется ли вам, например, странным, что скончавшийся недавно Далай-лама, ярый сторонник китайского национализма, за два месяца до смерти знал, что он умрет и сам распорядился своими похоронами? Я могу объяснить это особенной, оккультной силой его, но почему английский генерал, посланный присмотреть за соблюдением английских интересов в период междувластия в Тибете, находился уже в пути из Европы, когда Далай-лама был еще жив и здоров? В оккультные способности этого генерала я что-то мало верю.

Так вот, господа: весь ваш международный трест, по моему мнению, зависит от позиции, которую займут англичане. Но это все — теория. На практике же дело обстоит совсем иначе. Существует еще один фактор, с которым лет 20-30 тому назад никто и не подумал бы считаться, но который теперь сыграет решающую роль: китайское правительство никому не сдаст концессию на платину. Если ее и станет кто-нибудь разрабатывать, то только сами китайцы. А этого еще придется подождать.

Наступило молчание,

— О'кей! — сказал наконец Тенишевский и хлопнул себя ладонью по колену. — Китайцы не дадут концессии? Так пусть тогда берутся сами. Ведь если будут представлены точные данные, цифры, планы, пробы и анализы, — это сдвинет их с мертвой точки! Платина не солома, Ян Янович! Возьмутся и китайцы. Еще как возьмутся!

Он встал и заходил по комнате.

— Это — старая история, знакомая еще по России... Пока проект — никому не нужно. И денег не дадут и экспедицию не разрешат. Но когда плата станет фактом, — оторвут с руками!!!

Он остановился против стола.

— Точные данные, вот что надо! Разведывательную экспедицию! Пусть хоть сам черт ее финансирует, это не важно... но она необходима! Пробраться в Гуй-Чжоу я сумею, сохранить все в тайне до поры, — тоже смогу. За Павла — ручаюсь. И когда мы возвратимся с точными материалами в руках, найдутся капиталисты и среди китайцев! Не могут не найтись!.. Но нужна экспедиция, нужны изыскания! Нужны деньги на это!!! Ян Янович! Поддержите меня своим авторитетом, дайте мне сведения, которыми я смог бы хлопнуть по столу, чтобы достать деньги на экспедицию! Без этого ведь мне никто не поверит!! Вот в чем дело! А тогда — я переверну вверх дном весь Шанхай и найду

человека, который раскошелится!

В течение всей этой бурной речи доктор внимательно смотрел на Тенишевского и Павел Александрович с удивлением заметил, что по мере того, как тот говорил, на лице старика все яснее проступало доброе, отечески-ласковое выражение. Он как будто любовался горячностью и стремительностью Валериана Платоновича.

Когда Тенишевский умолк, доктор несколько минут курил свою сигару, потом встал и положил ему руку на плечо.

— Пробуйте, Валериан Платонович! Бог вам в помощь!

Он наклонился к карте.

— Ян Янович, — остановил его Тенишевский, — поедемте с нами!

Зайковский улыбнулся.

— Я стар, дорогой мой, мне шестьдесят третий год. На своем веку я достаточно поездил, многое узнал и увидел. Теперь Китай интересует меня с другой стороны. Со стороны вековой мудрости его. Если хотите, я поделюсь с вами кое-чем и в этой области. Полезно будет вам, например, ознакомиться с учением и легендами «Фын-Шуй»*, так как там, куда вы собираетесь, им придается большое значение. Но сам я не поеду. Помощь свою — окажу по мере сил. Данные, которые я сообщу сейчас, определят только исходную точку для ваших изысканий. Центр платинового района лежит, очевидно, несколько севернее того места, где я был. Это вам предстоит выяснить. Мои же указания будут таковы...

Дорогов и Тенишевский в волнении наклонились над картой.

— После того, как вы поднимитесь по Юань-Киану** и минуете город Джин-Цзян, — сказал Зайковский, водя крепким, коротко остриженным ногтем по карте, — около 109 градуса восточной долготы вы перейдете границу провинции Гуй-Чжоу, «земли Тиан»***, как называют ее древние книги. Здесь, не доехая сорока китайских ли**** до городка Чен Яна*****, вы высадитесь на левый берег реки в деревушке, стоящей там, и углубитесь в горы на северо-запад, все время дугообразно заворачивая к западу. Сейчас я точно укажу вам румбы по компасу и приметы в пути.

Он подошел к шкафу и отыскал на нижней полке объемистый коричневый портфель.

* Фын — ветер, Шуй — вода. Именем «Фын Шуй» китайцы называют духов-элементалов, которым приписывается большое влияние на человеческие дела.

** Юань Цзян — южный приток Ян Цзы Цзяна, протекающий по провинции Хунань. Река эта в верховьях распадается на несколько составляющих ее небольших рек: Чо Цзян и Цзинь Шуй Цзян (Цзинь Шуй Хэ) на юг и Чень Юань Цзян (Чень Юань Хэ) — на запад — наиболее крупные из них. Здесь имеется в виду Чень Юань Цзян.

*** Каждая провинция Китая, кроме географического наименования, имеет еще название старинное, литературное, по-русски — «книжное». Такое «книжное» название провинции Гуй-Чжоу обозначается иероглифом 桂, кот. в русской академической транскрипции (словарь Пекинской Духовной Миссии) читается Цян, «Тиан» — более соответствует местному произношению.

**** Мера длины, соответствует $\frac{1}{2}$ версты.

***** Чень Юань, городок на Чень Юань Цзяне.

V

Фарфоровые часики с отбитой ножкой на камине в комнате Елены только успели торопливо отзвонить пять раз, как Андрей Ильич постучался в дверь. Вид у него был очень встревоженный, шляпа на затылке, в руках какие-то покупки.

— В чем дело, Елена, что случилось? — спросил он, в беспорядке свалив свертки и коробочки на стол и целуя Елене руки.

— Сядьте, Андрей Ильич, снимите вашу шляпу и слушайте: я уезжаю.

Елена видела, как по его лицу прошла тень, а углы рта дрогнули.

— Куда? Надолго?..

— В Ханькоу, а оттуда — по провинции... Мой контракт в «Райнбоу» кончается.

— Но ведь я говорил вам, Елена, что могу через нашего управляющего повлиять на Брайтона и ваш контракт продлить!

— Я подписала договор и уже взяла аванс, — ответила она. — Я еду на четыре месяца... Менять решение поздно...

— ...Так, значит, не в этом дело... Не в контракте и не в Брайтоне, — тихо сказал Андрей Ильич. — Вы просто хотите уехать. На четыре месяца, это значит, — совсем... Да, я понимаю...

Он сел, согнувшись над столом, и принял вертеть в руках кондитерскую коробочку. Лицо его потемнело, а глаза стали узкими и колючими.

Прошло несколько тяжелых минут.

Книжников встал и подошел к ней.

— Вы понимаете, что это невозможно?..

— Невозможно?!.. Я не люблю вас, Андрей Ильич, — сказала Елена, стараясь придать своему голосу спокойное выражение. — Никогда не любила. Вы об этом знаете. Я не обманывала вас...

Он не ответил и снова отошел на свое место у стола.

Опять наступило молчание.

— Мы только мучили друг друга, Андрей Ильич... — Она остановилась, перебирая бахрому вышитой подушки... — Рано или поздно, конец этому должен был прийти...

Книжников не отвечал.

— ...Лучше и честнее — нам расстаться. Я еду для того, чтобы не было возможности встречи... Будет легче вам, если я уеду...

Андрей Ильич продолжал молчать.

Она подняла голову и увидела, что Книжников плачет.

Слезы стекали по его лицу и падали на кондитерскую коробочку большиими серыми кляксами.

В комнате темнело. Косые лучи солнца, исчезавшего за крышами домов, протянулись сквозь паутину филейной занавески, освещая зеркало, смятую шляпу, Андрея Ильича на каминной доске и часики с отбитой ножкой. Торопливо тикая, они отмеряли минуту за минутой, деловито, будто мимоходом, звяк-

нули в половине шестого.

— Андрей Ильич, — тихо позвала Елена, и голос ее невольно дрогнул. — Андрей Ильич, вы слышите?.. Мы все равно должны расстаться... Даже если бы я не уезжала. Я не хочу лгать вам.

Книжников встал и обернулся к ней стремительно.

— Елена! — сказал он резким, деланным тоном, — я вас понял... Почтенно! Достойно уважения!.. Лгать, конечно, не надо!..

Слезы перестали бежать из его глаз, но углы рта продолжали истерически вздрагивать.

— Вы решили, Елена? Вы хорошо подумали?..

Он протянул к ней руку быстрым, безумным жестом.

— Я не хочу, чтобы вы шли по вашей дороге одна, без помощи и поддержки. Я не могу допустить этого! Мне ничего не надо... Ни любви, ни дружбы вашей! Но не уходите от меня!.. Елена!..

— Успокойтесь, Андрей Ильич, — сказала она, — успокойтесь. Идите... Мы поговорим еще... до моего отъезда. Сейчас вы не можете рассуждать спокойно.

Он резко заложил руки в карманы.

— Нет!.. О чем мы поговорим? Какая разница — сегодня или через два дня? Вы... Едете, Елена?.. Совсем?.. Навсегда?..

Знакомое чувство жалости к нему наполняло душу Елены. Еще слово, еще шаг, и решимость ее поколеблется. Она заставила себя быть твердой.

— Да, Андрей Ильич. Я решила.

Губы Книжникова перестали вздрагивать. Андрей Ильич вдруг как-то опустился и съежился. Он постоял, бессильно уронив руки, потом неловко собрал свои покупки со стола и молча, как автомат, вышел, забыв шляпу на камине.

* * *

— Что ты скажешь теперь? — спросил Тенишевский, едва они вышли из квартиры доктора.

— Да, — сказал Дорогов, — сомнений не остается. Что ж, поедем в Гай-Чжоу. Все равно, я собирался отдохнуть это лето. На службе мне дают отпуск на четыре месяца. Можно им воспользоваться. А ты? Да впрочем, что я спрашиваю. Ясно, что бросишь все и поскакешь. Разве ты иначе когда-нибудь устраивался?

Тенишевский засмеялся.

— Я как раз так и собираюсь поступить. Объявлю, что поехал на дачу и закрою контору на лето. Пару клиентов потеряю, — не велика беда.

Автомобиль, ровно стучав мотором, несся по широкой, слабо освещенной Рю Ляфайет.

— Ты домой? — спросил Дорогов.

— Нет, я сегодня приглашен на dinner. А ты? На печь лапу сосать? Хочешь, прокатимся? По Ханчжоускому шоссе и назад? А?

— Я никуда не спешу, — ответил Павел Александрович, — валяй!..

Тенишевский прибавил газа. Мимо замелькали тени деревьев, высокие темные дома и, на перекрестках, аннамиты-полицейские с распростертыми руками.

— А как же с финансистом? — спросил Дорогов.— Ты это считаешь пустяком, но все-таки? Тише ты, сумасшедший!..

Валериан Платонович резко затормозил и свернул в сторону, чуть не выскочив на тротуар. Тормоза взвизгнули. Впереди, под самыми фонарями, заметалась испуганная фигура рикши.

— Черт!! — воскликнул Тенишевский. — Под колеса так и лезет. Мошкара! Нарочно, чтобы потом требовать заувечье... Знакомое дело!

Он распахнул дверцу автомобиля и сердито выругался вслед поспешно удалявшейся коляске рикши.

— Да ты сам полегче, — заметил Дорогов, — несешься ведь, как угорелый. А им твои гудки и фонари ничего не говорят. Это для них невразумительно.

Валериан Платонович выпрямил машину и снова дал полный ход.

— Ничего! — заключил он. — Обошлось. Хочется покататься как следует. Настроение хорошее.

Он еще поддал ходу. Автомобиль вылетел на прямое, как стрела, Ханчжоуское шоссе.

— Ну, смотри, — сказал Дорогов, — чтоб не попали мы вместо Гуй-Чжоу — в участок.

Они неслись сквозь вечерний сумрак. Дорогов, откинувшись на сиденье с трубкой в зубах, заложив руки в карманы. Тенишевский, — наклонившись к рулю, пристально глядя вперед. Яркие фонари автомобиля раздвигали пелену быстро спустившейся тьмы, из которой навстречу им бежала лента дороги. Силуэты деревьев казались черными.

— Так ты о финансисте беспокоишься?—спросил Тенишевский, не поворачивая головы. — Зайковский говорил, что платиной могут заинтересоваться англичане. Великолепно! Как раз подходящий человек есть. Можно попробовать.

Дорогов вынул трубку изо рта.

— Кто же это такой? У тебя всегда нужные люди под рукой, как в коробочке у фокусника.

— Это интересная личность, — отвечал Валериан Платонович, — сэр Арчибальд Хеддльсбюри, отставной английский полковник. Официально — проживающий на покое почтенный джентльмен, на самом же деле, — один из вершителей колониальной политики Лондона. Если клюнет — мы сможем купить столько бурильных машин, что иссверлим все Гуй-Чжоу, как швейцарский сыр.

— Не знаю, не слыхал, — сказал Дорогов, — впрочем, после того, что говорил Зайковский, я думаю, что ты прав: для будущего не важно, кто будет финансировать разведывательную экспедицию.

— Для будущего? — усмехнулся Тенишевский. — Да и для нас с тобой тоже. За одни сведения, которые мы привезем оттуда, мы выручим, знаешь, — столько да еще полстолько.

Он весело засмеялся.

— Значит, едем завтра к Хеддльсбюри. Времени терять нечего. Часам к десяти я уже буду знать его адрес. Заехать за тобой?

— Заезжай, — ответил Дорогов. — Только, прошу, не бросайся на этого твоего «сэра», как янычар. Придержи твой темперамент. Англичане — народ сухой. Лучше предоставь всю специальную часть мне.

— Ага! — обрадовался Валериан Платонович. — А что ты говорил вчера? Авантюра?

— Да это, в сущности, и есть авантюра, — возразил Дорогов, — и доктор сначала тоже самое сказал. Только если обставить все толково, она имеет шансы на успех.

— Ты только подумай, Павел, — перебил его Тенишевский, — сколько новых впечатлений! Дикие места!

Дорогов посмотрел на него с улыбкой.

— Ты вот не проспи завтра.

Валериан Платонович спохватился.

— Да! Что ж это я? Про приглашение и забыл. Который час, Павел?

Дорогов взглянул на свои часы-брраслет.

— Без двадцати восемь. Тебя к какому часу ждут?

— К восьми, — ответил Тенишевский. — Минут на десять все-таки придется опоздать.

Он затормозил и стал заворачивать машину.

* * *

Ровно в десять утра на следующий день многострадальный автомобиль Валериана Платоновича остановился перед небольшим кирпичном особняком на окраине международного сеттльмента.

АРЧИБАЛЬД Д. ХЕДДЛЬСБЮРИ

— лаконически гласила массивная медная доска у запертых решетчатых ворот.

Сэр Арчибалльд принял их в просторном полутемном кабинете, обставленном весьма солидно. Это был высокий, широкоплечий старик с рыжеватыми подстриженными усиками и с золотым пенсне на орлином носу. Небольшие серые глаза его смотрели холодно и зорко. Одет он был в простой полотняный костюм. В руках сэр Арчибалльд держал только что поданные ему боем визитные карточки Дорогова и Валериана Платоновича. Русские фамилии неожиданных посетителей, казалось, произвели на него самое неблагоприятное впечатление. Брови его были слегка нахмурены.

— Доброе утро, господа, — сказал он своим немного резким голосом, — чему обязан удовольствием вас видеть?

— Мы просим вас уделить нам полчаса для делового разговора, — сказал Дорогов заранее приготовленную фразу.

Сэр Арчибалд взглянул на него через свое пенсне.

— К сожалению, я занят, — ответил он сухо. — Если вы пришли по делу благотворительного комитета, который возглавляет моя жена, — зайдите в два часа, секретарь переговорит с вами.

— Мы хотим познакомить вас с промышленным проектом большой важности, — снова заговорил Дорогов. Хеддльсбюри нетерпеливо и недовольно пожал плечами.

— Речь идет о разработке платины, — выпалил Тенишевский. — Мы имеем данные и готовый план разведывательной экспедиции.

— Платины? — переспросил сэр Арчибалд и тонко, еле заметно усмехнулся. — Где же вы нашли ее? И почему вы решили обратиться с этим делом именно ко мне?

— Позвольте мне изложить суть дела, — сказал Павел Александрович. — Тогда все станет для вас понятно.

Сэр Арчибалд извлек из бокового карманчика сигару и подошел к столу. Только тут он, наконец, нашел нужным заметить, что гости его стоят.

— Садитесь, господа, — сказал он и сам опустился в кресло у письменного стола. — Я слушаю вас.

Кратко и сухо Павел Александрович рассказал старому джентльмену о нахождении в горах Гуй-Чжоу платины, о том, что точные данные у них в руках и упомянул об огромном значении, которое может иметь платиновая концессия.

В заключение Дорогов прямо предложил ему финансировать разведывательную экспедицию.

Сэр Арчибалд взглянул на Дорогова пристально и недоверчиво.

— Кто направил вас ко мне? — спросил он.

— К вам направил нас здравый смысл, — вмешался Валериан Платонович.

— Мы знаем, что вопрос о платиновой концессии стоит очень широко.

На сухом лице англичанина изобразилось хорошо разыгранное изумление.

— Я частное лицо, — проговорил он с ударением, — от всякой политики я далек. Но если уж вы заговорили со мною об этом деле (здесь он снова едва заметно усмехнулся) — разрешите полюбопытствовать, каковы же ваши данные?

— Мы опираемся на свидетельство и указания очень солидного авторитета, — сказал Тенишевский.

— Кто этот «авторитет»?.. — строго спросил Хеддльсбюри.

— Доктор Зайковский, — ответил Валериан Платонович.

Сэр Арчибалд снял пенсне и не спеша протер его платком.

— Олл рейт, — сказал он. — Я знаю доктора Зайковского. Это серьезный исследователь, я согласен с вами, и я читал его труды. Он не откажется, конечно

но, лично подтвердить все, что он говорил вам?

— Безусловно, — согласился Тенишевский, — но точно указать пункт, с которого мы собираемся начать наши изыскания, мы, разумеется, не можем, пока вопрос о вашем участии в деле не согласован.

— О, я не собираюсь выведывать у вас вашу тайну, — возразил Хеддльсбюри, — владейте ею самостоятельно.

Он неожиданно поднялся.

— Извините меня, господа, я очень занят. Наш разговор придется отложить до другого раза. Мне очень жаль, но время мое расписано с утра.

Он протянул крепкую, сухую руку. Дорогов тоже встал, рассерженный и озадаченный. Валериан Платонович в свою очередь протянул руку англичанину.

— Мы не будем задерживать вас, — сказал он с любезнейшей улыбкой. — На моей визитной карточке есть мой адрес и телефон. Кстати, в ближайшие дни я сам буду очень занят переговорами по этому же делу с японскими финансистами.

Он поклонился немного насмешливо.

— Желаю вам успеха, — все так же сухо ответил ему Хеддльсбюри, — но раньше, чем в понедельник, в пять часов, я не буду иметь времени принять вас. До свидания, господа.

Он проводил их до дверей.

— Какой отвратительный субъект, — сказал Павел Александрович, усаживаясь в автомобиль. — Он, видимо, считает, что сделан из другого, лучшего теста, чем мы, только потому что он — иностранец, а мы — русские эмигранты. Не стоило и обращаться к нему. Все равно, кроме неприятности, ничего не вышло.

Валериан Платонович весело рассмеялся.

— Ты наивный человек, Павел! Наоборот, я считаю, что начало очень хорошее. Это «частное лицо» заинтересовалось нашим проектом. Держу пари, что он сейчас звонит по телефону другому подобному же, а то и третьему, «частному лицу» и все они вместе примутся обрабатывать Зайковского. Во всяком случае, к понедельнику сэр Арчибалд, по-моему, придумает нечто очень хитрое и каверзное, что нам с тобою придется раскусить.

— Ты собираешься идти к нему в понедельник? — удивился Дорогов.

Тенишевский яростно загудел на пересекавшую улицу китаянку с ребенком за плечами.

— А разве ты не слышал, что он назначил нам «аудиенцию» в пять часов именно в понедельник? — спросил он. — Ах ты, простота. Дело, по-моему, очень хорошо начато. Но вот что нам необходимо сделать, — это немедленно предупредить Зайковского. Поезжай ты к нему, у меня весь день сегодня занят. Расскажи все как было и попроси инструкций.

Дорогов пожал плечами.

— Я просто плонул бы на этого Хеддльсбюри. Он возмутительно себя держал с нами. Охота тебе выслушивать этот тон еще раз.

— Да, тон не особенно любезный, — согласился Валериан Платонович,

но — **business is business!** Придется потерпеть, не беспокойся, он этот тон скоро переменит.

VI

Всю неделю, остававшуюся до отъезда, Елена провела в хлопотах и сборах. Множество мелочей, необходимых в дороге, надо было купить и уложить. Она старательно пересмотрела и рассортировала свое имущество и все лишнее отвезла на хранение знакомой русской семье.

Среди этих мелких забот мысли ее несколько раз возвращались к Книжникову. Он не показался ни разу, не позвонил по телефону, не написал письма. Елена понимала, что это было с его стороны проявлением известной силы характера. Легко могло случиться, что он поступил бы как раз наоборот. Твердость и слабость, мужество и малодушие, — сочетались в нем самым странным образом. Но так или иначе, если до отъезда ее он не переменит своего образа действий — исчезнение его из Елениной жизни можно было признать более или менее окончательным. Чувство жалости к нему, очень беспокоившее Елену в первые дни, постепенно угасло, уступая доводам рассудка. В отношении Андрея Ильича она поступила, конечно, честно и правильно.

Еще при подписании контракта Елена познакомилась со своими будущими спутниками. Музыкантов, Каца и Неволина, она встречала раньше. Оба они были типичными представителями своей профессии, без всяких намеков на оригинальность. Девушек, учениц балетной студии, как определил их Киндервейзе, она видела впервые. Наружностью они не блистали, но зато все были очень молоды, не старше 19 лет. Младшей, Ангелине, едва исполнилось 16. Елена внимательно оглядела их, стараясь догадаться, которая — Маруся Федина, и про себя остановилась на высокой крашеной блондинке с пухлыми, чувственными губами и добрым взглядом карих глаз, подкрашенных старательно, но неумело. Она не ошиблась.

Держали себя девушки скромно. Деловито пересчитали свои маленькие авансы, попрятали их в сумочки и еще раз справились о дне отъезда.

На прощанье Киндервейзе пригласил всех от имени хозяина на обед в китайский ресторан, в восемь часов вечера, накануне отъезда. Он записал адреса и обещал сам заехать за всеми на автомобиле.

Приглашение это не очень привлекало Елену, но отказываться не приходилось. Со стороны хозяина это была, безусловно, любезность и обижать его отказом не было никаких оснований. Поэтому, когда в половине восьмого, второго июня, Киндервейзе заехал за ней — она была уже готова. В гладком голубом платье «*afternoon*», красиво оттенявшем ее золотистые волосы, она выглядела строго и изящно.

В кабинете богатого китайского ресторана на авеню Эдуарда VII вся труппа была уже в сборе. Опрятные, быстрые бои-кантонцы разливали зеленый чай в серебряные чашечки, разносили на подносиках тыквенные и арбузные

семечки, жареный миндаль и сигареты.

За большим круглым столом, кроме участников поездки и г-на Киндервейзе, поместились два китайца: тот самый худощавый, г-н Лю, которого Елена уже видела в «Rainbow Palace», и другой, в европейском платье и круглых очках.

Киндервейзе представил его труппе:

— Господин Ван, ваш переводчик. Он отлично владеет английским языком. Через него вы будете иметь возможность объясняться с господином Лю. Кроме того, ему поручены все хозяйствственные заботы в пути.

Девушки смущенно жались одна к другой и чувствовали себя видимо неловко. Но многочисленные блюда тонкой кантонской кухни сменялись расторопной прислугой, душистый «Бисквит Дюбуше» был разлит в серебряные чарочки и стеснительность их постепенно таяла. Девушки осмелели и, сами смеясь над своим неуменьем справляться с длинными костяными палочками, с любопытством набрасывались на каждое новое блюдо.

Музыканты, маленький, остроглазый и лысоватый Кац и коренастый, стриженый бобриком Неволин, сразу почувствовали себя как дома: налегали на коньяк и с завидной ловкостью орудовали палочками.

Елене приходилось раза два бывать на китайских обедах, но такого разнообразия она никогда не встречала.

Серебряные и фарфоровые миски, чашки и подносы плыли бесконечной вереницей. Крепко просоленная ветчина, нарезанная тончайшими ломтиками, мелко изрубленная копченая утка и маленькие, таявшие во рту тефтели из поджаренного жира с орехами сменялись грибами, свининой под густым пряным соусом, салатом из мелко нарубленной пахучей травки, супами куриного, грибного, черепашьим, из плавников акулы, из абрикосовых зерен, из трепангов, сладким ореховым и жгучим от приправ рыбным, с клецками из утиного жира. Овощи, куриные потроха, рыба под знаменитым кантонским красным соусом, жареные устрицы в тесте, спаржа, сладкий, освежающий салат из лотоса, желе ананасное, яблочное, рисовое, соус из водорослей и молодого бамбука, — все чередовалось в таком причудливом разнообразии, что не было возможности не только съесть все эти блюда, но даже запомнить.

Г-н Лю почти не прикасался к еде и почти не разговаривал. Он пристально оглядел всех присутствовавших, потом опустил глаза и не поднимал их уже до конца обеда.

«Как странно он держится», — подумала Елена.

Только когда на столе появились, наконец, широкие подносы с ананасами, апельсинами и румяными, сладкими яблочками, а слуги разнесли всем горячие надушенные полотенца, — г-н Лю вышел из своего безразличия и попросил Вана передать участникам поездки, что багаж должен быть сдан завтра, не позже четырех часов. Посадка — до часа ночи, пароход, — «Hsin Peking» — отходит в пять часов утра.

— Г-н Лю Цзен Тао, — закончил перевод его слов Ван, — желает всем удали и счастливого путешествия.

Киндервейзе тотчас встал и от имени труппы произнес витиеватую ответ-

ную речь, из которой можно было заключить, что все и всем весьма довольны, в частности он. Говорил он по-английски и Ван перевел его слова г-ну Лю с большим подъемом, усердно размахивая рукой.

Девушки поапплодировали и Киндервейзе и Вану, хотя ни того, ни другого не поняли.

Г-н Лю встал, равнодушно простился с каждым в отдельности и остался стоять у дверей, как хозяин, провожая гостей. Вана, который выходил последним, он задержал.

— Уважаемый господин Ван, позаботьтесь о том, чтобы та часть театрального имущества, которая будет уложена в мои сундуки, была доставлена ко мне к десяти часам утра.

— Почтенный господин Лю, — возразил ему переводчик, — будет ли удобно затрудняться упаковкой этих вещей? Я отправлю весь театральный реквизит сам и если понадобится, куплю пару лишних корзин.

— Уважаемый г-н Ван, — остановил его Лю, — я отдал распоряжение и не люблю отменять то, что приказал. Прошу вас доставить вещи, о которых идет речь, ко мне завтра, к десяти часам утра. Если меня не будет дома, — мой младший двоюродный брат У Цзы Фу примет их у вас.

Ван молча поклонился.

«Я замечаю, что г-н Лю не любит возражений», — подумал он и запомнил этот вывод для будущего.

* * *

— Ну как? — нетерпеливо спросил Тенишевский, входя в небольшую столовую Дорогова. — Что сказал Ян Янович?

Павел Александрович указал ему рукою на стул.

— Садись, не егози! Ян Янович говорит, что все разыгрывается, как по нотам. Хеддльсбюри, очевидно, человек осторожный и желает знать прежде всего, стоит эта платина серьезного внимания или нет. Финансировать разведывательную экспедицию он, вероятно, согласится именно для выяснения этого вопроса. Кроме того, он прикинет, конечно, нельзя ли вообще сыграть на этом деле политическую кадриль. И что уж совсем кажется нашему доктору очевидным, это то, что сэр Арчибалд попытается получить у него все нужные данные сам. Никакие русские инженеры ему совершенно не желательны. Он постарается обойтись без нас. Зайковский ждет теперь с минуты на минуту посланцев от Хеддльсбюри и настолько в появлении их уверен, что решил эти дни не выходить из дома. Но сказал и велел передать тебе, чтобы ты не кипятился: «Раз я вам уже доверил — подводить не стану и делегатов сэра Арчибалда отправлю к адвокату Тенишевскому, который, мол, знает все, что надо знать». Подтвердить англичанам, что наши данные вески и достаточны, он согласен.

— Молодец Зайковский! — воскликнул Валериан Платонович. — С каким но-

сом отчалит от него почтенный сэр Арчибалд! Ну уж и «адвокат Тенишевский» провести себя не даст. Хочет Хеддльсбюри обойтись без нас или не хочет, а придется ему или упустить все между пальцами, или снаряжать нас в Гуй-Чжоу!

Дорогов засмеялся.

— И не заметишь, как старый Хеддльсбюри тебя вокруг пальца обведет. Да еще как обведет! Погоди радоваться.

* * *

Всю неделю Тенишевский был как на иголках. Вынужденное бездействие не давало ему ни спать, ни есть. Он надоедал Зайковскому ежедневными, чуть не ежечасными телефонными звонками, но доктор не мог порадовать его ничем. Посланных от сэра Арчибальда не было... Дорогов тоже волновался. За эти дни в кабинете Хеддльсбюри решалась судьба первого шага их предприятия.

Наконец, настал решающий день. С самого утра Валериан Платонович засел дома, ожидая условленного звонка по телефону. Но Зайковский не звонил. Идти к англичанину приходилось, очевидно, вслепую. В половине пятого, перед самым отправлением в путь, Валериан Платонович не утерпел и вызвал доктора к телефону.

— Были? — спросил он взъерошенно.

— Были! — отвечал Зайковский. — Только что ушли. Мой ответ вы уже знаете. Я направил их к вам.

— Великолепно! — воскликнул Тенишевский. — Теперь дело в шляпе!

— Не знаю, — отозвался в трубку Ян Янович. — Беседа с посланными Хеддльсбюри произвела на меня такое впечатление, будто для него ваша экспедиция — маленький пустячок, о котором не стоит много говорить. Я советую вам действовать с ним решительно и обязательно сегодня же поставить вопрос ребром. Или да, или нет! Не позволяйте ему тянуть. Не согласится — ищите другие пути. И побольше спокойствия, дорогой Валериан Платонович. Мой привет вашему другу.

Тенишевский повесил трубку, озабоченный.

— Поехали, Павел, уже время.

По дороге он передал Дорогову слова доктора...

— Хеддльсбюри, очевидно, интересуется больше самим доктором, чем нами, — сказал Павел Александрович. — Зайковский это, видно, понял, но из тактичности, что ли, не сказал. Советует тебе не допускать затяжки. Ну что ж, «адвокат Тенишевский», не осрамись.

Тенишевский затормозил машину.

— Слезай, приехали!.. С Хеддльсбюри я буду говорить решительно. Рассуживать нечего. С козыря!

Но козырнуть не пришлось. Сэр Арчибалд сам пошел с тузом.

— Пожалуйте сюда, — после первых же приветственных слов сказал он.

Вслед за старым джентльменом они прошли на застекленную веранду, где на столе была наколота кнопками огромная карта Китая.

— Вот провинция, куда вы направляетесь, — сказал Хеддльсбюри, обводя красным карандашом извилистую границу Гуй-Чжоу. — Я не настаиваю на личном свидании с доктором. Люди, которых я посыпал к нему, пользуются полным моим доверием. Того, что доктор сказал им, для меня вполне достаточно. Я согласен финансировать разведывательную экспедицию из моих личных средств. Обдумав все, я связал технические детали поездки с вашим пребыванием в Гуй-Яне. (Он обвел красным карандашом кружок, обозначавший Гуй-Ян). Нечего и говорить, что поездка ваша должна быть тайной. Вы превратитесь, допустим, в географов, ботаников, — там будет видно. Мы еще обсудим это. Восьмого июня вы выедете из Шанхая и уже 15-го сможете сесть в поезд на Чан Ша*. Это значит, что 18-го числа вы достигнете города Чан Дэ на реке Юань. Кладу два дня на задержки в пути и два дня на наем сампанов и людей. 22-го июня начнется ваше путешествие вверх по реке, которое займет от четырех до шести недель.

«Откуда он успел обо всем этом узнать?» — подумал Дорогов.

Сэр Арчибалд, крепко нажимая на карандаш, чертил толстую красную черту на карте... Начинаясь в Шанхае, она шла вдоль Ян Цзе Киана** до Ханькоу, сворачивала оттуда вглубь провинции Хунань, снова поднималась к северу, извилисто тянулась по реке Юань к границе Гуй-Чжоу и пересекала ее. Почти доведя эту черту до городка Чен Яна, сэр Арчибалд внезапно остановился и обернулся к Дорогову.

— Где-нибудь здесь, господин инженер, вы, вероятно, свернете в горы.

Дорогов побледнел.

«Неужто Зайковский проговорился? Быть не может!» Хеддльсбюри остановил свой карандаш возле Чен Яна, очевидно, случайно.

— Мы едем в западную часть провинции, — храбро соврал Тенишевский, — нет нужды скрывать от вас район.

— Отлично, — согласился Хеддльсбюри и снова повел свой карандаш по карте. — Тогда вы обязательно проедете Гуй-Ян. Это будет приблизительно через 50 дней по выезде вашем из Шанхая. Бурильная машина понадобится вам не ранее 10-го, 15-го августа, то есть когда вы уже наметите пункты бурения. Более портативные инструменты вы возьмете с собою. Это мы тоже обсудим детально. All right! К 15 августа машина будет доставлена в Гуй-Ян с юга способом, который я уже наметил. По частям вы перевезете ее в горы и там, на месте, соберете. Я дам вам адрес британского торговца в Гуй-Яне и через него вы будете сообщаться со мною. Технического помощника я дам вам отсюда.

— У г-на Дорогова есть технический помощник, который служит у него

* Город Чан Ша на реке Сян — административный центр провинции Ху-Нань.

** Ян-Цзы-Цзян (дословный перевод — «Сын Океана»). Ян Цзы — величайшая из рек Китая. Длина ее 5,127 километров.

много лет, — снова соврал Валериан Платонович, — лишний человек только увеличит расходы.

— Да, — поддержал его Павел Александрович, — вполне достаточно будет, если поеду я, г-н Тенишевский и мой постоянный помощник.

Хеддльсбюри не возразил.

— *Maskee*^{*}, — небрежно бросил он, — это не важно.

Но по тому невольно резкому жесту, которым он отложил в сторону карандаш, можно было заключить, что это для сэра Арчибальда, наоборот, очень важно. Тем не менее, он не нашел нужным настаивать.

— Итак, господа, собирайтесь в путь. В среду утром я буду ждать вас для окончательного выяснения деталей. Теперь же прошу извинить меня. В шесть часов я должен быть по делу в другом месте. Позвольте на прощание предложить вам выпить по стакану виски за успех нашего дела.

И, в первый раз за все время, сэр Арчибалд Хеддльсбюри улыбнулся.

* * *

Прохладный ветер, пронизанный пылью тумана, вздымал маленькие пенистые волны. Мутная, испещренная пятнами водоворотов поверхность реки быстро темнела. На мачте, над рубкой рулевого, зажглась электрическая лампочка, скудно осветив замысловатый, весь опутанный цепями якорный шпиль и прикорнувшего возле него китайца-матроса. Вдали, на берегу, сквозь туман замелькал сигнальный огонек.

Елена стояла на носу парохода над черным, грузно повисшим якорем. В стороне на опустевшей палубе раздавались голоса. Переводчик Ван разговаривал с Неволиным. Беседа их носила довольно странный характер. Скрипач знал два-три слова по-китайски и кое-как понимал английскую речь. Ван с таким же совершенством владел русским языком. Тем не менее, разговаривали они с большим оживлением. Елена невольно прислушалась.

— Воды Амур ходи, — рассказывал Неволин, для чего-то коверкая русскую речь, — шибко большой река, тады, понимаешь? (Он разводил руками, показывая наглядно ширину Амура). Ну, а ваша эта Ян Цзы как будто даже больше. Понимаешь? Биг?! Чега Амур — сё, смолл утер, — ну, конечно, тоже мое почтение, — а Ян Цзы тады-тады. Воды канка, как бы это сказать, — в первый раз. Понимаешь, ига?.. Ига канка...^{**}

Ван слушал внимательно.

— Иес, иес, — отвечал он по-английски, — вы хотите любоваться рекою один? Пожалуйста, я спешу удалиться.

^{*} Согласен (англ. флотское выражение). (Прим. ред.).

^{**} «Во, воды» (кит.). — я. Big (англ.) — большой. «Чега» (кит.) — это, этот. «Се, седы» (кит.) — маленький. Small water (англ.) — маленькая вода. «Та, тады» (кит.) — большой. «Канка» (кит.) — смотри. «И, ига» (кит.) — один.

— Куда же ты? ..

Неволин ухватил его за рукав.

— Ты, брат, что-то не так понял. Я насчет реки... Шима?? — воскликнул он вдруг и указал пальцем на воду. — Ишь, как крутит!

Ван тоже наклонился над бортом, внимательно глядя вниз и ничего, кроме воды, там не видя.

— Крутит, понимаешь? — толковал Неволин. — Омуты какие! Шима, шима? — допрашивал он Вана. — Шима это, говорю?

Он делал в воздухе быстрые круги пальцем и указывал за борт. Река, действительно, образовывала в этом месте огромные водовороты. Течение, все затянутое темными расползающимися кругами, почти не было видно. Пароход, тяжело вздрогивая, пересекал эту сеть по диагонали, от одного берега к другому.

Ван, наконец, понял и радостно закивал головой.

— Понимаю, понимаю, — заговорил он, поминутно перескакивая с английского жаргона на невозможный русский, — это очень плохое место! Тут живут старики... Два старика... Очень старые старики. Они живут на дне. Там у них квартиры. Две квартиры. В одной — один, в другой — тоже один. Когда ночь — они выходят, сидят на дне и играют в шашки. Всю ночь играют и никто не должен им мешать. Если пароходы идут наверху, они сердятся и мутят воду. Никакой умный капитан не идет здесь ночью. Все останавливаются и noctуют выше или ниже этого места. Наш капитан, наверно, иностранец, поэтому он не останавливается. Это очень нехорошо! Очень нехорошо. Я боюсь, что мы не будем иметь удачи. Но иностранцы всегда так: ни с чем не считаются. Это очень сердитые старики! Как можно их тревожить?

Неволин ничего не понял.

— Какой такой «олд мен»? Ты, что ли, «олд мен»? Или я? Ну тебя, в самом деле, ничего-то ты не понимаешь. Пойдем-ка лучше, брат, я тебя угощу. Под сардинку. Кроме своего ханшина, ничего, поди, и не пил ты порядочного. Пойдем. Лайла, брат. Ига панза, хо-пухо?

Он щелкнул себя по шее пальцем.

— Чидо?*

Ван понял. Они удалились.

Вся эта сцена диссонансом ворвалась в мысли и настроение Елены. Теперь, когда Ван и скрипач ушли, она снова наклонилась над бортом и продолжала стоять так, вдыхая влажный свежий воздух.

Она снова вспомнила Андрея Ильича.

«Что делает он сейчас? Мрачно ходит взад и вперед по балкончику в своей квартире, или при мирном свете висячей лампы равнодушно читает гостям Бальмонта, или, пьяный и безумный, дико скандалит в кабаке? А... Все равно... Страница прочитана... Бог с ним».

Елена почувствовала, что кто-то смотрит на нее. Она обернулась. Шагах в

* «Лайла» (кит.) — пойдем. «Ига панза» (кит.) — одна чашка. «Хо-пухо» (кит.) — хорошо-nehорошо. «Чидо» (кит.) — понимаешь.

пяти, тоже опершись о перила, стоял господин Лю. Он был без шляпы. Ветер трепал его голубой халат, обрисовывая худощавую фигуру. Елена с любопытством взглянула на него. Лю некоторое время выдерживал ее взгляд, поклонился, будто извиняясь, и широким жестом обвел окружавший их величественный простор. Потом он потупился, глядя на воду.

«Отчего у него всегда такое сосредоточенное выражение лица? — подумала Елена. — Кто он такой? Ах, да, родственник какого-то «вельможи». Он, видимо, хорошо воспитан. Вот, сейчас: извинился за то, что смотрел на нее и жестом объяснил, что пришел сюда не надоедать ей, а полюбоваться природой. Станный человек».

Упорно борясь с течением и оставляя в мглистом небе широкое коромысло черного дыма, неуклюжий двухтрубный «*Hsin Peking*» миля за миля медленно поднимался по могучему, многоводному Ян Цзе Киану.

VII

В течение двух горячих недель было сделано все необходимое. Сэр Арчибальд входил во все детали путешествия, сам пополнил составленную Тенишевским смету путевых расходов, по телеграфу заказал в Англии бурильную машину. Контракт с ним был составлен и вручен Тенишевскому для рассмотрения. В этом документе ни слова не говорилось о платине.

«Русский эмигрант В. П. Тенишевский, — гласил контракт, — поступает на службу к английскому подданному Арчибальду Д. Хеддльсбюри для выполнения разных коммерческих поручений во всех провинциях Китайской республики». Дальше, весьма хитро обходя вопрос о платине, контракт устанавливал действительные права и обязанности Валериана Платоновича. Дорогов был упомянут в качестве «сотрудника, прием которого на службу для В. П. Тенишевского обязателен».

Договор этот, составленный сэром Арчибальдом по-английски, был подвергнут тщательному обсуждению. Но ни доктор Зайковский, ни сам Валериан Платонович, ни Дорогов не нашли в нем ничего неприемлемого. Хеддльсбюри составил его весьма крепко и по всему видно было, что нарушать не собирался.

Что касается «технического помощника», которого сымпровизировал Тенишевский, — по поводу его, в кабинете Яна Яновича, произошел следующий разговор.

— Никаких ставленников Хеддльсбюри нам не надо, — заявил Валериан Платонович, — и я брякнул первое, что пришло в голову, чтобы только не допустить Павла согласиться на предложение сэра Арчибальда. Ясно, что ему хотелось приставить к нам шпиона.

— Да отчего ты думаешь, что он желает шпионить? — удивлялся Дорогов. — Для чего ему это? Он посыпает нас в Гуй-Чжоу, тратит деньги, поручает нам все это дело. Если он и приставил бы к нам наблюдателя, для информации

хотя бы, так ведь это его право. Это совсем не шпионство. Я поддержал тебя, конечно, но больше, знаешь, по дружбе, чем из практических соображений.

Он улыбнулся.

— Теперь ищи мне помощника. Сам напросился. Только, прошу, не пьяницу.

Ян Янович задумчиво пригладил свои усы.

— Валериан Платонович был прав. Ни одного человека, которого я не знал бы лично, я не взял бы в такую экспедицию, в отношении же «помощника», которого вы теперь должны подыскать, я думаю, как бы помочь вам. Может быть, такой человек и найдется. Не нанимайте, во всяком случае, никого, не посоветовавшись со мною. Осторожность, друзья мои, в вашем деле — все.

Дорогов и Валериан Платонович навещали Зайковского ежедневно, держали его в курсе всех мероприятий Хеддльсбюри и своих собственных. Ян Янович заставил их заучить план дороги от реки до платинового района. Каждый из них должен был уметь наизусть начертить его со всеми нужными отметками.

— Раз дело сдвинуто с мертвой точки и пойдет в ход, — говорил доктор, — всегда могут найтись люди, которым подобный документ понадобится. Никаких подробных карт, никаких тайных планов или даже пометок при вас не должно быть. Вы будете пользоваться самой обыкновенной картой, которую можно купить в любом книжном магазине. Все остальное должно быть у вас в голове. Я сам, хотя остаюсь в Шанхае и никакому риску не подвергаюсь, спрячу портфель с этими документами под замок, а этот набросок пути к платиновому району, который бы сейчас чертил, в первый же день наших переговоров я вынул из портфеля и держу в одной из книг в библиотечном шкафу, так как этот набросок — ключ к платине. Без него все остальные планы только приблизительные заметки.

И он в десятый раз заставлял Дорогова и Тенишевского чертить план, старателльно сжигая на спичке результаты этих упражнений.

В отношении «технического помощника» Ян Янович тоже помог им как нельзя лучше.

— Я могу дать вам верного человека, — заявил он им однажды. — Это, правда, совсем не техник и даже не переводчик, так как английский язык он знает очень слабо, но зато я могу поручиться за него, как за самого себя. А это для вас важнее всего. Он будет вам очень полезен. Это некто Цзы Лин Тай, уроженец Гуй-Чжоу, мой бывший слуга. Он странствовал вместе со мною, видел все, что видел я и... своею рукой делал зарубки на деревьях, отмечая путь к тому месту, которое вам предстоит найти. Теперь он прибыл сюда из Кантона и снова просится ко мне на службу.

— Ян Янович! — вскричал Тенишевский. — Да ведь этот человек — клад!

Одного слова Зайковского было достаточно, чтобы Цзы Лин Тай, которого Тенишевский тут же по звуанию окрестил «Терентием», согласился ехать. Он взял пять минут на размышление, потом лаконически сказал «O'right Master» и из медлительного и солидного, немолодого уже человека превратился в опытного, расторопного слугу.

Отъезд был назначен на девятое июня. Накануне этого дня с утра Дорогов, Тенишевский и Ян Янович снова подвергли самому тщательному анализу контракт с Хеддльсбюри, отыскивая в нем возможные крючки. Но все, по-видимому, было в порядке. Прежде всего, Хеддльсбюри не было смысла нарушать его, так как плата находилась, в конце концов, не в его руках. Дележ же будущих прибылей контракт предусматривал. Дорогов стоял за то, на этом последнем «военном совете», что Хеддльсбюри боится, как бы его не надули, и потому составил такое несокрушимое условие. Валериан Платонович смотрел на дело проще.

— Едем? Ну и ладно. Я юрист и отлично знаю цену всем этим бумажкам. А если Хеддльсбюри не знает — тем хуже для него.

— Подписывайте, Валериан Платонович, — сказал Зайковский. — Нет причин не подписать. Если Хеддльсбюри и хитрит, то не здесь. Контракт составлен так, что нарушить его ему трудно. Самое же главное — плата — в руках у вас, а не у него. Это он знает. Знайте и вы и не забывайте.

Вечером все трое были приглашены к сэру Арчибалду, где должна была состояться церемония подписания контракта, а после нее — обед. На этом обеде они познакомились с супругой англичанина. Леди Хеддльсбюри была, несмотря на солидные свои годы, очень эффектной и даже красивой женщиной. К гостям она отнеслась очень приветливо, чем отчасти сглаживалась суровость ее мужа. Вечер прошел именно так, как он должен был пройти: не слишком официально, но и без ненужной фамильярности. Доктор, которого за общеизвестные научные заслуги сэр Арчибалд посадил рядом с собою, отнесся к такой оценке его репутации с благодушной и тонкой иронией. Было выпито достаточно большое количество разных вин, до шампанского включительно, сэр Арчибалд сказал краткую речь, на которую отвечал Тенишевский. В заключение, за сигарами и кофе, англичанин передал Валериану Платоновичу письмо, адресованное некоему Вуду в Ханькоу. Мистер Вуд этот должен был оказать содействие при получении документов от ву-ханских властей. Через него сэр Арчибалд намеревался также вести всю переписку и снабжать экспедицию деньгами в дополнение к уже полученному Валерианом Платоновичем чеку.

На прощание он пожал всем руки и пожелал счастливого пути и удачи. Зайковского Хеддльсбюри и его симпатичная супруга усиленно приглашали к себе.

Расставшись с англичанином, они все втроем направились в «Rainbow Palace», где выпили еще бутылку шампанского и, наконец, распрошались с доктором, который напутствовал их самыми искренними пожеланиями. Ночевать Павел Александрович поехал на квартиру к Тенишевскому, где под присмотром Терентия был уже собран весь багаж, а Зайковский — к себе домой.

* * *

Давно пора сообщить читателю некоторые подробности, касающиеся глу-

бокоуважаемого Яна Яновича Зайковского, сыгравшего такую важную роль в описываемых событиях.

Я и спешу это сделать.

Не буду излагать подробно его биографию. Да и возможности к этому у меня очень ограничены: Ян Яновичу шел 63-ий год и свидетели его молодости, если и имелись в живых, то были немногочисленны и пребывали далеко, в его родной Польше. Сам Ян Янович никогда и никому о прошлом своем не говорил.

В Китай он приехал около 1900 года, сравнительно молодым еще человеком, но уже в монашеской сутане и с докторским дипломом в кармане. Имея все возможности выделиться, Ян Янович ими не воспользовался. Пробыв в Шанхае четыре месяца и устроив здесь кое-какие свои дела, он удалился в глубь провинции Цзян, в места, бывшие в те времена для европейцев настоящей *terra incognita*. Там он остался на жительство, проповедуя слово Божие и усердно изучая китайский язык.

В Шанхае он появлялся очень редко и оставался там всегда недолго. Отправлял в Европу письма и посылки и сам получал оттуда тощие конвертики со штемпелем «Руан». Потом эти письма перестали получаться, — тогда прекратились и поездки Зайковского в Шанхай. Он окончательно засел в провинции и имя его постепенно забылось.

Все время оставаясь в глухи Китая, он в 1911 году переслал в Шанхай обширную, составленную им рукопись. Труд этот, изданный иезуитской миссией на французском и китайском языках, был озаглавлен им «Мысли и заметки о Китае». Он был тотчас же переведен на английский, русский и японский языки и сразу поставил безвестного католического миссионера в первые ряды европейских синологов. Французская Академия удостоила труд Зайковского почетного диплома, а ряд ученых обществ избрал его своим членом-корреспондентом.

Но честолюбие было совершенно чуждо этому человеку. Причины, толкавшие его на путь серьезного изучения страны, в которой он волей судеб поселился, крылись в самой структуре его характера. Он изучал Китай и писал о Китае потому, что не мог этого не делать: любое дело, за которое он принимался, Зайковский должен был довести до конца. Именно поэтому, надев монашескую сутану, он до тех пор не считал за собою полного права носить ее, пока не написал и не защитил докторскую диссертацию.

Никто не знал, что передумал он за долгие годы своей жизни в глухи. Но совершенно неожиданно для всех, кто еще сохранил с ним связь, в самый разгар Великой войны, Ян Янович приехал в Пекин, снял, никого не спрося, монашескую одежду и отправился добровольцем в русскую армию. Может быть, в нем сказалась кровь предков, воинственных польских шляхтичей, может быть, на этот шаг толкнуло его что-либо иное, личное.

Боевал Зайковский храбро, вышел на фронте в прапорщики и заслужил Георгиевский крест.

По заключении Брестского мира, участия в российской смуте он не принял, а возвратился в Китай, ставший ему родным, но к миссионерской деятельности

уже не вернулся. Получив в Шанхае полномочия от одной французской фирмы, он поехал в качестве ее представителя во внутренние области Китая и там, путешествуя по Хунаню, Гуй-Чжоу, Юнаню и Сы-Чуаню вплоть до самого Тибета, погрузился опять в тот полусказочный желтый мир, который на протяжении долгих столетий был загадкой для Европы, да остается ею, в сущности, и до настоящего времени.

Он опубликовал несколько брошюр по китаеведению на разных языках, включая китайский, чем окончательно закрепил за собою репутацию одного из виднейших авторитетов по синологии.

В юго-западном Хунане, где Ян Янович обосновался, он с течением времени стал чем-то вроде феодального князька. Официально не занимая никакой административной должности, он тем не менее имел решающее влияние на все общественные, коммерческие и даже политические дела этого отдаленного района. Ни купцы, ни местные власти никогда не предпринимали ничего важного, не посоветовавшись с ним. В особо значительных случаях, он имел даже влияние на суд, а подчас и сам разбирал тяжбы.

И неудивительно. Всякий, хоть поверхностно знакомый с психологией китайского народа, знает, какое огромное значение придают сыны Срединного государства личным качествам человека, а Ян Янович слыл по всей провинции как «цун-мин» — мудрец, человек безупречно нравственный и честный.

Он свободно говорил почти на всех наречиях Китая и знаниями китайской литературы и истории удивлял даже образованных китайцев. Держался онсолидно и спокойно, никогда, даже в самых крайних случаях, не повышал голоса. Седина, в изобилии появившаяся в его густых, светлых волосах, придала еще больше веса его авторитету.

Короче говоря, Ян Янович принадлежал к тому разряду действительно знатных и любивших Китай старых пионеров европейской культуры, ряды которых с течением времени редеют и давно, к сожалению, перестали уже пополняться свежими силами.

Водворение на территории Китая Национального правительства нанесло серьезный удар его неограниченной власти над западным Хунанем. Несмотря на весь свой личный авторитет, он был все же «вайгожень», иностранец, представитель той силы, с которой молодая Китайская Республика вступала в планомерную борьбу.

Как умный человек, Зайковский не пожелал присутствовать при агонии своего престижа. Он покинул насиженные места, переселился в Шанхай и посвятил остаток дней большому философскому труду, который должен был завершить его жизнь и деятельность.

В проект Тенишевского он не особенно верил, но в кипучей энергии Валериана Платоновича старику почудился отблеск той настойчивости и не отступающей ни перед чем деятельной и живой воли, под знаком которой прошла его собственная молодость.

«Пусть едут», — решил он.

Много может тот, кто много хочет.

* * *

Грязно-белый речник «Hsin Woo» с толстой красной трубой показался из-за береговых строений. Автомобиль, не замедляя хода, нырнул в узкий проезд между бетонными пакгаузами. Звенящий трамваеми Бродвей остался позади.

Тенишевский, в огромном пробковом шлеме, в коротких брючках «хаки», в легком сером пиджачке и серых же гамашах с кисточками, с массивной тростью под мышкой и фотографическим аппаратом через плечо, первым выбрался из машины и тотчас стал распоряжаться погрузкой.

— Китайский сундучок свиной кожи, с инструментами — вниз, ящик с припасами — туда же; в первый класс — два чемодана, дорожные сумки и постель. Терентий, вот ваш билет. Вы поедете в третьем классе, с вещами. Палатку тоже вниз.

Цзы Лин Тай, так и оставшийся «Терентием», толково исполнял эти распоряжения. Этот молчаливый, никогда не спешивший человек оказался прекрасным слугой и сразу обнаружил свой опыт путешественника. Он присмотрел за всем и тотчас расположился на своей койке в третьем классе: развернул циновку, повесил зонтик на гвоздь и снял туфли.

Дорогов, в просторном дорожном костюме, в фланелевом кепи на голове и с трубкой в зубах, поднялся сразу наверх. Пассажиров было немного: две русские девушки, похожие одна на другую, очевидно, сестры, рослый датчанин с монументальной супругой и румяным, крепким мальчиком, худосочная дама в красной вязаной кофточке и молодой человек лет двадцати пяти с густой темно-русой шевелюрой, веселый и живой, — вот общество, которое Павел Александрович застал на спардеке.

До отхода осталось пять минут, молодой человек уже успел присоседиться к девушкам и что-то им рассказывал, оживленно жестикулируя. Датчанка уговаривала своего отпрыска бисквитами из дорожного несессера.

Тенишевский закончил хлопоты и тоже поднялся в первый класс.

— Ну вот. Все о'кей, — сказал он, подходя к Дорогову. — Поехали. Пойдем в бар, выпьем по стакану пива. В горле пересохло.

В пароходном баре было пусто. Бой подал им запотевшую бутылку и налил стаканы.

Оба посидели минуту молча, глядя друг на друга. Потом Дорогов усмехнулся.

— Как все это, в общем, смахивает на киносценарий...

Он поднял свой стакан.

— Ну, ладно... За успех нашего дела!

— За удачу, — отозвался Тенишевский.

Часть вторая

ПОД СОЛНЦЕМ ХУНАЯ

I

— Two glasses more! — приказал Тенишевский почтительно склонившемуся бою.

— More ice!* — добавил Дорогов.

В уютном садике летнего кино «Виктория» духота не так сильно давала себя чувствовать.

Тяжелое, знойное лето еще только начало наседать на Ханькоу, но уже рутный столбик Фаренгейта к двум часам дня угрожающе переползал за сто, а ясными ночами в неподвижном воздухе метались полчища длинноногих москитов, спешивших свершить свою короткую жизненную карьеру прежде, чем безжалостное июльское солнце иссушит их и уничтожит.

Месяц июль был на исходе. Дорогов и Тенишевский уже вторую неделю сидели в Ханькоу в полном неведении и неопределенности. Мистер Вуд, к которому тотчас по приезде они обратились, взял у них документы и обещал выхлопотать у ву-ханских** властей разрешение на проезд через Хупей. Но дни шли за днями, а ответа из ву-ханского бюро мистер Вуд не получал. Томимые бездействием, Валериан Платонович и Дорогов бродили по городу, сфотографировали все, что только привлекло их внимание, вечерами играли в русском клубе в домино и по десять раз рассказывали любопытным аборигенам Ханькоу сочиненную сэром Арчибалдом версию о редких породах шелковичного червя, отыскивать которые они якобы направляются вглубь Хунаня и Сычуанской провинции.

Русская колония приняла их очень тепло. Молодой человек по имени Коля, с которым они познакомились на пароходе, оказавшийся скрипачом из местного Рейс-Клуба, сделался их неизменным спутником и проводником. Из всех сил стараясь, чтобы гости не скучали, он показал им все скучные достопримечательности города, возил осматривать парк и университет в Ву-Хане, самоотверженно глотал с ними вместе пыль в чайных сортировочных, а вечером, освободившись от службы, тащил Дорогова и Тенишевского в ханькоуский «Голливуд», где в душных, пропитанных виннымиарами залахочных кабаре потные, одуревшие от жары и алкоголя люди жадно поглощают лед, где царствует джаз-банд и продается женское тело.

Дорогову эти места внушали инстинктивное отвращение. Он охотнее проводил время, лежа на кровати у себя в номере гостиницы, с книгой в руках.

Так проходили дни за днями, пока их не постигло окончательное разочарование. Мистер Вуд сообщил, что ву-ханские власти разрешения на проезд не дают, а сэр Арчибалд просит его передать русским джентльменам, что отыскание шелковичного червя отложено им на будущий год. Мистер Вуд не был,

* Еще два стакана! ... Добавьте льда (англ.). (*Прим ред.*).

** Город Ву-Хан (У-Хан, Woo Chang) расположен на противоположном от Ханькоу берегу Ян Цзы Цзяна. Там помещается управление провинции Хубэй.

очевидно, посвящен в платиновое дело, а может быть, просто притворялся. Во всяком случае, он серьезнейшим образом заявил Тенишевскому, что этим обстоятельством контракт не нарушается, так как Хеддльсбюри только меняет маршрут. Он показал Валериану Платоновичу письмо, в котором сэр Арчибалд с выражением самых лучших пожеланий предлагал мистеру Тенишевскому, по-прежнему оставаясь его «комерческим агентом», провести месяц в разъездах по Ян Цзе и распространять английские бритвенные ножички, образцы которых он высыпает.

Хеддльсбюри явно глумился. Валериан Платонович не выдержал.

— Пусть мистер Хеддльсбюри сам продает свои ножички, — резко сказал он Буду. — Я нарушаю контракт и ваш патрон может подавать на меня в суд.

— Хорошо, — невозмутимо отвечал Буд, — сэр Арчибалд, конечно, так и поступит. Я напишу ему, что вы отказываетесь от агентуры. Само собою, выплату вам денег я немедленно прекращаю. Вот ваши документы. Не откажите также передать мне ящик с товаром, принадлежащий сэру Арчибалду.

Он говорил, очевидно, об инструментах.

— Вы получите ваш ящик, — с сердцем сказал Тенишевский, — до свидания.

— Что, говорил я тебе? — спросил Дорогов, когда они покинули негостеприимное жилище Буда. — Хеддльсбюри нас попросту надул.

Тенишевский от злости сломал сигарету.

— Так для чего было ему тащить нас в Ханькоу, тратить деньги, выписывать машину?!

— Затраты невелики, — сказал Дорогов, — да и смешно полагать, что он тратил свои собственные деньги. Дорого стоит только машина да инструменты. Так машину он вернет на завод, а инструменты у нас отбирает.

Тенишевский не унимался.

— Что за чепуха? Сейчас же пишу Хеддльсбюри письмо воздушной почтой! Пусть объяснит свое поведение. Может быть Буд, дурак, накрутил?

* * *

В отеле уже ждал Коля. Расстроенный вид их сразу бросился ему в глаза.

— В чем дело, Валериан Платонович? — участливо осведомился он. — Какаянибудь неудача?

Тенишевский швырнул свой шлем на кровать.

— Да! Наше дело лопнуло!.. Ву-Ханские власти не дают разрешения на проезд!

— Что же, боятся, что вы переловите там всех шелковичных червей, что ли? — спросил Коля. — А вы как хлопотали?

— Всяко хлопотали, — ответил Дорогов. — Не дают.

Коля задумался.

— Я попробую вам помочь. У меня есть один знакомый чиновник оттуда...

Вот что: дайте мне ваши документы, я попытаюсь через него. Вы не унывайте! У китайцев так бывает. Сегодня — нельзя, завтра — нельзя, а послезавтра вдруг почему-то — можно. Да вот вам пример: здесь у нас сидит труппа русских артистов. Они едут в какой-то Квей Янг, их выписали туда из Шанхая. Тоже ждали разрешения почти три недели. Все нет, да нет! А вот вчера вдруг получили визы. Через три дня едут.

— Куда, вы говорите, они направляются? — спросил Дорогов, заинтересованный. — Что за «Квей Янг»?

— Квей Янг, — отвечал Коля, — так они говорят. А где это — Бог ведает. Трущоба какая-то. На мой взгляд — затея вообще дикая. Везут их китайцы, которых никто здесь не знает.

— Это не «Квей Янг», а Гуй Ян, — перебил его Тенишевский.

— Может быть, и Гуй Ян, — согласился Коля. — Это — в Тибете... Тысяча и одна ночь!.. Легенда!..

Он рассмеялся.

— Действительно, «легенда», — улыбнулся и Дорогов. — Что они там будут делать?

Тенишевский нервно расхаживал взад-вперед по комнате.

— Послушайте, Коля, — сказал он вдруг, — у вас нет среди них знакомых?

— Конечно, есть, — ответил тот, — с девушками я постоянно танцую в «Метрополе». Есть еще там Леля Зубова. Она никого к себе не подпускает, но я и с ней знаком. Еще по Тяньцзину. Потом имеется пианист Кац, противный тип.

— Познакомьте нас с ними, Коля, — сказал Тенишевский.

— Отлично, — обрадовался Коля, — как раз сегодня в «Метрополе» у нас небольшая party. Я пригласил Лелю Зубову и еще двоих, Марусю и Тасю. Кац, наверное, тоже потащится, ну да я его отошлю. Значит, мы встретимся в «Виктории», они там сегодня последний день выступают. Оттуда — все в «Метрополь».

Он встал.

— Часам к десяти приходите в «Викторию». Я буду ждать за столиком в саду.

— Постойте, Коля, — неожиданно остановил его в дверях Тенишевский, — скажите, нет ли среди этих артистов англичан?

Коля удивился.

— Англичан? Нет, кажется, нет. Вот разве Кац?!

Он засмеялся.

— Ну, до вечера...

— Для чего они туда едут? — спросил Валериан Платонович, едва за Колем закрылась дверь. — Тем не менее, их пропускают, а нас задерживают!

— Ты подозреваешь тут руку сэра Арчибальда? — проговорил Дорогов в раздумье. — Так я тебя понял?

Тенишевский снова заходил по комнате.

— Да, именно так. И еще: ты уверен в том, что Буд действительно хлопотал о разрешении?

— Кто его знает, — согласился Дорогов, — надо проверить, пусть Коля попробует через своего чиновника. Но ведь Вуд остановил выдачу денег и отбирает инструменты!

Тенишевский ударил кулаком по столу.

— В каких же гороховых шутов нас вырядил Хеддльсбюри!

— Да, положение дурацкое, — сказал Павел Александрович. — Я не понимаю только, для чего он так поступает. Ведь платина то все-таки у нас в руках, а не у него. Или он раздумал ею заниматься?

Тенишевский окончательно вышел из себя:

— Черт его знает!.. А мы-то хороши! Как ослы, сидим здесь две недели, переговариваемся с этим проклятым Вудом, чтобы ему ни дна, ни покрышки!

— Постой, — заметил Дорогов. — Ругаться и злиться толку мало. По-моему, надо выяснить, что можно. Поговорим с этими «артистками», порасспросим. Может быть, разговор с ними прольет какой-нибудь свет на то, зачем Хеддльсбюри их туда посыпает. Если это он, конечно.

* * *

Дорогов и Тенишевский уже час сидели в саду «Виктория», ожидая конца спектакля. Коля два раза бегал за кулисы и сейчас отправился туда в третий раз. Дело неожиданно осложнилось: Леля Зубова, узнав, что предстоит познакомиться с новыми людьми, отказалась ехать в «Метрополь» и теперь Коля ее уговаривал.

Через открытые окна зрительного зала в сад доносился зычный голос Яна Кипура, певшего на экране арию из «Риголетто». Сад был почти пуст. Только за соседним столиком чиновник из французского консульства громко разговаривал с полной темноволосой дамой в безбрежном декольте и щеголеватым лейтенантом морской пехоты.

— Подобный случай я видел впервые, — говорил чиновник, — можно прощать о чем-нибудь в этом роде, можно увидеть на экране синема, но чтобы живой человек решился так исковеркать свою жизнь, — это похоже на безумие!

— Ищите женщину, — сказал лейтенант.

— О, да! — поддержала его дама. — Брат Андре, по-моему, болен сердцем.

— Брату Андре за тридцать лет, — возражал чиновник. — Он не мальчик, чтобы разбитое сердце могло толкнуть его на такой шаг. Ведь он заживо похоронил себя. В его годы, с его карьерой! Из Парижа мне писали, что он раздал все свое состояние! Какой шаг!!!

— Вы правы, — усмехнулся лейтенант, — не каждый день кирасирские офицеры уезжают в Китай, да еще в колонию прокаженных. Случай, действительно, редкий.

— Когда мы провожали его на пароход, — продолжал чиновник, — он шутил, говорил о самых обыденных вещах и ни слова о своем диком поступке.

Как будто он поехал на дачу, а не вглубь Гуй-Чжоу на смену отцу Альберту, умирающему от проказы... От проказы!.. Вы понимаете, что это значит? Когда гниют кости, разлагается язык во рту!

— Неаппетитно, — брезгливо поморщился лейтенант.

— Он сумасшедший, — взволнованно сказала дама. — Его нельзя было пускать.

Чиновник развел руками.

— Мы ничего не могли сделать. Он оформил все еще во Франции. Официально он командирован Доминиканской миссией.

— Ты слышишь. Валериан, — сказал Дорогов вполголоса, — еще один человек отправился туда. Сколько людей хочет попасть в эти края! Всех их гонят туда разные мотивы. Но цель у всех одна: все та же «земля Тиан». Не кажется это тебе странным? Как будто символ какой-то.

Тенишевский нахмурился.

— Твоя философия была бы хороша, если бы не торчал у меня в голове проклятый Хеддльсбюри. Обвел-то он нас совсем не символически... А, вот и Коля!

— Ну что, согласилась ваша дива или еще ломается?

— Ух! — сказал Коля, шумно опускаясь на плетеный стул. — Дайте отдохнуться... Бой! Пеппермент-сода!.. Вот духота!

Он вытер лоб маленьким полотенцем.

— Леля Зубова согласилась поехать до двух часов. Тася и Маруся ее упростили. Без нее их непускают.

— Кто непускает? — удивился Валериан Платонович. — Что же у них тут, пансион благородных девиц?

Коля залпом выпил свой стакан.

— Ух!.. Импресарио непускает. Беспокоится за репутацию своей труппы. Он и меня расспрашивал, кто вы такие.

— И что же вы сказали? — полюбопытствовал Дорогов.

— Сказал, что музыканты, мои друзья.

— В общем, импресарио их, пожалуй, что и прав, — заметил Дорогов, — европейцы в Ханькоу ведь только сплетнями от скуки и живут. Ему это обстоятельство, наверное, известно.

Коля потребовал еще льда.

— Ну, ничего, — сказал он, — я все уладил. Да вот и дамы...

Все встали.

— Позвольте представить вам моих друзей, Елена Николаевна, — засуетился Коля. — Павел Александрович Дорогов, скрипач-Паганини... А это — Валериан Платонович Тенишевский. Он считается пианистом... Тася, Маруся...

Все снова сели. Коля заказал лимонад и лед.

Крашеная блондинка, Маруся, держалась свободно, очевидно, привыкшая к мужскому обществу, Тася, стройная, немного широкоплечая девушка лет восемнадцати с густыми белокурыми волосами и размашистыми, резко подкрашенными бровями — заметно стеснялась.

Елена испытующе оглядела новых знакомых.

— Вы служите здесь или только проездом? — спросила она.

— Мы собирались провести лето в Кулине и заглянули в Ханькоу на короткий срок, посмотреть, — без особого энтузиазма соврал Дорогов. Ему надоело уже это постоянное «инкогнито», к сохранению которого его принуждали обстоятельства. — А вы? Я слышал, вы направляетесь куда-то на запад?

— Мы едем в Гуйян, — сказала Елена, — на гастроли.

— Это очень интересно, — вставил Тенишевский, — я сказал бы, даже оригинально.

— Очень интересно, — заговорила Маруся, — поедем на шаландах, нас будут фотографировать, угождать обедами, делать нам подарки! Знаете, серебряные вазы? У китайцев всегда так. Потом привезут назад в Шанхай и снимут для кинематографа. Вы подумайте только! Кино — это моя мечта.

Тася тянула лимонад через соломинку и молчала.

— А вы, Тася, тоже о кино мечтаете? — обратился к ней Коля.

Она вскинула на него большие серые глаза.

— Нет, я не мечтаю о кино. Я куплю себе в Квей Янге золотые браслеты. Говорят, там золото дешево.

— Меня очень интересует цель вашей поездки, — снова обратился Дорогов к Елене. — Ведь Гуйян — это очень далеко.

Она опять внимательно посмотрела на него.

— Да, двенадцать дней пути отсюда. По реке.

У ворот пронзительно закрякал автомобиль.

Коля шумно поднялся.

— Господа, машина подана. У нас мало времени, уже без четверти двенадцать. Поехали!

Они тронулись к воротам. Возле автомобиля Тенишевский улучил минуту.

— Пока что — туманно. Они как будто сами ничего не знают.

— Порасспроси еще хорошенъко девушек, а я поговорю с Зубовой, — отвечал Дорогов. — Может быть, еще добьемся толку.

— О'кей!

За ужином девушки развеселились. Танцевали попеременно с Колей и Тенишевским, смеялись Колиным шуткам. Валериан Платонович все время ловко подъезжал к ним с вопросами. Но то, что они отвечали, сначала ставило его в тупик, потом просто начало смешить. О «Квей Янге», куда они направлялись «по приглашению главного генерала» и о дороге туда, девушки рассказывали какую-то ни с чем не сообразную чепуху. Обе они, и Тася и Маруся, вполне были примитивны и никак не образованы. Маруся еще довольно бойко объяснялась на американском жаргоне, а Тася и по-русски говорила с неожиданными и грубыми ошибками. Ясно было, что даже самый простодушный человек таким «агентам» ничего бы не доверил.

Разговор Дорогова с Еленой был более интересен. Павел Александрович не танцевал, а Зубова за два часа только один раз встала и нехотя прошла с Колей круг вальса. От нее Дорогов услышал, что труппа едет в Гуйян по приглашению китайского сановника на гастроли, что контракт подписан на четыре месяца через солидного театрального агента и жалование вполне доста-

точное. Сам этот агент находится в настоящее время здесь, в Ханькоу, по каким-то своим другим делам, но живет в том же отеле, где и все они, и мимоходом устроил им здесь антракт в театре «Виктория». Сам хозяин, некто Лю, уже давно уехал в Чан Ша и труппа догонит его там.

Почти все это было уже Дорогову известно от Коли, а большего она говорить или не хотела, или не знала сама.

Когда в два часа ночи, проводив своих дам до отеля пешком, они прощались, дело их не подвинулось вперед ни на шаг...

Коля, порядком «намокший», спать идти не пожелал. Не найдя себе попутчиков, он махнул рукой и, пообещав завтра зайти за паспортами, один отправился на рикше в «каботажное плавание», как он выражался, то есть в известный уже читателю «Голливуд».

* * *

Дома Валериана Платоновича и Дорогова ждали не только крупные новости, но даже разъяснения всего положения полностью. На столе лежал плотный серый конверт, адресованный крупным, размашистым почерком Зайковского.

«Дорогой Валериан Платонович, — писал доктор, — я спешу сообщить вам чрезвычайно важные известия: во-первых, несколько дней тому назад в квартире моей случился пожар. Причины неизвестны и разрушения незначительны. Библиотеку всю удалось спасти, но портфель с известными вам документами исчез. Правда, самый важный из них, хранившийся как вы знаете, в другом месте, остался цел, но люди, захватившие портфель, все же получили существенное понятие о том, где следует искать то, что им надо.

Вторая новость получена мною от одного из моих китайских друзей в Гонконге в ответ на мой запрос. Через гонконгскую таможню прошла известная вам также машина, которая в разобранном виде направляется в глубь Китая, а неделю тому назад оттуда же выступила на северо-запад небольшая ботаническая экспедиция под английским флагом. Обращаю ваше внимание: моему китайскому другу удалось случайно выяснить, что в составе этой экспедиции — два горных инженера.

Хеддльсбюри, у которого я вчера обедал, сообщил мне еще одно неприятное для вас известие... Он испытывает в настоящее время серьезные денежные затруднения и вынужден отложить вашу поездку до будущей весны. Об этом вы, вероятно, уже знаете, так как сэр Арчибалд говорил мне, что уведомил Буда.

Сопоставьте, Валериан Платонович, все это и выводы будут ясны сами собою. Но не падайте духом, а постарайтесь принять практически правильное решение. Я со своей стороны все время стремлюсь вам помочь.

Мой привет Павлу Александровичу.

Ваш Ян Зайковский».

— А? — воскликнул Тенишевский. — Ты понимаешь? Он связал нас этим дурацким контрактом, выкрад у Зайковского документы и снарядил своих собственных инженеров из Гонконга. Русские, мол, ослы останутся с носом! А? Черта с два!.. Черта с два!..

Он швырнул письмо на стол и заходил по комнате.

— Что же ты думаешь делать? — спросил Дорогов. — Хеддльсбюри действительно хитро поступил. Контракт с огромной неустойкой. Ты сделал сегодня жест, объявил Буду, что нарушаешь договор, но... как же быть дальше? Платину они вряд ли найдут, так как искать ее там, где она есть, ни одному горняку не придет в голову. В этом Хеддльсбюри ошибся. Но нам с тобою от этого не легче.

— Едем дальше, — сказал Тенишевский, останавливаясь перед Павлом Александровичем, — во что бы то ни стало надо ехать дальше!

Дорогов поднял брови удивленно.

— Дальше?.. А кто же даст деньги? А инструменты? Буд ведь наши отбирает.

Валериан Платонович засунул руки в карманы и стал перед Дороговым в вызывающей позе, как будто он разговаривал с Будом.

— Кто отдаст ему эти инструменты? В суд?! На здоровье! Иск он может вчинить только гражданский, за нарушение контракта, и то — в Шанхае. Пусть ждет, пока я туда вернусь. А на инструменты нет подписанный мною описи. Он посыпает меня торговать ножичками, так я ему вместо инструментов сдам дюжину бритвенных приборов! И то пусть спасибо скажет... Тут сэр Хеддльсбюри тоже промахнулся. Не ждал, что мы и без него поедем.

— На какие средства? — спросил Дорогов. — Кто даст?

— Я, — сказал Тенишевский решительно. — Завтра переведу сюда все мои сбережения. Не хватит — продам автомобиль, заложу обстановку! Но поджавши хвост в Шанхай не вернусь!

Дорогов покачал головой, выпустил клуб дыма из своей трубки и внимательно посмотрел сквозь этот дым на Тенишевского.

— Подумай, Валериан, не сделай глупости. Ведь ни с чем останешься. А если экспедиция будет неудачна? Не вернуться ли в Шанхай поискать нового капиталиста?

— Ни за что !! — вскричал Тенишевский. — Денег доехать хватит...

Он громко рассмеялся.

— Машину нам англичане туда доставят! Едем, Павел!! Едем смело!.. С артистками!! Пусть Хеддльсбюри нас тогда ловит. И в голову не придет ему.

— Да ты совсем взбесился! — воскликнул Дорогов.

Валериан Платонович не желал его слушать.

— Коля сказал им, что мы музыканты, — стремительно заговорил он. — Так музыкантами мы и поедем. Этому Кацу, или как его, деньги на бочку, сколько ему по контракту следует, и дело в шляпе. Я — пианист, ты — скрипач. Коля нам документы устроить обещал. Чего тебе еще надо? Только быстро и тайно. Они через два дня едут.

— Ты печешь проекты, как блины, — сказал Дорогов. — И что-то уж очень

непоследовательно. Два часа тому назад ты подозревал этих артисток в том, что они — агенты Хеддльсбюри.

Валериан Платонович снова заходил по комнате.

— Ерунда! Какие там агенты? Таким агентам никто не поручит даже лист бумаги пополам разорвать. Вот разве Елена Зубова... Что ты скажешь о ней?

— спросил он вдруг.

— Вряд ли. Да и зачем Хеддльсбюри здесь агенты? Хватит Вуда, — ответил Павел Александрович.

— Ну хорошо, пускай, — сказал Тенишевский, — надо решать практически. Импресарио их тоже захочет «компенсации». А главное, остается китаец, который всему делу голова.

— Его вряд ли купишь, — заметил Дорогов, — ему музыканты нужны, а мы с тобою профессионалы-то получимся довольно дрянные. Весь балет ему испортим.

Тенишевский задумался.

— Ничего и это, — сказал он решительно, — кривая вывезет. На наше счастье, самого хозяина здесь сейчас нет. Пока он отсутствует, надо все и устроить. Кого-то он за себя оставил здесь. Так вот этому «кому-то» придется заплатить... Вопрос в том, сколько запросит. Конечно, расход будет в общей сложности немалый, зато — бесплатный проезд и, главное, полная гарантия того, что доедем без всяких хлопот до самого Гуй-Чжоу.

Дорогов невольно улыбнулся.

— Ты, Валериан, настоящий Паспарту! В игольное ушко пролезешь.

II

В номере гостиницы было душно. Хотя огромные окна стояли настежь, а дверь прикрывала только легкая парусиновая занавеска, горячий воздух был неподвижен. Улица дышала в черные провалы окон жаром раскалившихся за день камней и асфальта.

Елена включила электрический «фэн», отбросила с кровати москитник и прилегла. От яростно загудевшего пропеллера поплыли по комнате волны теплого воздуха, в которых беспомощно закружились увлекаемые ими комары.

Вечер, проведенный в «Метрополе», оставил противоречивое впечатление. Зачем эти люди так добивались, чтобы она и девушки пошли с ними ужинать? С их стороны не было сделано ни малейшей попытки к «ухаживанию». Дорогов совсем не походил на легкомысленного жуира, ищущего от скуки мимолетной интрижки. Он внимательно расспрашивал про цель поездки, про Гуй Чжоу. Елена заметила, что и Тенишевский все время заводил с Марусей и Тасей такие же речи. Что это значит?

Она гнала от себя неясные подозрения.

«В конце концов, каждый заинтересовался бы...» В самом деле — куда их везут? Она сама почти ничего не знала о Гуй-Чжоу...

Кто то осторожно подергал за край дверной занавески.

— Можно?..

— Да, — отозвалась Елена, — войдите.

Вошла Маруся в длинном шелковом халатике, в туфлях на босую ногу.

— Елена Николаевна, — сказала она смущенно, — можно у вас посидеть?

— Садитесь, Маруся. Что же это вы не спите? Третий час.

Маруся сбросила туфли и уселась на кровать, поджав ноги.

— Не спится, Елена Николаевна. Тоскливо как-то вдруг стало на душе... — сказала Маруся. — Почему-то маму вспомнила и брата...

Она заметно стеснялась и говорила опустив глаза.

— Ваши родные живы? — участливо спросила Елена.

— Отец умер, — ответила Маруся, — убит в крушении на КВЖД. А мама жива, в Харбине...

Они помолчали.

— Брат еще при мне из дома ушел, — снова заговорила Маруся, — не погладил с отчимом. Где он теперь, никто не знает. Пошел в отряд к Нечаеву...^{*} Может, убит давно.

— А как же вы в Шанхай попали? — спросила Елена. — Одна?

Маруся подняла голову.

— Я потихоньку уехала, — сказала она. — Когда отчима уволили с дороги, жить стало трудно, — я решила сама зарабатывать. Взяла, да в Шанхай и удрала. В Сайгон ездила, там один сезон работала, в Чифу прошлым летом была... Еле ноги оттуда унесла.

— Что же у вас там вышло? — спросила Елена. — Не выпускали?

— Ну да! — сказала Маруся и засмеялась, закинув руки за голову. — Там хозяева почти все такие: завезут девушку, наобещают три короба, контракт хороший дадут, а потом на этом контракте и ловят. Если девушка с характером, читы не пишет, авансов не берет, — тогда штрафовать как начнут, — никуда не денешься! И за то штраф, и за это — штраф! К концу месяца глядишь, вместо жалования один долг на шее. И уехать не уедешь. Полиция не выпускает. Отработай долг, тогда езжай. А разве отработаешь? Что дальше, то хуже только залезешь! Бывает, что за долги потом в заведение попадают... Ну, да я не из таких. Как увидела, чем пахнет — сказала Чарли, это мой свитхарт^{**} был, чиф^{***} американский. Он вдвоем с приятелем взял да меня и выкрад!

— Выкрад?! — улыбнулась Елена. — Раким образом?

Маруся звонко засмеялась.

— Чтоб вы знали! Пожитки мои, платьица и мелочь всякую, девушки понемногу повытаскали, а Чарли билет мне купил на японский пароход, до Циндао. Вечером, в баре сговорились. Все кабаре помогало. На другой день — купаться, всей гурьбой. Я прямо так, в купальном костюме на рикшу села. То-

^{*} Полковник Нечаев сформировал русский отряд и командовал им в составе армии маршала Чжан Цзы Чана.

^{**} Sweetheart — дорогой, любимый.

^{***} Chief —unter-офицер флота.

лько халат накинула. Стали купаться, визг подняли, крик, взапуски плавать начали.. Тут Чарли со своим другом несется на моторе. Подхватили меня прямо из воды на мотор и — тягу! Пароход в море догнали. Показали билет, все — о'кей, капитан, япошка, смеется. Вот так и удрала. Чарли, бедный, только поплатился: ему одну нашивку спороли, без разрешения казенный мотор гонял... А все-таки весело было в Чифу... Жаль...

Она вздохнула.

Елена слушала Марусю внимательно, разглядывая ее лицо. Задорный, вздернутый носик, темные, добрые глаза под начерненными ресницами, пухлый, безвольный подбородок, густая волна выцвеченных перекисью волос.

— Странная вы, Маруся, — сказал она, — только рассказывали, что еле ноги унесли, а тут же жалеете. О чем? Чарли вашего жалко?

— Не знаю, — протянула та. — Нет, Чарли не жалко. Да он уехал уже, в Америку. Просто так...

Снова наступило молчание.

— Елена Николаевна, дорогая, — вдруг спросила Маруся,— вы не боитесь ехать дальше?

— Нет, Маруся, не боюсь, — ответила Елена серьезно. — А вы?

— Все девушки боятся, — сказала Маруся. — В Шанхае как-то не подумал никто, а тут, в Ханькоу, кого не спросишь, что за Гуй Чжоу, — никто не знает. Киндервейзе молчит, как истукан, или отшучивается. Его это теперь уже не касается. Неволина Клавдия спрашивала, так он только выругался: «К черту под хвост едем!» — говорит. Сам он ничего не знает.

— Колин приятель этот, Дорогов, сказал, что очень далеко, в двенадцать дней не доедем, — заметила Елена.

— И Тенишевский нам с Тасей тоже самое говорил, — перебила Маруся. — Только он все шутил, смеялся. Китайскую сказку нам рассказал, про черепаху, которая под землей лежит. Огромная, в сто верст. Потом про господина Лю спрашивал, про Каца... Вы знаете, Елена Николаевна, он ведь сам пианист. Наверно, очень хорошо играет. А танцует как! Правда, Тенишевский интересный?

Елена улыбнулась.

— Он вам понравился, Маруся? Влюблены?

Маруся неожиданно густо покраснела.

— Тороплюсь! — сказала она, но тут же храбро спохватилась. — Да уж конечно, не то что наш Кац, замухрышка. Вот с таким не страшно было бы и ехать.

— Тенишевский, видно в деньгах не нуждается, ему такая халтура ни к че- му, — возразила Елена. — Придется вам, видно, в Каца влюбиться. Попробуйте!

Маруся презрительно фыркнула.

— Нет, Елена Николаевна, милая, серьезно, как вам Тенишевский понравился? Правда, он какой-то особенный?

— Я плохо его разглядела, — сказала Елена, — и совсем с ним не разговаривала. Наружность у него в самом деле оригинальная.

— Верно, интересный?! — подхватила Маруся. — И веселый! А тот, что с вами сидел — кисляй какой-то. Вам не скучно с ним было?

Елена снова улыбнулась.

— Нет, Маруся, он совсем не кисляй. Просто серьезный человек. По первому знакомству, конечно, судить трудно, но впечатление Дорогов на меня произвел хорошее.

Она взглянула на часы.

— Смотрите, Маруся, три часа. Спать не пора?

Маруся послушно спустила ноги с кровати.

— Спокойной ночи, Елена Николаевна. В самом деле поздно.

Но уходить она медлила. Долго искала брошенные ею на пол туфли, посмотрелась в зеркало, поправила волосы... Потом порывисто подошла к кровати и снова присела.

— Елена Николаевна! Как мне не хочется ехать! Я не боюсь, а так, не хочется. Я сбегу. Пусть Киндерзейзе другую девушки здесь найдет. Жалование хорошее, каждая согласится. А я спрячусь у подруги. Тут есть Катя, в «Блэк кэт» работает. Недельку у нее отсижу, а потом в Ханькоу останусь. Мне предлагают место, в «Блэк кэт» тоже.

Елена ласково потрепала ее за волосы.

— Не глупите, Маруся. Заработаете за лето и от кабака отдохнете. Тратить в дороге будет некуда, осенью сами увидите, как вам эти деньги пригодятся. А бояться нечего. Везут нас не мазурики какие-нибудь, а солидные люди.

Маруся сидела, опустив голову, и перебирала пальцами вышитый поясок халата.

— Не хочется ехать, — упрямо повторила она. — И с Киндервейзе говорить не буду. Я бесхарактерная, он меня уговорит... Лучше сбегу.

Елене показалось, что она поняла, почему Маруся не хочет ехать.

— Дорогов говорил, что они уезжают из Ханькоу на днях, — сказала она. — Оба уезжают.

Маруся вскинула голову.

— Уезжают? Куда?

— Не сказал.

— А-а... — протянула Маруся, — в Шанхай, наверное... Ну, счастливый путь им.

Она поднялась, собираясь идти.

Елена встала тоже и обняла Марусю за плечи.

— Оставьте, Марусенька, это все. Ведь вы его только один раз видели. Надо это перебороть. Не бросать же, в самом деле, из-за случайной встречи такой выгодный контракт. Немного твердости надо иметь. Ну, погрустите несколько дней, а потом пройдет. Сами еще смеяться будете. В дороге живо развлечетесь.

Маруся молчала и как-то недоверчиво смотрела на нее.

— Вы думаете? — медленно сказала она. — Значит, ехать?

— А что же остается? — спросила Елена. — За Тенишевским гоняться станете? В «Блэк кэт», в кабак на все лето залезете? Для чего? Глупости вы соби-

раетесь делать, Маруся.

Маруся несколько секунд стояла, как будто в нерешительности. Потом неожиданно крепко поцеловала Елену в щеку и выбежала из комнаты.

Оставшись одна, Елена долго сидела в кресле.

Она знала уже, что труппа волновалась и девушки побаивались дальнейшей поездки. Но такого решительного намерения «сбежать» пока не обнаруживал никто. Правда, главную роль в Марусиных соображениях играл, по-видимому, не столько страх перед далеким путешествием, сколько г-н Тенишевский, но расспросы новых знакомых за столом в «Метрополе», конечно, подлили свою долю масла в огонь.

Елена постаралась хладнокровно взвесить все, что говорилось за последние дни. Никто из тех немногих людей, с которыми ей пришлось познакомиться в Ханькоу, не сказал ничего определенно плохого. Большинство просто не имели о Гуй Чжоу никакого понятия. Один русский механик, который ездил вверх по Ян Цзе, встречал в Чун Кине купцов из Гуй Яна. С их слов он передавал, что в Гуй-Чжоу красивая природа, растет береза, а реки быстры и прозрачны. Но и только. Беспокойство и опасения возникли в труппе, очевидно, именно на почве этой неизвестности и неосведомленности. Других оснований не было. Контракты у всех были подписаны, авансы выданы, жалование г-н Лю аккуратно выплачивал каждые 10 дней, по условию. Сам он был всегда вежлив, ни к кому не придирился и даже делал нахлобучки Вану за упущения в хозяйственной части. Теперь он уехал вперед подготовить все нужное для их приема в Чан Ша. Ничто, положительно, не давало поводов к тревоге. Елена имела полное моральное право удержать Марусю от побега... Что же касается ее самой, перспектива вернуться назад, в пропитанный спиртом и развратом кабак, пугала ее гораздо больше, чем неизвестность путешествия. К тому же, возвратиться в Шанхай значило опять встретиться с Андреем Ильиным, тянутую снова тяжелую, бесплодную канитель.

Месяц, уже проведенный в пути показал Елене впервые за долгий срок, как невыносимо устала она оточной жизни, от скандалов, от приставаний мужчин, от мелких закулисных интриг, от всего, чем полна жизнь кабаре, шикарного, как «Райнбоу Палас» или попроще — все равно.

Мысли ее вернулись к прошедшему вечеру. Как не похожи были новые знакомые на профессионалов-музыкантов, которых хорошо узнала Елена за годы своих скитаний по сценам Дальнего Востока. Расспросы их и интерес, проявленный ими к цели поездки труппы, тоже казались Елене не простым любопытством. Тенишевский все время возвращался к этой теме, а Дорогов, хотя и был более сдержан, но вел себя в общем так же. Это имело такой вид, будто они добивались знакомства специально для того, чтобы что-то разузнать. Впрочем, не все ли равно? Дорогов мелькнул в калейдоскопе жизни и вот уже исчез. Может быть, — никогда больше не встретится. Стоит ли размышлять о том, что он хотел узнать и для чего?

Но против ее воли, вопреки всем доводам рассудка, беспокойство смутное и непонятное продолжало жить в ее сознании и она не находила объяснения этой бесформенной тревоге. Остро почувствовала она вдруг потребность пого-

ворить с кем-то близким и понимающим, придти к кому-то с открытой душой, так, как приходила к ней сейчас Маруся со своими несложными горестями...

Бледный рассвет замерцал уже над крышами изнывшего от духоты Ханькоу, когда Елена уснула в кресле, уронив голову на руки.

III

На закрытой двери красовалась вся искалотая кнопками визитная карточка не первый свежести:

ЕВГЕНИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ КАЦ
ПИАНИСТ-СОЛИСТ.

Тенишевский постучал.

— Войдите, — раздался голос из комнаты. Дверь тотчас приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулся тот самый маленький, чернявый человечек, которого Дорогов и Тенишевский видели вчера за роялем в театре «Виктория». Он был в одних белых трусиках и в туфлях на босую ногу. При виде двух незнакомых, хорошо одетых мужчин он опешил и отступил назад. Тенишевский не дал ему опомниться.

— Г-н Кац? — сказал он, протягивая руку. — Очень рад познакомиться. Не уделите ли полчаса для деловой беседы?

Кац смущенно разглядывал неожиданных гостей.

— Простите, — сказал он несколько шепеляво, — я только что проснулся. Одну минутку, я оденусь.

— Не трудитесь, — удержал его Валериан Платонович, — поговорим и так.

Он вошел в дверь мимо ошарашенного Каца. Дорогов последовал за ним.

Во всех углах комнаты довольно неряшливо были разбросаны разные принадлежности мужского туалета. За чайным столом сидел белокурый, коренастый мужчина лет тридцати, стриженый бобриком, в пестром японском халате. При виде вошедших он встал.

— Что угодно? — спросил он грубо.

Тенишевский протянул руку и ему.

— Г-н Неволин? Рад, что застал вас дома. Нам нужно поговорить с вами и с г-ном Кацем.

Скрипач крепко потряс его руку.

— Садитесь...

Они сели. Кац, накинув на голые плечи пиджак, подсел тоже.

— Г-н Кац, — сказал Тенишевский без всяких предисловий, — мне поручено предложить вам и г-ну Неволину вернуться в Шанхай.

Он сделал паузу. Музыканты переглянулись и на лице Каца мелькнуло выражение испуга.

— То есть как это «в Шанхай»? — спросил он нерешительно.

— А кто вы такие? — пробасил Неволин.

— Не волнуйтесь, господа, — продолжал Валериан Платонович, — кто мы такие, для вас не важно. Наши фамилии вам ничего не скажут... А предложение мое вам, я надеюсь, подойдет. Скажите, г-н Кац, только прошу, откровенно, на какой срок у вас контракт?

Кац молчал недоверчиво.

— На четыре месяца, — сказал Неволин.

Тенишевский закурил.

— Ну так вот: оба вы завтра получите полностью ваше жалование за весь остающийся до конца контракта срок и по 50 долларов на дорогу. Вопрос с неустойкой, если она у вас есть, я берусь уладить тоже. И ближайшим пароходом, послезавтра вы должны выехать в Шанхай. Вместо вас поедут другие музыканты. Согласны?

— Почему нет? — сказал Кац, выдержав паузу. — Но только для чего это? А кто поедет вместо нас?

— Какая разница? — спросил его Тенишевский. — Я спрашиваю, устраивает ли вас такая сделка?

— Ну, все таки, — повел бровями Кац. — Раз кто-то едет, значит, есть расчет ехать?

— Хорошо, — перебил его Тенишевский, — я расскажу вам прямо, в чем дело. Поедет племянник одного видного лица и его приятель. Мальчишки набедокурили с векселями и их надо месяца на два-три убрать подальше.

Кац просиял.

— Я же сказал «почему нет?» Но только, знаете, там, куда мы едем можно хорошо заработать. А в Шанхае сейчас что? Я говорю вам: мертвый сезон!

— Не торгуйтесь, — нахмурился Тенишевский. — Подумайте лучше о том, что едете вы вовсе не туда, «где можно хорошо заработать», а попросту на чертобы кулички, где к тому же каждый житель — хунхуз. И еще заметьте, что я могу обойтись и без вас, если вы не согласитесь.

Неволин вмешался.

— Я согласен. Тут в Ханькоу говорят, что действительно дичь страшная это Гуй-Чжоу. Я уж и то жалею, что поехал. Что там делать? Туда не скрипку с собой брать надо, а берданку. Только деньги — кэш*, — добавил он, — с дирекцией все устраивайте, чтоб по-хорошему было. На Лю мне наплевать, а с Киндервейзе ссориться — не подходит.

Произнеся такую непривычно длинную для него речь, он замолчал.

— Да, все будет устроено, — успокоил его Тенишевский. — Так за вами слово, г-н Кац. Решайте.

— Мне надо посоветоваться с Неволиным, — сказал пианист. — Извините на минутку... Неволин, выйдем.

Они вышли.

— Вот фрукт, — сказал Дорогов, — прогадать боится.

* Cash (англ.) — наличными.

— Какого черта, — гудел за тонкой перегородкой бас Неволина. — Дают люди деньги, надо брать. А то промыкаешься все лето, а потом будешь жалование по пятерке выхаживать! Знаешь — тоже бывает!

— Разве я сказал «не надо»? — возражал Кац. — Только следует поступить умно. Разве ты не видишь, что им это дело нужно, как хлеб?!

— Да как же ты можешь поступить умно, когда ты дурак? — негодовал Неволин. — Проторгуюешься, а потом фигу и скушаешь! Нечего, брат, соглашайся! Только чтоб деньги — кэш, вот за этим присмотреть надо крепко. Ну, пойдем, пока они не удрали.,

За стеной зашлепали туфли.

— Я решил согласиться на ваше предложение, — объявил Кац, входя в комнату. — Жалование за весь срок контракта — завтра, наличными, по 50 долларов на дорогу, как вы говорили и... билеты второго класса до Шанхая.

— Господин Кац, — неожиданно спросил Тенишевский, — сколько вы получаете жалования?

— 750 мекс в месяц, — не сморгнув, ответил Кац.

Дорогов и Тенишевский засмеялись. Даже Неволин не смог удержаться от улыбки.

— Ну, хорошо, — согласился Валериан Платонович, — хоть тысячу. Это мы увидим сейчас из вашего контракта. А теперь, будьте добры, проводите нас к Киндервейзе.

* * *

В кратких словах Тенишевский изложил г-ну Киндервейзе суть своего предложения.

— Поедем дальше мы, — закончил он. — Я придумал для ваших музыкантов сказку про молодых людей, которым надо проветриться, но вам можно сказать правду: я — корреспондент «North China Daily News»*, мой друг, — писатель, готовящий книгу из жизни внутреннего Китая. Нам надо проникнуть в Хунань и Гуй Чжоу и сделать снимки и наблюдения, которые нам необходимы. В качестве членов вашей труппы мы проедем беспрепятственно, но в настоящем нашем виде мы рискуем иметь неприятности и задержки отластей за фотографические аппараты и блокноты.

Киндервейзе молчал и курил. На бритом, немного обрюзглом лице его не выражалось ничего, кроме вежливого внимания. Небольшие, острые глаза через пенснэ смотрели ласково.

Когда Тенишевский кончил свою речь, Киндервейзе положил длинный мундштук с дымящейся сигаретой на край стола и произнес негромко:

* North China Daily News — очень распространенная газета в Шанхае и в сев. Китае вообще.

— Кац и Неволин — опытные музыканты. За это Лю по моей рекомендации платит им деньги. Как будете играть вы?

— В этом отношении будьте спокойны, — вмешался Дорогов. — Мы справимся шутя.

— Примите во внимание, что мы едем без жалования и вы имеете возможность получить то, что причитается Кацу и Неволину, сами от г-на Лю, — добавил Тенишевский.

Киндервейзе взял свою сигарету и выпустил клуб дыма.

— Это составит для вас больше тысячи долларов за сезон, — сказал Валериан Платонович.

Киндервейзе молчал и сосредоточенно курил.

— Ну так что же, согласны вы? — не выдержал Тенишевский.

— Я понимаю, — заговорил наконец Киндервейзе, — вам очень хочется поехать и... сохранить вашу поездку в тайне... Нет, к сожалению, я не могу согласиться помочь вам.

Наступило молчание.

— Та-а-к, — протянул Тенишевский. — Сколько?

— Четыре тысячи, — ответил Киндервейзе.

Тенишевский едва сдержал свое негодование.

— Послушайте, — сказал он, — нам ассигнована известная сумма, превысить которую мы не можем. Мы даем вам возможность получить жалование Каца и Неволина и сверх этого, куда ни шло, прибавим 300 долларов от себя. Но больше мы не можем заплатить.

— Это составит 1650 долларов, — подсчитал Киндервейзе. — И за это я должен рекомендовать вас, как опытных музыкантов, крупному моему клиенту? Нет! Кроме того, как я понял, вам необходима тайна. Я человек честный и хранить тайну умею.

Валериан Платонович вспылил.

— Черт вас возьми! — воскликнул он, с треском отставляя стул. — Мы найдем дорогу в Гуй-Чжоу и без вас! А что касается тайны, — она вам нужнее, чем нам. Кого вы посыпаете туда? Пять девушек! Или вы думаете, что я ничего не смыслю в этом?

Киндервейзе поднял руку.

— Не пытайтесь запугать меня. Я никого туда не посыпаю. Все едут сами, по собственному желанию. Да и к тому же, я давно постороннее лицо в этом деле. Роль моя кончилась еще в Шанхае. Здесь я нахожусь по другим моим делам.

— Постойте, — резко перебил его Тенишевский. — Раз вы постороннее лицо, что же вы нас морочили?

Он встал.

— Не волнуйтесь, — мягко остановил его Киндервейзе. — Выслушайте меня. Если я и не имею прямого отношения к делу, то одного моего слова г-ну Лю будет достаточно, чтобы у вас ничего не вышло... Поэтому вы поступили совершенно правильно, что обратились именно ко мне. Тысяча долларов с вашей стороны?

— Четыреста, — сказал Тенишевский. — Ни одного цента больше! Дорогов встал и надел шляпу резким движением. Лицо его побледнело.

— Пойдем, Валериан! Разговаривать тут не о чем...

Это вмешательство Павла Александровича решило дело. Опытным своим глазом старый антрепренер увидел, что струна натянута до отказа. Все же он выдержал, пока они не дошли до дверей.

— Подождите, господа, — сказал он, когда Дорогов свирепо рванул шаткую дверь. — Дело в том, что вы должно поняли меня. Присядьте и не горячитесь.

Тенишевский подошел к столу, не снимая шлема. Павел Александрович остался стоять в дверях.

— Я — человек честный, — с расстановкой проговорил Киндервейзе, — и «драть с вас шкуру», как говорят по-русски, не собираюсь. Раз вы располагаете только этой суммой, хорошо, я попробую сделать, что смогу и за эти 500 долларов.

— Четыреста!.. — резко поправил Тенишевский.

— ...Да, четыреста, — невозмутимо согласился Киндервейзе. — Теперь послушайте: вам повезло! Будь г-н Лю сейчас в Ханькоу, никакие деньги не помогли бы. Насколько я знаю его, он не любит менять своих решений. Раз на службу взят Кац — Кац и должен ехать. Но на ваше счастье, г-на Лю в Ханькоу нет. Уполномоченный же его, г-н Ван Лоу Сю, человек совсем иного склада. Ваши деньги... — тут Киндервейзе встал и на лице его изобразилось благородное негодование, — ваши деньги предназначены мною на то, чтобы уговорить этого г-на Вана совершить замену музыкантов, не спрашивая разрешения хозяина!!! А вы, господа, даже не выслушав Киндервейзе до конца, имели неосторожность заподозрить здесь чуть что не желание содрать с вас взятку!

— Так почему же вы не сказали нам всего этого прямо? — воскликнул Тенишевский.

— Вы молоды и неопытны, — продолжал Киндервейзе, все так же стоя, — но я достаточно стар и опытен, чтобы не обидеться на вашу горячность.

— О'кей, — сказал Валериан Платонович, сел и вынул чековую книжку. Дорогов подошел тоже и стоял за его спиной.

— Вы гарантируете нам проезд до Гуй Яна и визы, все, какие понадобятся, за четыреста долларов? — спросил Тенишевский.

— Да, именно так, — ответил Киндервейзе и пододвинул ему чернильницу.

Валериан Платонович наклонился к столу.

— Сегодня у нас 26-е, — сказал он, старательно выводя на чеке цифру 400. — Я выпишу для вас чек на 29 число. Если к этому сроку мы получим от вас музыкантские контракты и визы, — платеж в банке не будет задержан. Вы извините меня, конечно, г-н Киндервейзе. Я делаю это исключительно потому, чтобы «по молодости и неопытности моей» как-нибудь не промахнуться.

Киндервейзе взял чек и внимательно рассмотрел его...

— Плохо вы знаете Киндервейзе, — сказал он с укоризной. — Завтра, в 10 часов утра, все будет готово. Тогда вы сами разменяете мне ваш чек.

Он протянул чек обратно Тенишевскому, но раздумал, сложил его и акку-

ратно спрятал в бумажник.

Тенишевский поднялся.

— Скажите, господа, — спросил Киндервейзе, любезно прощаясь с ними в дверях, — не можете ли вы сослаться на чью-нибудь рекомендацию как музыканты? Это понадобится мне при разговоре с г-ном Ван Лоу Сю.

— Охотно, — отвечал Дорогов. — Нас знает скрипач из здешнего Рейс-Клуба, Валериан Платонович аккомпанировал ему недавно в одном доме.

— Великолепно! — воскликнул Киндервейзе. — Это — рекомендация! Коля сам отличный музыкант. Кстати, уж не вы ли приглашали вчера с ним вместе моих балерин ужинать в «Метрополь»?

— Да, — сказал Тенишевский. — Но вы, г-н Киндервейзе, хоть и «постороннее лицо», однако держите их довольно строго.

— Нельзя иначе, — развел руками Киндервейзе, не обращая внимания на язвительность замечания, — это для их же пользы. Ханькоу — город сплетни... Так вот вы кто! — добавил он многозначительно и понизил голос. — Вы едете искать шелковичного червя!

«Опять этот несносный червь! — чуть не вслух выругался Дорогов. — Все Ханькоу о нем уже знает!»

— Это так, для публики, — сказал Тенишевский. — Настоящую нашу цель мы вам открыли и... надеемся на вашу сдержанность?!

— О, да, вы можете быть совершенно спокойны!

* * *

Когда дверь за посетителями затворилась, Киндервейзе некоторое время сидел в раздумье за столом. Потом позвонил и велел позвать Каца.

— Кац, — сказал он, когда пианист, уже одетый и до синевы выбритый, явился к нему в номер, — вы согласились вернуться в Шанхай?

— Разве я сказал вам, что отказываюсь от контракта? — ответил тот.

— Что же, раз это вам и Неволину выгодно, езжайте. Я ничего не имею против, — продолжал Киндервейзе, не слушая его. — Я всегда рад, если кто-нибудь имеет выгоду. Даже согласен помочь вам в отношении китайцев.

— Правда? — спросил Кац и тотчас же подозрительно насторожился. — Но деньги-то эти двое заплатят? Как вы думаете?

— Деньги вы получите завтра, в десять часов, здесь... Теперь же идите, ложитесь в постель и примите хорошую порцию кастрорки. Вы должны «заболеть дизентерией». Понимаете? И Неволину передайте то же самое. Но никому ни слова. Иначе все сорвется и вам придется ехать дальше самим. Вот это пока все. Идите, Кац. Завтра, в десять, отдавайте контракт и получите полностью все, что вам следует.

Кац медлил уходить.

— Г-н Киндервейзе, — сказал он, понизив голос, — я хочу предложить вам комбинацию...

— Комбинацию?.. — Киндервейзе вскинул брови.

— Да... небольшую... Я получаю 250, Неволин — 200... Что вам стоит увеличить эту сумму? Я сказал им, что 750. Ну это, я согласен, много... Но если посчитать, допустим, по четыреста в месяц, — это все таки что-то составит! Пятьдесят долларов, конечно — вам, как законный процент.

Но Киндервейзе считал подобные сделки, да еще с такими людьми, как Кац, верхом неосторожности.

— Идите, Кац, у вас непропорционально большой аппетит. Я не могу изменять контракты. И ложитесь поскорее в постель... Не откажите, кстати, послать за Ваном.

Пианист неохотно, будто что-то соображая, направился к дверям.

Ван, в новом пробковом шлеме и в широчайших белых брюках, явился немедленно.

— Садитесь, г-н Ван, — сказал Киндервейзе озабоченно, — у нас несчастье! Кац и Неволин захворали.

— Как так? — удивился китаец. — Я вчера вечером с ними гулял по городу. Еще арбуз для них выбирал.

Киндервейзе мгновенно учел положение. Он привстал с кресла и всплеснул руками.

— Арбуз?! Вы накормили их арбузом?! Да ведь у них дизентерия!

— Какая дизентерия? — протянул Ван.

— Такая! — сердито закричал Киндервейзе. — От которой люди умирают! Хорошо еще, если дизентерия, а не холера. Ах, мистер Ван, мистер Ван! Что вы натворили? И что вам теперь г-н Лю скажет?

От одной мысли о гневе г-на Лю лицо у Вана вытянулось.

— Так надо их лечить... — растерянно бормотал он. — Я побегу за доктором. Он нахлобучил свой шлем.

Киндервейзе испуганно схватил его за руку.

— Стойте, стойте! Вы хотите совсем испортить дело? Послезавтра надо ехать дальше и никакой доктор их за один день на ноги все равно не поставит. Вы только поднимете панику! Их положат в госпиталь, придет полиция, станут делать дезинфекцию!.. А если холера? Карантин, не пустят ехать никого! Г-н Лю будет очень недоволен! Наоборот, пока они еще держатся, их надо отправить в Шанхай! Тайно, с ближайшим пароходом! И во что бы то ни стало найти новых!

Ван растерялся совершенно.

— Откуда же я возьму новых? Еще в Шанхае они, может быть, и есть, а тут? Нет, — решил он вдруг, — пусть едут дальше. Сдам их г-ну Лю вместе с дизентерией. Он сам распорядится. Я не виноват, что они заболели!

— Конечно, вы не виноваты, — ехидно подтвердил Киндервейзе. — А кто их арбузом накормил? Да впрочем, как хотите, г-н Лю уполномоченным оставил вас, а не меня. С вас и спросит. Я, собственно, давно уже посторонний в этом деле.

— Но как же я поеду без музыкантов? — жалобно сказал Ван. «Проклятая Мышь, — мелькнуло у него в голове, — опять все разваливается!» — Ведь г-н Лю

меня выгонит тотчас же! Хорошо, я отправлю их в Шанхай... Что ж, я сам на скрипке играть буду? Я не умею!!!

— Не знаю, — сказал Киндервейзе сурово, — вы не желаете слушать моих советов и я вам их давать не буду.

— Г-н Киндервейзе, — в совершенном отчаянии воскликнул Ван, — помогите мне! Может быть, вы знаете здесь какого-нибудь музыканта? Я найду китайского скрипача...

Киндервейзе усмехнулся.

— Вы ничего не понимаете, г-н Ван. С китайским вашим скрипачом вы очень скоро окажетесь вдвоем: весь балет разбежится. Это глупости. Дайте я лучше подумаю, как вам помочь, раз вы в таком отчаянии. У старика Киндервейзе все-таки доброе сердце... Да вот! (он хлопнул себя по лбу). Берите, г-н Ван, мою карточку и бегите с ней в «Грейт Чайна Отель». Там остановились пианист Тенишевский и скрипач Дорогов. Если они еще не уехали в Шанхай, — ваше счастье. Тащите их сюда немедленно. Но никому — ни звука! Да не забудьте заглянуть к Кацу и сказать ему, чтобы они никого к себе пока не пускали и за доктором не посылали.

Как лист, гонимый ветром, Ван промчался по коридору.

Кац, в одних вязаных трусиках, ничком лежал на своей кровати. Неволин отсутствовал.

— Г-н Ван, — жалобно встретил пианист китайца, — пошлите за доктором... И попросите сюда Киндервейзе... Я не могу ехать дальше...

— Где Неволин? — встревоженно спросил Ван. — Пошел к девушкам?

— К каким там девушкам? — совсем уже кисло сморщился Кац. — Он придет сейчас... Пошлите за доктором, г-н Ван!..

— Хорошо, — заторопился Ван, — я сам сейчас бегу за доктором! Только, прошу вас, никого пока сюда не пускайте, а то поднимется паника, девушки испугаются. И сами никуда не выходите!

— Как же я могу не выходить? — простонал Кац очень естественно и стал напяливать халат.

В дверях показался небритый и растерзанный Неволин. Совершенно потряв голову, Ван быстро втащил его за руку в номер, выскочил в коридор и запер музыкантов на ключ.

«Проклятая Мышь, проклятая Мышь!» — твердил он, пулей слетая с лестницы.

* * *

Разыграв обе описанные выше сценки и оставшись, наконец, один, Киндервейзе снова внимательно осмотрел чек Тенишевского, потом снял пиджак, сел в кресло и потребовал себе завтрак.

IV

У небольшой платформы стоял готовый к отправлению поезд. Маленький паровоз пыхтел и источал клубы черного дыма, который столбом поднимался в неподвижном воздухе. В вагоне второго класса было душно, как в печи вавилонской. Носильщики разместили вещи, Ван занял купе для себя и музыкантов. В ожидании отправки, девушки разбрелись по перрону. Клавдия и Тася раскладывали на жестких скамейках своего купе пледы и подушки.

— Тася, посмотри, — испуганно сказала вдруг Клавдия.

В оконном стекле, прямо над столиком, виднелось небольшое круглое отверстие. Тася потрогала его пальцем.

— Прострелено, — сказала она. — Веселое дело.

— Посмотрим в других купе, — предложила Клавдия, — может, там — тоже?

В соседних купе стекла были целы. Зато в конце коридора в окно как будто кто-то бросил пригоршню гороха. Они насчитали шесть дырочек.

«Хунхузы обстреливали», — решила Тася.

— Нечего сказать, — заволновалась Клавдия, — надо всем показать!..

Она высунулась в открытое окно коридора.

— Девочки! Идите сюда!

Но всеобщее внимание было привлечено новым событием: в конце платформы показался Киндервейзе в сопровождении двух мужчин в белых шлемах.

— Г-н Ван, — уже издали кричал он, размахивая шляпой, — вот ваши новые музыканты.

Все обернулись в их сторону. Елена вышла на площадку вагона.

— Валериан Платонович! — воскликнула Маруся. — Г-н Дорогов! Вы едете с нами? Вот сюрприз!

Тася выбежала тоже.

— А, Тасенька, — приветствовал ее Тенишевский, — здравствуйте! Ну, знакомьте нас со всеми. Да у нас тут будет весело!

Ван радостно суетился около них. Киндервейзе тотчас отвел его в сторону.

— По возвращении из поездки непременно зайдите ко мне в Шанхае, — сказал он, — я хотел бы с вами работать. И вот, не откажите принять на память...

Он протянул Вану изящную роговую коробочку для табака с серебряной английской монограммой.

— А также вот это... на мелкие расходы в пути.

И Киндервейзе с улыбкой сунул Вану в боковой карманчик два аккуратно сложенных десятидолларовых билета.

Г-н Ван сиял и с чувством жал ему руку.

Если вы взглянете на карту центрального Китая, вам бросится в глаза, что вся северо-восточная часть Хунаня и пограничная с ней окраина провинции Хупей обильно расщеплена синей краской... Несмотря на то, что от самого Ву-Хана дорога все время заметным уклоном поднимается вверх, вода здесь повсюду. Бессчетные речушки, ручейки, пруды и озера пересекают страну по всем направлениям. Железная дорога прорезает этот плодородный край с севера на юг. В период описываемых нами событий она доходила только до Чан Ша*. Гражданские войны и неурядицы не давали возможности довести ее до конца, согласно плану строителей. В законченном виде эта дорога представит собою мощную артерию, которая соединит южные порты Китая, Амой, Сватао, Кантон и Гонконг через Ву Хан и Нанкин с Чинкианом и Шанхаем, а на север, через Пукоу, с Пекин-Тяньцзинской железной дорогой.

Поезд, громыхая и отчаянно раскачиваясь на узкой колее, несся вперед, преодолевая уклон. Мелькали новенькие, как будто игрушечные станции, укрепления и сторожевые посты, обнесенные глинобитными или каменными стенами, с серыми фигурами вооруженных часовых. Дребезжали бесчисленные мосты. Слева, миля за милю, плыли рисовые поля, террасками поднимавшиеся по склонам холмов, справа засияла сквозь просветы деревьев и вскоре открылась необозримая, простиравшаяся далеко за горизонт, гладь озера Тун Тин**.

Настроение труппы заметно поднялось с появлением Дорогова и Тенишевского. Бодрость и веселость Валериана Платоновича и спокойная, уверенная манера держаться — Дорогова — заставили всех позабыть о недавних страхах и сомнениях. Терентий был тоже принят радостно и радушно. Он попытался объясняться на каком-то тарабарском наречии, которого не понимал даже Ван, но, убедившись в бесплодности своих покушений, только широко улыбался и хлопотал над консервными банками и посудой.

— Погляди на Терентия, — шепнул Павел Александрович Тенишевскому, — каким дикарем прикинулся. На всякий случай, наверное.

— Видна школа Зайковского, — отвечал Валериан Платонович.

Только после одиннадцати часов общее оживление стало, наконец, спадать. Ангелина задремала, приткнувшись в уголке. Из отделения мужчин послышался сочный храп Вана. Клавдия тоже прилегла. Тенишевский, без пиджака, с расстегнутым воротом, рассказывал страшные литовские легенды, мерещая в полумраке вагона огоньком сигареты. Тася, Шура и Маруся слушали его, затаив дыхание, прижавшись друг к другу у открытого окна.

Дорогов вышел на площадку. Оранжевые каскады искр из паровозной трубы порою прорезали мутную мглу неба. На редких уклонах поезд ускорял ход и тогда черные призраки придорожных кустов ураганом проносились мимо.

Елена сидела на ступеньках, в открытой двери, ухватившись за поручни.

— Вы не боитесь так сидеть? — обратился к ней Павел Александрович, наклоняясь. — Качнет и сорветесь.

* Город Чан Ша, — административный центр провинции Хунань.

** Ду Дин Ху. Местное произношение этого названия — «Тун Тин». Ху — по-китайски «озеро».

— Нет я крепко держусь, — ответила она, — тут удобно.

— В вагоне душно, — сказал Дорогов, — я вышел тоже подышать. Там Валериан рассказывает вашим подругам жуткие истории, а я не любитель чертовщины.

— Сколько в Валериане Платоновиче энергии, — заметила Елена. — Он весь день сутился, а вот ему до сих пор неймется.

Дорогов стал разжигать свою трубку.

— Да, Валериан — непоседа.

— Вы давно работаете вместе? — спросила она.

— Много лет. Мы знаем друг друга со школьной скамьи.

— Вы вместе учились музыке, — решила Елена. — Ведь вы — профессионалы?

Дорогов насторожился.

— Не совсем, — осторожно ответил он. — Профессионалами пришлось стать уже в эмиграции. По образованию Валериан — юрист, а я — химик.

— Но все таки лет шесть-семь играете? — продолжала Елена свой допрос.

— Восемь лет, — наудачу сказал Павел Александрович.

Елена подняла голову.

— Как странно, что мы нигде не встречались за эти годы. Ведь я объездила почти все сцены Китая.

«Подозревает что-то и ловит», — подумал Дорогов и сам перешел в наступление.

— Весь Китай? — переспросил он. — Вы бывали в Гонконге, в Сайгоне?

— В Гонконге я провела два сезона, — ответила Елена. — В Сайгон попасть не приходилось... А вы бывали там?

— Мы работали в Сайгоне три сезона, — уверенно солгал Дорогов.

— Так вы, значит, знакомы с Марусей еще по Сайгону? — спросила Елена и в голосе ее Дорогову послышалась насмешка.

Павел Александрович не сдавался.

— Нет, — сказал он, — я не встречал ее раньше. Когда, в каких годах была она в Сайгоне?

Елена улыбнулась и покачала головой.

— Не знаю. А когда там были вы?

Вопрос был прямой. Дорогов нарочно уронил свою трубку и наклонился, разыскивая ее, чтобы выиграть секунды и сообразить, как вывернуться из ловушки. Во мраке кустов неожиданно чиркнул огонек. Гулко прогремел винтовочный выстрел. Впереди ответил ему другой. Чаща мигнула десятком светляков. В соседнем вагоне жалобно звякнуло разбитое стекло. С площадки служебного вагона тявкнул, захлебнулся и вдруг ровно застрочил пулемет охраны... Дорогов почти на руках поднял Елену со ступенек и захлопнул дверь. Она инстинктивно прижалась к нему, обхватив руками его плечо. Такостояли они несколько долгих секунд. Ночь смолкла.

На площадку вышел Тенишевский.

— В чем дело? — озабоченно спросил он. — Стреляли?

— Да, — резко ответила Елена и снова открыла дверь, — только пожалуй-

ста, Валериан Платонович, не говорите девушки. Соврите что-нибудь, скажите, что проезжали деревню, где жгли хлопушки... Не надо их пугать.

Тенишевский поднял брови и посмотрел на Елену удивленно.

— Да вы, я вижу, молодец, Елена Николаевна! — сказал он.

V

В Чан Ша прибыли глубокой ночью. Van и служащий гостиницы, высланный г-ном Лю встретить труппу, долго и свирепо торговались с грязной и крикливой толпой рикш, тотчас обступившей европейцев со всех сторон.

Наконец, все было уложено и вереница дребезжащих колясочек втянулась в узкую улицу, вымощенную крупными камнями... После бесконечных поворотов, подъемов и спусков процессия остановилась у двухъярусного здания. Оно выходило на улицу одной массивной дверью и двумя окнами над нею. Дверь эта вскоре отворилась и Тенишевский, а за ним и девушки проникли через грязный, гулкий проход во внутренний дворик, слабо освещенный. Шествие замыкало Дорогов. Van и Терентий остались на улице наблюдать за разгрузкой вещей.

Посреди дворика стоял лакированный стол с узенькими скамеечками вокруг него. Вдоль крашеных в голубую краску стен стояли четыре таких же стола поменьше и тяжелые, неуклюжие кресла... В глубине, между двумя черными провалами дверей, виднелся еще один столик с целым сооружением из красной, желтой и золотой бумаги, с толстыми красными свечами по углам. Из-за этой постройки выглядывала поставленная на возвышение бронзовая статуэтка Мэ Ля Фо. На одной из стен криво болталась бумажная картина, изображавшая ястреба в лабиринте ветвей, на другой — две такие же длинные бумажные полосы, испещренные иероглифами. Между ними крест-накрест были прибиты два старинных меча в бамбуковых ножнах. Неровный каменный пол покернел от сырости.

Откуда-то из глубины второго такого же дворика появились полуодетые фигуры слуг, разбуженных шумом.

— Зрешице утлое! — сказал Тенишевский, присев на ручку кресла.

— Это здешний «Гранд Отель», — пошутила Клавдия.

Van шумно расплатился с рикшами и тоже вошел в гостиницу. Слышино было, как гостиничный слуга затворил за ним дверь и с грохотом задвинул деревянный засов. Благообразный старик-хозяин продемонстрировал приезжим отведенные для них комнаты. Они помещались все вместе, во втором этаже, и выходили окнами и дверями на галерею, повисшую вокруг первого двора. Отверстие в крыше над двориком и галереей было закрыто застекленными рамами. Целая сеть веревок свисала с них на галерею. Этот хитроумный такелаж давал возможность открывать и закрывать рамы.

Дорогов почувствовал необходимость поднять упавшее настроение труппы. Город и гостиница произвели на всех впечатление самое удручающее.

— Тут как на корабельной палубе, — сказал Павел Александрович весело.
— Оснастка, посмотрите, какая! Зато хоть будет чем дышать, не то что внизу.
И пол деревянный. Ну, ребята, занимайте комнаты, кому какая нравится!

— Боюсь, чтобы мне тут что-нибудь понравилось, — сказала Тася.

— Не место красит человека, а человек место, — попробовал пошутить Дорогов.

— Вот как? — подхватила Тася. — Так вы, Павел Александрович, пойдите
украсьте вон тот чуланчик, в углу. Там украшений, кажется, немного. Даже
окна нет.

— Вот какая вы, Тася, язва, — засмеялся Дорогов. — Ну что ж, посплю и в
чуланчике. Не велика беда.

В это время дверь комнаты, которую они окрестили чуланчиком, отворилась и из нее на галерейку вышел г-н Лю. При виде незнакомого ему Дорогова он остановился и на лице его изобразилось удивление... Но выражение это тотчас же пропало. Он учтиво поклонился всем и громко позвал Вана.

Переводчик и Тенишевский с чемоданами в руках появились на лестнице. Г-н Лю пристально взглянул на Валериана Платоновича и заговорил с Ваном по-китайски.

— Уважаемый г-н Ван, пройдите ко мне в комнату, — сказал он и возвратился в свою каморку.

Ван плюхнулся на пол чемодан и вприпрыжку последовал за ним.

— Здравствуйте, уважаемый г-н Ван, — встретил его Лю, — садитесь. Не хотят ли чаю? Я надеюсь, что ваше путешествие прошло благополучно?

Ван рассыпался в приветствиях.

Г-н Лю терпеливо выслушал его.

— Скажите мне, — спросил он, когда Ван наконец умолк, — кто эти люди?
В числе артистов я до сих пор их не видел.

Ван, не жалея красок, принялся описывать обстоятельства, послужившие причиной отправки Каца и Неволина назад в Шанхай. Он сам был искренне убежден в том, что выход из положения был найден отличный и со всем доступным ему красноречием расхвалил Дорогова и Тенишевского, как будто знал их всю жизнь.

Г-н Лю некоторое время молчал в раздумье.

— Какие они люди — покажет будущее, — сказал он своим ровным голосом. — В том, что они хорошие музыканты, я соглашаюсь верить вам, иначе, конечно, вы не решились бы принять их на службу. Вдобавок, я сам сделал ошибку, то есть доверил вам ведение дел в мое отсутствие. Пусть они едут с нами дальше, но вас, уважаемый г-н Ван, я должен предупредить. Если в дальнейшем вы предпримете что-либо без моего ведома — вы немедленно лишиетесь службы.

Г-н Лю отпил из чашечки чаю.

— А теперь, выслушайте мои распоряжения: я уже арендовал небольшой катер, на котором мы поедем дальше через Сиан-Тан* и Хен-Чжоу...** Но пред-

* Сиан-Тан.

варительно я должен закончить мои коммерческие дела. С этой целью я выезжаю завтра на рассвете в город И-Ян, за 150 ли отсюда, по автомобильной дороге. Вы будете ждать меня. Спектакль здесь не будет. Теперь — спокойной ночи, вам следует отдохнуть с дороги.

* * *

День, который предстояло провести в Чан Ша, решено было посвятить осмотру города. Он представлял собою мало интересного. Узкие улицы, как обычно в китайских городах, перепутывались причудливым лабиринтом. В центральных кварталах кое-где был асфальт, признак европейской культуры, проникнувшей сюда вместе с железной дорогой... Окраины города, по-старинному, тонули в грязи и не имели даже электрического освещения. Главная торговая улица извивалась, как змея. С верхних этажей на нее с обеих сторон свешивались бесконечные шеренги огромных вывесок в виде флагов всех цветов, испещренных крупными пестрыми иероглифами... Вывески эти витиевато извещали публику о необыкновенно дешевых ценах на обувь, о прекрасном качестве чая, о том, что «лучшие в городе копченые окорока продаются здесь» и так далее в этом же духе. Витрины магазинов, торгующих вышивками, были особенно интересны. Среди выставленных работ некоторые были исполнены поистине художественно, но цены на них были невысоки. Шура за семь долларов купила себе изящную розовую курму, искусно крашеную «в тень», книзу темнее, с вышитыми на ней белыми и серо-голубыми цаплями.

На короткой уличке, сплошь занятой похоронными лавками, в окнах виднелись туфли, пестро расшитые петухи, были расставлены поминальные шкафчики и висели четки из пахучего камфарного дерева.

Большая часть улиц была вымощена крупными каменными плитами и сверху затянута полосами грубой синей материи в защиту от солнца. В прибрежных кварталах от продававшейся там всевозможной сырой, печеной, вареной, копченой и вяленой снеди воздух был особенно тяжел. Вдобавок, солнце начало сильно припекать и даже сплошной потолок из колыхающихся синих полотнищ не спасал от нестерпимой духоты.

Ангелина первой отказалась от дальнейшего осмотра.

— Я не могу! Как вам угодно, а я — домой.

Шура поддержала ее.

— Г-н Ван, ведите нас назад, в гостиницу.

Тенишевский запротестовал.

— Что вы, ребята, как не стыдно? Надо еще за реку съездить, там монастырь, лес замечательный!

Но девушки не соглашались.

** Хен-Чжоу-Фу. На некоторых картах этот город именуется Хэн-Ян-Сян (Heng-yang-hsien).

— Бросьте их уговаривать, Валериан Платонович, — вмешалась Тася, — пусть тащатся домой. Поедем без них. А ты, Маруся?

— Я? Конечно, с вами, — серьезно ответила Маруся.

В результате Шура, Клавдия и Ангелина в сопровождении Вана повернули домой.

— Поедем сразу за реку, — предложила Елена. — Далеко, наверное, надо к вечеру поспеть назад.

— О'кей, — весело ответил Тенишевский, — а вот и провиант.

Они купили пару копченых уток, яблочек, слив и круглых поджаренных хлебцев. Все это с трудом затолкали в дорожные сумки мужчин.

В том месте, где Тенишевский с Тасей и Марусей, а за ними и Елена с Павлом Александровичем вышли к реке, берег, местами осыпавшийся, круто спускался к воде, быстрой и прозрачной. Прямо против города течение препрятствовало длинный остров. На одном конце его, низком и отлогом, скучился поселок, на другом, высоком и лесистом, среди темной зелени деревьев, виднелись нарядные белые и красные домики, обнесенные высокими стенами. Каменные лестницы сбегали от них прямо в воду по облицованному большими плитами крутому берегу. Это были жилища иностранных торговых представителей: англичан, немцев, американцев и японцев. Вдоль острова, серой и мрачной вереницей, стояли пять японских миноносцев и беленькая, нарядная английская канонерка.

Тенишевский указал рукою на эту флотилию.

— Полюбуйтесь! Торговля процветает.

Мальчишка-лодочник, ловко работая кормовым веслом, перевез их мимо острова на противоположный берег реки. Невысокая горная цепь уступами подходила почти к самой воде. Сквозь зелень там и сям виднелись пятна краснозема. Влево, милях в пяти-шести, возвышалась поросшая густым лесом гора. На вершине ее виднелись крыши строений.

— Вот туда надо лезть? — спросила Тася, с помощью Тенишевского высаживаясь на берег из сампана. — Это и есть ваш монастырь?

— Вероятно, — ответил Валериан Платонович, — мне говорили, что он стоит на высокой горе. Высокая гора тут одна. А что, Тасенька, испугались, что далеко?

— Нет, ничего, — храбро ответила Тася, — полезем.

Дорога тянулась сначала вдоль берега, потом извилисто сворачивала между холмами. По сторонам попадалось множество искусственных прудков. На склоны холмов взбиралась рисовые терраски.

У подошвы горы сделали привал и закусили. Здесь дорога круто сворачивала в лес и начинался подъем.

В тени вековых деревьев жара не так давала себя чувствовать; тем не менее, когда после полуторачасовой ходьбы у поворота дороги зажурчал ручеек — все облегченно вздохнули. Тенишевский, шедший впереди, сбросил сумку на землю.

— Стоп! Отдохнем, господа, — сказал он обернувшись к спутникам.

Освежившись у прозрачного, холодного как лед ручья, все разместились

на траве. Тенишевский во весь рост растянулся под деревом.

— Отсюда до монастыря уже рукой подать, — заметил Дорогов. — Видите, дорога кончилась. Дальше тропинка.

И, как бы в подтверждение его слов, гулко и низко прозвучал и поплыл над лесом удар гонга. Все притихли.

Легкий ветерок прошумел в вершинах деревьев. Толпами заметались по дороге солнечные «зайчики». Широкий лапчатый лист платана, медленно колыхаясь в густом, ароматном воздухе, упал и бесшумно лег у самых ног Маруси. Редкие вибрирующие удары гонга неслись с вершины горы.

— Хорошо тут, — сказал Дорогов. — Я подумал о России... и лес там другой, и вся природа другая, а вот что-то напомнило...

— Гонг, — тихо отозвалась Елена. — Как колокол.

— Я в России никогда не была, — заговорила Маруся. — В Харбине родилась. А что, там красиво? Лучше, чем здесь?

Тенишевский перевернулся и поднялся на локтях.

— Лучше, Марусенька, гораздо лучше! Поля какие, луга! И леса не похожи на этот. Приветливые, кудрявые... А тут? Да посмотрите: невесело, угрюмо.

Могучий, вековой лес величаво стоял вокруг. Со всех сторон поднимались по крутому склону многосаженные стволы-великаны, как грозная рать богатырей, идущая на приступ. Справа, у дороги, над кустами серела небольшая пагода.

Наступило долгое молчание. Наконец, Тенишевский встал и вскинул сумку на плечо.

— Пошли дальше!

Не дожидаясь никого, он зашагал по крутой обрывистой тропинке.

— Смурной!* — с усмешкой бросила Тася и тоже встала.

— Валериан Платонович, — крикнула она, — потише! Споткнется!

Все поднялись и гуськом двинулись вверх по тропинке вслед за Тенишевским.

Наверху их ждало разочарование. Ни пагоды, ни старинного храма, ни даже крупных строений там не оказалось. Большая квадратная площадка на самой вершине горы, где раньше помещался, очевидно, храм, была старательно очищена и на ней воздвигалось какое-то неуклюжее сооружение из кирпича и гранитных плит. Сбоку в большом котле варился асфальт... Монастырские строения, маленькие, одноэтажные, сбились в кучу позади постройки, прилепившись к краю площадки над обрывом. Узкая лесенка, высеченная в камне, сбегала от них вниз и от ее подножия в лес извилисто уходила тропинка. По этой лесенке каменщики, протяжно покрикивая, волокли снизу на толстых бамбуковых коромыслах отесанные глыбы камня и кирпичи.

Немногочисленные монахи вышли посмотреть на пришельцев. Медливые, молчаливые, одетые в широкие курмы, с длинными волосами, связанными на макушке, они казались странным анахронизмом на фоне власт-

* Смурной — ненормальный, «tronутый».

но расположившейся в их владениях постройки.

Елена протянула вихрастому мальчику-послушнику несколько слив. Он смущенно заулыбался, закланялся, благодаря, но сливы не взял.

— Представьте себе на месте этого сооружения пагоду или храм, или просто поляну с несколькими деревьями, — сказал Павел Александрович. — Что-нибудь подобное тут, конечно, и было раньше. Как живописно и тихо выглядело это место. Настоящая «обитель мира». Но вот пришло кому-то в голову намостить здесь кирпичей...

Тенишевский усмехнулся.

— Это выглядит так, как будто кому-нибудь из Гомеровских героеv надели на голову цилиндр.

— Обсерваторию строят или монумент какой-то, — заметила Елена.

Тенишевский снова усмехнулся.

— Обсерваторию! Для чего она, спрашивается, здесь нужна? Ворон считать? Да... Старина сейчас в Китае не в почете.

Монахи, соскучившись смотреть, разошлись. Каменщики продолжали свою работу. Путники посидели, закусили остатками утки и хлебом и тронулись в обратный путь.

Возвращались медленно. Близился вечер. Воздух, пропитанный ароматом леса был неподвижен. Косые лучи солнца, исчезавшего за холмами, золотили вершины деревьев. Дорогу окутывал уже прозрачный сумрак. Жара спадала.

Тася, Маруся и Валериан Платонович ушли далеко вперед. Изредка отрывками доносились их голоса. Елена шла, обмахиваясь сорванной зеленою веткой. Дорогов снял свой шлем и отбросил его за плечи на ремешке.

— Я много лет не видела природы, — сказала Елена. — Когда смотришь на нее из окна вагона или с борта парохода, она кажется совсем другая, как будто не настоящая. Я ведь жила все время в городе.

— Работали в кабаре? — спросил Дорогов.

— Да. Вы не представите, какая это мерзость! — вырвалось у нее. — Теперь, когда я далеко от этой жизни, я не могу сама понять, как могла я столько лет оставаться там. Для того, чтобы выносить такую жизнь, надо убить в себе все духовные запросы...

Дорогов взглянул на нее. Лицо Елены покрылось легким румянцем.

— Не слишком ли мрачно вы судите? — сказал он. — Целая армия женщин живет и содержит свои семьи этим заработком. И многие, большинство из них, и не думают терять человеческий облик.

— Нет, я не преувеличиваю, — ответила Елена. — Вы, видно, плохо знаете эту среду, хотя и говорите, что сами из нее. Понаблюдайте хорошенъко, послушайте разговоры, которые ведутся между двумя танцами, поинтересуйтесь тем, что читают все эти женщины, чем живут они, тогда вы не будете упрекать меня в скептицизме.

Павел Александрович принялся набивать свою трубку.

— Есть разные натуры, Елена Николаевна, разные характеры, — возразил он. — Слабые, конечно, гибнут, как и везде, сильные выдерживают и выбираются...

Елена бросила ветку на дорогу.

— И здесь вы ошибаетесь, Павел Александрович. Конечно, сильные характеры выдерживают дольше. Но сколько надо силы! Это могут только единицы. Нельзя изо дня в день ходить среди луж и не замочить ноги. То, что вы говорите — теория.

— Не совсем, — сказал Дорогов. — Вон, впереди, с Валерианом идут Тася и Маруся, две девушки из этого мира... Обыкновенные девушки! Я ничего не вижу в них специфически-кабацкого.

— Они только начинают, — ответила Елена. — Пройдет пять-шесть лет... Взглянете на них тогда.

Она говорила горячо и убежденно. Дорогов видел, что вопрос этот задел ее за живое.

— Я не стану спорить с вами, — согласился он. — Вы лучше меня знаете эту среду. Внимательнее наблюдали. Но... — он вынул трубку изо рта и улыбнулся, — вы собственным примером опровергаете то, что говорите.

Елена некоторое время шла молча.

— О себе я не хочу говорить, — сказала она наконец. — Я выдержала... Выдержу теперь уж и дальше. Но я — одна из немногих... И дело здесь не в силе или слабости, а в том, что я сумела не войти в этот мир, оставаться в нем чужой... Вы, Павел Александрович, наверное, неправильно поняли меня. Я вижу это. Примеров можно привести много, но все они ничего не докажут. Вы смотрите и судите не по существу.

— Возможно и это, — снова согласился Дорогов. — Но если мне недостало собственной наблюдательности, я читал. О «женщине из бара» пишут... Пишут постоянно и много.

— Оставьте, — сказала Елена с досадой. — Пишут вздор. Если верить этому всему, *dancing girl* — или безнравственный монстр или «несчастная, благородная душа», которая заблудилась, бедняжка, в лесу дилемм! И не то и не другое! *Dancing girl* — не Мессалина и не Гамлет в юбке, а самая обыкновенная средняя женщина. Но она лишена того, что составляет смысл и суть существования каждой женщины. Она не имеет семьи и не может ее иметь. Не умеет уже ни жить семьей, ни удержать ее, если и заводится! Отсюда все. Я не люблю говорить на эту тему, Павел Александрович. Но раз уж начала — скажу все... Пьянство, разврат, беспринципность, равнодушие к себе и к окружающим — все это следствия. Это протест... Почти всегда бессознательный.

Она сняла свой шлем. Волна золотистых волос упала ей на плечи. Елена откинула их рукой.

— А что касается заработка, — сказала она уже спокойней, — вы правы. Очень многие женщины содержат на свой счет то, что заменяет им семьи — детей, мужей и альфонсов. Больше того — шанхайские *dancing girls* создали благополучие русской колонии в Шанхае. Они — насос, который много лет подряд выкачивал доллары из иностранцев и лил их в кассы магазинов, кафе, фотографий, ресторанов, парикмахерских, в карманы владельцев «бординг хаузов», докторов и комиссионеров! Все эти Клавы, Шуры, Маруси, Таси, —

вот кто построил авеню Жоффр, ее магазины и салоны! По справедливости, Павел Александрович, в саду будущего русского клуба в Шанхае на почетном месте следовало бы поставить памятник не тому отставному генералу, который будет первым его председателем, а именно нам, шанхайским *dancing girls!*..

Она замолчала.

— Ау-у! — донесся снизу голос Тенишевского. — Елена Нико-ла-ев-на-а-а!..
Па-а-вел!.. Ско-ре-е-е!..

Они ускорили шаги.

VI

Обратный путь прошел в молчании. Усталость давала себя чувствовать. Изредка перекидывались незначительными фразами. В лодке Маруся пробовала запеть, но никто не поддержал ее.

Солнце скрылось за крышами города, когда, покрытые пылью и порядком загоревшие за день, они достигли дверей гостиницы. Уже проходя через дворик, они услышали доносившийся сверху, с галереек, незнакомый мужской голос. Кто-то говорил по-русски. Шура весело смеялась.

— Что за новости? — встревоженно сказал Тенишевский и поспешил наверх.

За столиком на галерейке пили чай. Спиной к двери сидел высокий худощавый человек с взлохмаченной, чуть седеющей шевелюрой, в белом полотняном костюме.

— Валериан Платонович, у нас гость, из Шанхая! — встретила Тенишевского Клавдия.

При этих словах незнакомец встал и обернулся.

— Г-н Тенишевский? — спросил он. — Рад познакомиться.

Он протянул руку и кратко отрекомендовался:

— Книжников.

В это время Дорогов и Елена показались в дверях... Увидев гостя, Елена невольно отступила.

— Андрей Ильич!

Все обернулись к ней. Книжников при общем молчании пересек галерееку и не без драматизма поцеловал Елене руку.

Тенишевский поморщился.

— Так вы знакомы с г-ном Книжниковым? — спросил он, чтобы нарушить неловкость этой сцены.

— Мы часто встречались в Шанхае, — ответил Андрей Ильич и растерянно улыбнулся.

Елена уже справилась со своим смущением.

— Как вы сюда попали, Андрей Ильич? — сказала она.

— Я приехал по делу в Ханькоу, — ответил он, — а когда узнал, что вы в Чан Ша, решил съездить повидать. Да есть и поручения кое-какие сюда, —

добавил он.

— Ну хорошо, — сказала Елена, совершенно овладев собою. — Садитесь, Андрей Ильич, пейте чай. Я сейчас выйду. Умоюсь только и переоденусь. Мы весь день бродили.

Она представила Книжникова Павлу Александровичу.

За чайным столом общая неловкость, вызванная встречей Елены с Андреем Ильичом, понемногу рассеялась. Книжников очень живо рассказывал шанхайские новости, смешив всех меткими характеристиками, говорил и о себе. Фортуна, как оказалось, улыбнулась ему за этот месяц. Он был зачислен в штат в своей страховой компании и послан в Ханькоу, где открывается новое отделение. Но управляющий еще не приехал и помощник его, мистер Вуд, дал Андрею Ильичу отпуск. Книжников решил использовать его для поездки в Чан Ша, так как ему совершенно все равно, где пробыть эти дни. Есть, к тому же, маленькие поручения к местным иностранным резидентам.

Упоминание фамилии Вуда заставило Валериана Платоновича насторожиться. Но выводов пока сделать было нельзя никаких.

Чаепитие закончилось. Все стали расходиться по своим комнатам.

— Где вы остановились? — спросил Дорогов Андрея Ильича.

— Здесь же, внизу, — отвечал тот. — Ну и гостиница! Возмутительно! Коношня! На главной улице есть лучше. Неужто ваш импресарио не мог поместить вас там? Вам следует протестовать!

— Не стоит, — отвечал Павел Александрович. — Завтра мы едем дальше.

Они распрощались.

Когда Дорогов вошел в свой номер, Валериан Платонович стоял, заложив руки в карманы, и скептически рассматривал карту, разложенную на столе.

Павел Александрович присел на узкую скамеечку.

— Лю — мошенник, — сказал Тенишевский. — А этот, Книжников, наверное, шпион. Отличная компания.

— По-моему, Книжников приехал повидать Елену Николаевну и устроить здесь свои дела, как он и говорит. Почему ты ему не веришь? — возразил Дорогов.

— Он служит у Вуда и этого достаточно, — сказал Валериан Платонович, — но это, в общем, ерунда. В Ханькоу и так уже, конечно, знают, что мы уехали, а тут он ничего не увидит. Пусть смотрит, сколько влезет. Я думаю даже, что следует, когда будем прощаться, передать с ним поклон мистеру Вуду, да одно и Хеддльсбюри.

Он засмеялся.

— А с чего ты взял, что Лю — мошенник? — полюбопытствовал Дорогов.

Валериан Платонович хлопнув ладонью по карте.

— Посмотри сюда. Ван объявил, что мы выезжаем отсюда на Сиан Тан. Для чего он нас туда везет? По карте и без всяких измерений видно, что эта дорога и длинна и неудобна. Половина пути — посуху, значит, втрое медленнее. Вдобавок, давать спектакли по дороге негде, а он все-таки везет труппу артистов. Ехать в Гуй-Чжоу отсюда надо через Чан Дэ, как говорил Зайковский. Значит, если он выбрал самую неудобную дорогу, то он или дурак, или жу-

лик, у которого на уме что-то другое. Я предпочитаю последнюю версию.

— Напрасно ты волнуешься, — сказал Дорогов, взглянув на карту, — у этой дороги могут быть свои преимущества, о которых ты не знаешь. Лю везет нас в Гуй Чжоу и предоставь ему разобраться, какая дорога лучше. Ты чересчур уж подозрителен. Нет, Валериан, ты напрасно бьешь тревогу.

— Я не бью никакой тревоги, — ответил Тенишевский, — а преспокойно еду с тобою дальше. Я просто констатирую факт: Лю, по-моему, мошенник. Только нас это не должно беспокоить, если мы будем смотреть в оба. Я и смотрю. И тебе советую. Ни на минуту нельзя забывать, что мы должны попасть в Гуй Ян раньше, чем англичане утащат машину в горы. Иначе мы потеряем их след и дело сильно затормозится. Поэтому, хоть десять жуликов могут нас везти, но только бы везли. Лю везет — ну и о'кей.

Дорогов покачал головой.

* * *

Приезд Книжникова произвел на Елену самое неприятное впечатление. Она хорошо знала Андрея Ильича и нисколько не сомневалась в том, что он явился в Чан Ша из-за нее. «Поручения» были им, очевидно, попросту выдуманы.

Она не ошиблась. Наутро Книжников встал рано и ждал ее на галерейке.

— Елена, — сказал он, когда она вышла из своей комнаты с корзинкой для провизии в руках, — я хочу поговорить с вами серьезно.

Она остановилась.

— Говорите, Андрей Ильич, но вы знаете, что я скажу вам в ответ.

Он облокотился на перила галерейки.

— Елена! Мне повезло. Материальное положение мое укрепилось. Позвольте же мне позаботиться о вас. Бросьте ваш контракт, возвращайтесь! У вас будет возможность отдохнуть и пожить спокойно.

— Благодарю вас, — ответила Елена. — У вас есть жена, о которой вам следует подумать.

Лицо Книжникова потемнело.

— Не говорите так, Елена! Я имею право предложить вам мою поддержку.

— Нет! — резко сказала она. — Я не даю вам этого права.

Книжников взглянул на нее и провел рукой по волосам.

— Вы едете в трущобу, Елена. Бог знает, что может случиться с вами там.

— Я не рискую ничем, — ответила она немного мягче. — Наш хозяин-solidный, богатый человек. Кроме того с нами двое энергичных мужчин, наши музыканты.

— Да?.. — Андрей Ильич понизил голос. — Они не музыканты! В них главная опасность вашей поездки.

Елена отступила.

— Вы бредите, Андрей Ильич!.. Или вы хотите запугать меня?

— Нет, я не пугаю вас, — ответил Книжников. — Все Ханькоу знает, что они поехали искать шелковичного червя!

Она улыбнулась.

— Так что же тут плохого? Пусть ищут, это даже интересно.

— Да, это интересно, — подхватил Андрей Ильич в волнении, — но еще интереснее то, что и это — неправда! Елена, послушайтесь меня! Не ездите с ними. Они — искатели наживы, международные авантюристы!

— Замолчите, — резко оборвала его Елена, — и потрудитесь доказать, что это не плод вашей собственной фантазии. Кто же они?

На лице Книжникова изобразилось колебание. Потом он развел руками.

— Я не могу сказать вам кто они, но даю слово, что основания для того, что я уже сказал, у меня есть! И они вески и значительны!

— Где они? — спросила Елена. — Я хочу знать все подробно.

Андрей Ильич в смятении взъерошил шевелюру.

— Елена, верьте мне! Для вашей пользы, вы должны поверить! Неужели вы думаете, что я приехал бы в Чан Ша только для того, чтобы сообщить вам «плод моей фантазии»?

Елена сделала движение, чтобы идти.

— Да, — сухо сказала она. — На это вы способны. И вот вам мой ответ: помочь вашу и поддержку, которую вы так усердно предлагаете, я не приму ни в каком случае. Даже если и не поеду дальше... Но если вы хотите предупредить меня о какой-то опасности, сделайте это так, чтобы я могла поверить вам. Нетрудно назвать людей преступниками! Докажите это!

Она пошла к выходу. Книжников следовал за ней. Он был в отчаянии.

— Елена, верьте мне, верьте мне, — повторял он. — Я не могу сказать больше того, что сказал, иначе вы перестанете уважать меня!.. Но вы должны мне поверить!..

— Я и без этого перестану уважать вас, — голос Елены звучал резкими нотами. — Вы влюблены! Вот почему вы хотите запугать меня и вернуть в Ханькоу! Вы не стесняетесь взвести на людей ничем не доказанное обвинение, чтобы только заставить меня не ехать. Где ваше мужество, порядочность? Вы мужчина, Андрей Ильич! Стыдно вам!

Они спускались по лестнице. На повороте Елена остановилась.

— Оставьте меня, Андрей Ильич!

* * *

Ван, поднявшийся чуть не с первыми петухами, видел всю эту сцену из своей комнаты через щель занавески. Он плохо понимал русскую речь, но по отрывочным, схваченным им словам он с уверенностью заключил, что приезжий уговаривал Елену возвратиться с ним в Ханькоу. Это привело Вана в большое беспокойство. Уже само появление Книжникова в отсутствие Лю было неприятно. Теперь же, после всего виденного и слышанного, Ван понимал, что

в действиях этого человека крылась для него существенная опасность. Если увоз Елены удастся, г-н Лю будет сильно разгневан. Учтя все это, Ван порешил установить за Книжниковым неотступное наблюдение, и тотчас по возвращении Лю доложить ему подробно обо всем.

Он догнал Андрея Ильича у входа в гостиницу. Книжников без шляпы стоял в дверях, жалобно глядя вдоль улицы. Ван вежливо поздоровался.

— Вы никогда не бывали в Чан Ша? — спросил он. — Очень интересный город. Я могу показать вам все достопримечательности.

— Разве вы здешний? — неохотно вступил в разговор Андрей Ильич. — Ведь вы — управляющий труппой и приехали с нею.

Ван приосанился. Он никогда не бывал в Чан Ша, но это ничего не значило.

— Да, я — приезжий. Управляющий, уполномоченный и доверенный. Но я знаю город, как свой карман. Если хотите, мы тотчас приступим к осмотру.

После этого Ван прилип к Андрею Ильичу, как клещ, и все усилия Книжникова от него отвязаться, чтобы сделать еще попытку поговорить с Еленой, не привели ни к чему. Он решился на крайнее средство. Остановить Елену надо было во что бы то ни стало.

— Отсюда вы едете в Сиан Тан? — спросил он, когда после утомительной и неинтересной прогулки они вдвоем подходили к гостинице.

— Да, — ответил Ван. — Как только вернется г-н Лю. Мы ждем его.

— У меня есть там тоже небольшое дело, — продолжал Книжников. — Я хочу просить вас разрешить мне поехать туда на вашем катере.

Ван чуть не раскрыл рот от неприятной неожиданности.

— За свой проезд, я разумеется, заплачу, — сказал Книжников и вынул из кармана пачку красных пятирублевок.

Вид денег подействовал на Вана, как стакан вина на пьяницу: он моментально размяк.

— Я должен спросить хозяина, — замямлил он, но тут же спохватился. — То есть, я хочу сказать, что у нас очень мало места. Если хозяин не взял пассажиров, я конечно, все устрою.

Г-н Лю уже расхаживал взад-вперед по галерейке, поджиная Вана. Они прошли в каморку Лю. Книжников остался ждать внизу.

Ван сделал подробный доклад обо всем, что случилось в отсутствие г-на Лю, не позабыв упомянуть и о том, как «хитро» он пресек все попытки Книжникова сговориться с Еленой,

Лю, по-видимому, не придал этому обстоятельству никакого значения. Он несколько минут молча барабанил по столу пальцами, потом сказал совершенно безучастно:

— Благодарю вас, уважаемый г-н Ван. Распорядитесь, чтобы грузили вещи. Он встал. Ван смущенно поднялся тоже.

— Но как же этот человек, уважаемый г-н Лю? Он ждет ответа...

Г-н Лю взялся за шляпу.

— Пусть едет, — сказал он, направляясь к двери

— Я говорил с хозяином, — важно объявил Ван поджидавшему его Андрею

Ильичу, — и мне удалось убедить его. Но он сказал, что ваш проезд будет стоить двадцать долларов.

Книжников полез в карман.

VII

Маленький, грязный и неприветливый Сиан Тан^{*} серым пятном показался на правом берегу. Потерявшие от дождей и ветров деревянные строения прибрежных кварталов, как скворешни, поднялись на темных, полууснувших сваях. Целые толпы сампанов, нарядных, чистеньких, крытых желтым лаком, собирались вдоль примитивной набережной, подняв к безоблачному небу лес тонких стройных мачт. Противоположный берег, плоский и голый, был безлюден. Только вдали, среди зелени небольшой рощи, виднелась высокая семиэтажная пагода, вся поросшая цепким, лохматым кустарником.

Маленький паровой катер «Тун Лун Хва», скрежеща и шипя древней машиной и накренившись по причине преклонных своих лет набок, истекал тонкой струйкой дыма. Она тянулась за ним, как растрепанная шерстяная нитка, и расползлась, наконец, в ослепительной синеве полуденного неба.

Валериан Платонович стоял в шлеме и с сигаретой в зубах на крошечной носовой палубе. Настроение у него было отличное. Какой бы дорогой ни вез их г-н Лю — они ехали в Гуй-Чжоу и заветная цель, стало быть, приближалась. Посадка на катер Книжникова омрачила было его веселый взгляд на окружающее, но уже очень скоро Валериан Платонович убедился, что подозревать Андрея Ильича в шпионских намерениях никак не приходилось. Цель его присутствия на катере была для всех ясна, да он и не скрывал ее. Он, как приклеенный, не отходил от Елены всю дорогу и не обращал ни на кого внимания. Со своей стороны и Ван, преисполненный служебного рвения, не покидал своего поста. Как ни злился и ни выходил из себя Андрей Ильич, переводчик невозмутимо торчал возле Елены, не отступая ни на шаг. В этом невеселом обществе Елена провела всю дорогу. Г-н Лю, раскрыв большой желтый зонтик, поместился на крыше рубки и пребывал там в одиночестве. На берег он не сошел.

Тотчас по прибытии в гостиницу, укрывшуюся в одном из узких городских переулков, Ван собрал всю труппу и важно объявил, что он снова уполномочен хозяином распоряжаться всем, так как г-н Лю по своим коммерческим делам на неопределенное время отбыл в Хен-Чжоу. Здесь, в Сиан Тане, предположено дать спектакль и он просит поскорее составить программу. После этой речи он занял для Лю комнату, а сам не без аппетита уселся завтракать, пригласив к столу и Андрея Ильича, чтобы не терять его из виду.

Гостиница была почти в точности такая же, как и в Чан Ша, с той, правда,

* Сян-Тан.

разницей, что галерейка здесь была значительно шире и имела довольно обширную площадку, на которой была устроена столовая. Комнаты, расположенные по бокам галерейки и площадки, имели каменный пол, неожиданный во втором этаже. Комната Лю была снабжена даже окном на улицу.

В пять часов Ван объявил, что начало спектакля в восемь с половиной, и ушел в театр открывать кассу.

Но уже через полчаса он в большом смятении прибежал назад.

— Что за люди в Хунане?! — воскликнул он еще с лестницы. — Нигде во всем Китае я не встречал таких людей! Это последние люди! Это разбойники!

Дорогов подошел к нему с трубкой в зубах.

— Что случилось, г-н Ван?

— Это настоящие хунхузы! — взывал Ван. — Я не пойду туда больше! Пусть все пропадает, но я не пойду!

— Успокойтесь, г-н Ван, — урезонивал его Павел Александрович. — Скажите толком, что случилось?

— Я не могу там оставаться, — сказал Ван, опускаясь в кресло. — Никто не хочет покупать билетов! Все ломятся в театр, в зале уже человек 50, а в кассе тридцать центов!.. Меня чуть не убили! И все это потому, что здесь — Хунань! Спросите любого человека: «Где живут самые скверные люди?» — вам каждый ответит — в Хунане!.. Я не пойду больше в театр, я не хочу быть избитым!

Павел Александрович рассмеялся.

— Вот так зрители!

— Мы боимся, — сказала Клавдия. — Это что ж за театр?

— Мы тоже не пойдем, — подхватила Ангелина.

Ван подскочил.

— Как не пойдете? Тогда они весь театр разломают! Сюда придут!..

Тенишевский, привлеченный шумом, вошел в столовую с бритвой в руках и с намыленной щекой. Дорогов в двух словах рассказал ему, в чем дело.

— Я не пойду в театр, — повторил Ван, — идите вы.

— Мы? — обернулся к нему Дорогов. — Это дело ваше и хозяина. Я не пущу девушки в театр, пока там не будет восстановлен порядок. Обратитесь в полицию.

— В полицию?! — уныло сказал Ван. — Тогда еще больше неприятностей будет. Совсем запретят.

— Постойте, — вмешался Тенишевский, — с этими людьми сладить можно. Чем меньше они знают европейцев, тем больше уважают. Не очень это почтенно нас аттестует, но — факт. А здесь мы, как видно, в диковинку. Значит, г-н Ван, хоть и с перепугу, а рассудил правильно.

В глазах Тенишевского мелькнул задорный огонек.

— Я пойду туда! А вас, г-н Ван, попрошу тоже. Вы будете переводить мои распоряжения. Не бойтесь, — добавил он, видя, что переводчик трясется. — Пойдемте. Вот только я побреюсь!

Через 10 минут Валериан Платонович, накинув на плечи свой белый пиджак, в шлеме, с трубкой Дорогова в зубах и с веером подмышкой, снова появился в столовой.

— Ты хоть шлем снял бы, жарко, — заметил Дорогов.

Валериан Платонович хлопнул ладонью по шлему.

— Нельзя, — весело сказал он. — Символ престижа. И трубка тоже... Г-н Ван, поехали!

Он стал спускаться с лестницы. Ван нехотя поплелся сзади. Маруся сорвалась с места.

— Валериан Платонович, и я с вами !

— В восемь часов, — оборвал ее Тенишевский. — До восьми, Марусенька, сидите дома. Вас всех Павел приведет.

Время тянулось медленно. В театре все было, очевидно, благополучно, так как вестей оттуда не поступало. Наконец, ровно в восемь, из ворот по косой уличке выступило шествие.

Все население улицы от мала до велика высыпало из домов. Ребятишки, разинув рты, толпой сопровождали процессию. С каждым кварталом толпа эта росла. И неудивительно. Окажись на месте этих чумазых китайчат хоть сами родители Терпсихоры, античные греки, — вряд ли они вели бы себя иначе. Подобного зрелища еще никогда не видел Сиан Тан за все многовековое свое существование. Впереди, с электрическим фонарем в руке и со скрипкой подмышкой, шел Павел Александрович, за ним Клавдия и Шура, нагруженные разноцветными, торчащими во все стороны перьями, потом Елена и Маруся, неся в растопыренных руках розовые «пачки», и сзади Ангелина и Тася, еле видные под грудой разноцветного шифона. Шествие замыкал Терентий, как папуас задрапированный соломенными гавайскими юбками. На плече он нес связку бугафорских томагавков, а в свободной руке — фонарь.

Уже за полквартала до скучно освещенного входа в театр стал слышен дикий хаос голосов.

Под самым плакатом, на котором была изображена похожая на крокодила балерина с задранной ногой, стоял худенький мальчик. Весь красный от настути, он махал рукой и орал, устремив взоры кверху:

— Три человека идут!! Три человека!!!

Пот ручьями стекал с его лица.

Из мрака переулка, одновременно с Дороговым, действительно показались три пожилых степенных горожанина в длинных халатах.

— Три билета! Три билета!.. — взвыл голос внутри театра.

В «фойе», если можно назвать так перегороженное деревянной решеткой полутемное помещение с земляным полом, столпотворение вавилонское было в самом разгаре. За высоким прилавком у решетки в поте лица трудились три кассира. Первый, предупрежденный воплями привратников, отсчитывал нужное количество билетов нанизанных на длинный гвоздь и совал их в руки покупателям. Второй, навалившись грудью и животом на прилавок, хватал, вырывал из рук приготовленные деньги и поспешно совал их под себя, время от времени сгребая накопившуюся кучу бумажек и медных монет в ящик. И третий, защищенный надежной толщей прилавка, — на свободе приводил выручку в порядок: пересчитывал и складывал.

Хозяин театра, видавший такой наплыв публики только один раз в жизни,

в дни гастролей Мей Лян Фана*, стоял за спинами кассиров и подзадоривал публику, как крыльями, размахивая рукавами халата.

— Май пью! Май пью!! Пью дзы!!**

У самой решетки на высоком стульчике сидел Тенишевский. Одной рукой он опирался о прилавок кассы, в другой поднял веер. Трубка в зубах его потухла, шлем был сдвинут на затылок. По лицу стекали струйки пота.

— Три человека купили билеты! Три человека! Три человека!! — неистово завопил голос из-за решетки. В ней тотчас заколыхалась и приоткрылась узкая дверь. Вся толпа, заполнившая «фойе», тотчас ринулась в эту щель... Степенные «три человека, купившие билеты» потонули в этой толпе, как камешки в море.

У двери началась свалка.

— Май пью! говорят вам!.. — рявкнул Тенишевский и звонко щелкнул веером по чьей-то голой спине.

— Пью, эфиопы!!

Толпа испуганно осела. «Три человека, купившие билеты» воспользовались этой передышкой и, толкая друг друга, как будто спасаясь от погони, протиснулись в щель приоткрытой двери, прямо в объятия Вана, который отобрал и проверил их билеты.

— Три человека идут с билетами! — зычно возвестил голос в глубине театра.

Толпа, как будто очнувшись, снова насела на решетку. Но дверь уже закрылась и два здоровенных, голых до пояса кули налегли на нее изнутри.

— Два человека идут! — донеслось с улицы. — Три человека! Пять человек, пять человек!!

Труппа с трудом протиснулась к двери. Елена остановилась у решетки.

— Что это за спектакль вы тут устроили? — спросила она в недоумении.

— Это не я, — ответил Тенишевский. — Такие уж у них, видно, порядки. Мое дело только овец от козлищ отделять. Купит билет один, а в дверь лезут пятеро.

— Ну и что же, успешно действуете?

Тенишевский засмеялся:

— Ничего... Конечно, ухитряются некоторые прорваться. Но в общем, «престиж» все-таки влияет. Пуё!.. — гаркнул он вдруг, замахиваясь веером.

Следом за входившими в дверь артистками бочком просовывался какой-то немолодой уже человек с красным лицом. При окрике Тенишевского он испуганно присел, потом вдруг бросился вперед, сильно толкнул Ангелину, прорвался и исчез в глубине театра.

— Черт с ним, — решил Тенишевский. — Полчаса он уже лезет. И вот пролез, наконец!

— Семь человек идут! — донеслось с улицы. — Семь челов-e-e-e-k!!.

— Идите, Елена Николаевна, — сказал Тенишевский, — скорей, пока сво-

* Знаменитый китайский артист, играющий женские роли.

** Покупайте билеты! Покупайте билеты!!

бодно. Тут сейчас будет баталия...

Широкий, низкий зрительный зал гудел как улей. Вокруг мигающих, шипящих калильных фонарей взлетали тучи мошек. Под фонарями, шевеля ночные тучи комаров и ночных букашек, в жарком, тяжелом воздухе медленно колыхались огромные «кантонашки фэны» — прямоугольные опахала из белой и желтой материи. Полуголые, замусоленные мальчишки, еле видные во мраке боковых проходов, философски равнодушные к своему бесплодному занятию, меланхолично дергали за веревки, приводя в движение эту своеобразную вентиляцию.

Десятки продавцов с подносами, корзинами, ящиками и проволочными сетками в руках ловко сновали среди публики. Они продавали соленые бобы, дешевые сладости из риса, бамбука и меда, мелко нарезанное, остро просоленное мясо, истекающие соком ломти арбуза, дикие яблочки и сигареты. Каждый громко выкрикивал цену своего товара и старался опередить конкурента. Слуги разносили чай.

Когда Елена вошла за кулисы, там собрались уже все. Маленькая комната, освещенная стеариновыми свечами — артистическая уборная (электричество было проведено, но не действовало) — имела вид осажденного блокгауза. Две двери были заперты на крючки и подперты кольями... Наружная стена сотрясалась от ударов.

— Вот удовольствие! — сказала Тася. — Это называется публика!..

— Любопытны уж очень, — заметил Дорогов, — и бедны, как мыши. Билет 20 центов стоит, где ж купить? Вот и лезут. Ван говорит, что крышу разобрали. Пришло наверху сторожей с палками поставить.

— Тысяча и одна ночь! — засмеялась Маруся.

* * *

Андрей Ильич весь день прослонялся по городу. Несколько раз он возвращался в гостиницу и пытался заговорить с Еленой, но неизменно натыкался на Вана. Утратив, наконец, всякое терпение, Книжников отправился в театр и там, поместившись в заднем ряду, стал ждать. По окончании спектакля он решил поговорить с Еленой во что бы то ни стало.

Он видел, как она вместе с Дороговым прошла за кулисы. Через полчаса из-за потрепанного пестрого занавеса двое слуг вынесли на широкую полу-круглую авансцену маленькую фисгармонию. Следом за ними появился Тенишевский с нотами и Дорогов со скрипкой... На сцене оглушительно прозвучал гонг. По всему театру трелью разлился свисток. Занавес заколыхался, залязгал проволокой и скачками разошелся по сторонам. Андрей Ильич увидел, как Тенишевский поднял руки на клавиши. Фисгармония крякнула и из нее поднялся столб пыли. Дорогов заиграл на скрипке. Тонкий звук ее жалобно отдался в ушах.

Тенишевский честно старался принудить свой инструмент тоже издавать

какие-нибудь звуки и работал изо всех сил педалями. Он имел вид человека, стремительно несущегося на велосипеде. Но, видя безуспешность своих попыток, он махнул рукой, встал и удалился за кулисы. Оттуда он вскоре вышел с гонгом в руках, сел на свое место и принял участие в музыке, ударяя в гонг трубкой Павла Александровича. Оба они при этом весело смеялись...

Девушки, очевидно, предупрежденные, не смущаясь этим странным аккомпанементом, выходили одна за другой, исполняли свои номера, быстро переодевались за сценой, снова выходили. В течение всего спектакля театральный служащий, сидя в стороне на авансцене, переворачивал шуршащие листы бумаги, приложенные в виде огромного отрывного календаря на особой подставке. Эти листы, разрисованные красными, черными и зелеными иероглифами, возвещали публике название каждого номера в свободной аранжировке Вана:

Танец лошади.
Солдатский танец.
Танец в штанах.
Французский танец

и так далее, все в этом же стиле.

Программа шла бойко. Публика сначала загадочно притихла, но, когда на сцене появилась Маруся в соломенной юбке и лифчике из цветов и, мило улыбаясь, исполнила совершенно порнографический гавайский танец, зрители повскакивали с мест и разразились неистовым ревом, свистом и криками «хо!»*

«Индийский балет» тоже произвел фурор. В полумраке метались по сцене утыканые перьями фигуры, за кулисами грохотал *там-там*, «бесчувственную» полуголую Марусю волокли по полу, прикручивали веревкой к столбу. Тенишевский, понимая всю ответственность момента, сотрясал стены театра оглушительными руладами гонга. Когда на сцену выскочили неведомо откуда взявшиеся «ковбои» и дружно принялись отхватывать веселый уан-степ — Валериан Платонович приветствовал их появление таким грохотом, будто все железо с крыш большого города вдруг послетало на мостовую... Слабый писк скрипки совершенно потерялся в этом землетрясении.

Наконец, Андрей Ильич с облегчением увидел, что на авансцену вышел Ван со свистком в руке... Занавес бойко прорыгал на свое место, Тенишевский в последний раз грязнул в гонг и программа закончилась.

Из всего этого Книжников вынес такое впечатление, будто каждый из участников спектакля задался целью произвести возможно больше шума и смятения.. У Андрея Ильича звенело в ушах. Но вкусам публики это, по-видимому, отвечало вполне. «Откровенные» наряды танцовщиц тоже содействовали успеху в немалой степени. Спектакль понравился. На лицах выходивших из

* Хо — хорошо. Этот возглас заменяет аплодисменты в китайском театре.

театра зрителей Книжников видел отпечаток удовольствия и веселья.

Но самому ему было не до смеха. Он был расстроен и нервничал. Книжников никогда до этого дня не видел Елену на сцене. Глядя теперь на то, как она принимала участие в этом нелепом спектакле, плясала и задирала ноги вместе с другими, он не верил своим глазам. Неужели это она, та самая Елена, с которой он часами просиживал, слушая пластинки Крейслера, беседуя о литературе? Та изящная, культурная, немного усталая женщина, которую он знал в Шанхае?

Андрей Ильич был взволнован.

«Этого не должно быть! Она не понимает ужаса своего положения, не отдает себе отчета! Чего бы это не стоило, надо вырвать ее из такой обстановки».

Книжников преисполнился решимости.

Девушки, смеясь и оживленно разговаривая, прошли через опустелый зал к выходу.

— Вы ждете Елену Николаевну? — громко спросила Тася, заметив Книжникова. — Потерпите немного. Она сейчас выйдет!

Он дождался ее в «фойе». Елена шла одна.

— Выслушайте меня, наконец, — сказал Книжников, выступая из темноты. Она остановилась.

— Вы невыносимы, Андрей Ильич! Я не могу больше поступать с вами мягко. До сих пор я жалела вас, но вы перешли уже все границы! Вы перестали разбираться в средствах, пускаетесь на клевету, подстерегаете меня на улице, делаете вместе с собою предметом насмешек! Прошу вас в последний раз: уезжайте! Оставьте меня! Неужто вы не понимаете, что я никогда не вернусь к вам?

— Да, — тихо ответил Книжников, — я понимаю это. Все, чего я добиваюсь — чтобы вы выслушали меня. Я не пускаюсь на клевету. Ваши спутники — авантюристы и, может быть, преступники. Вы требуете доказательств? Извольте! За этим я и «подстерег» вас, как вы сказали. Я хочу дать вам доказательства!..

В глубине театра раздались голоса Павла Александровича и Тенишевского.

— Пойдемте, — сказал Книжников, беря ее под руку.

Она не возразила. Они молча вышли на улицу.

Из темного закоулка тотчас же появился молодой китаец в чесучовом халате и незаметно последовал за ними.

Моросил дождь. Камни мостовой были блестящи и скользки. Город опустел, как будто вымер. Ставни лавок и жилых домов были наглухо задвинуты. Светились только двери редких ресторанчиков. Издали время от времени доносились колокольчики слепых нищих, спешившихся укрыться от дождя. Какой-то прохожий в огромной соломенной шляпе-зонтике торопливо шлепал по лужам, перегораживая пол-улицы.

— Зайдемте в ресторан, — предложил Андрей Ильич. — В гостинице говорить не дадут, а на улице — дождь.

— Хорошо, — коротко ответила она.

Ван, заметивший их удалявшиеся фигуры, когда они уже заворачивали за

угол, едва успел добежать до этого угла и увидеть, как Книжников и Елена вошли в ресторанчик. Он отошел в темный закоулок, отдохнул от быстрого бега и стал соображать.

Из его убежища ему был виден открытый нижний этаж ресторана, где помещалась кухня. Она была пуста. Только у одной жаровни полуголый повар лениво жарил что-то. Простая деревянная лесенка вела наверх, обшарпаным видом своим красноречиво демонстрируя убогость средств хозяина.

Ван, раскрыв свой бумажный зонт, решил ждать, пока Книжников и Елена не спустятся. Особенных причин волноваться не было.

Улица была совершенно пуста. Только какой-то прохожий в намокшем белом халате прошел мимо Вана, заглянул в ресторанчик, будто собираясь зайти, но, видимо, раздумал, ускорил шаги и удалился. На мгновение лицо его, озаренное падавшим из дверей светом, мелькнуло перед Ваном. Лицо это показалось ему как будто знакомым. Минут пять он мучительно и бесплодно напрягал память. Потом мысли его перешли к тому обстоятельству, что если Елена сбежит, придется держать за нее ответ перед г-ном Лю, когда тот вернется. Ван живо представил себе гнев хозяина. Здесь память его внезапно прояснилась и Ван в изумлении опустил зонтик. Прохожий был не кто иной, как У Цзы Фу, двоюродный брат г-на Лю, тот самый молодой человек, которому Ван по приказу хозяина отвозил багаж перед отъездом из Шанхая. Это открытие показалось Вану чрезвычайно важным. У прогуливался тут, очевидно, не зря. Ван осторожно вышел из своего убежища и заглянул за угол. Улица была пустынна по-прежнему. Он прошел еще раз мимо ресторана, тревожно соображая, что бы все это могло значить, для чего У приехал в Сиан Тан и не показался в гостинице. Он нервничал, не находя этому объяснения, и готов был уже успокоить себя мыслью, что он ошибся и прохожий совсем не У Цзы Фу, а только похож на него.

В пустоте улицы вдруг раздались шаги и из-за угла показались две фигуры. От одного взгляда на них у Вана подкосились ноги. Бессознательный инстинкт отбросил его в темный закоулок между домами и прижал к стене.

Рядом с У Цзы Фу шел сам г-н Лю. Братья видимо спешили. Возле самого убежища Вана У остановился и указал рукой на ресторанчик.

— Они там, — сказал он.

Из тьмы позади Лю выступили какие-то люди в соломенных крестьянских шляпах. Хотя их было всего трое, Вану показалось, что подошли не менее двадцати человек.

— Хорошо, — сказал г-н Лю. — Вот деньги, которые ты заплатишь хозяину ресторана за сохранение тайны. Тут 30 долларов, целое состояние для него. Все остальное тебе известно. Действуй быстро и решительно.

— Я исполню все в точности, — ответил У.

Они церемонно поклонились друг другу. У Цзы Фу в сопровождении темных фигур двинулся дальше и вошел в ресторанчик. Г-н Лю стоял некоторое время посреди улицы, наблюдая. Когда через несколько минут из ресторана показался слуга и стал торопливо задвигать ставни, — он повернулся и вскоре скрылся за углом. Ван постоял еще минут 15, потом опасливо выгля-

нул, убедился, что улица пуста, вздохнул сокрушенно и поплелся в гостиницу.

VIII

Смех и шутки в комнате девушки скоро стихли. Усталость взяла свое и галерейка, а за нею постепенно и вся гостиница, погрузилась в сон. По камням внутреннего дворика простучал башмаками Ван, заперся в своей комнате внизу и тоже затих. В щель его двери падал тонкий луч света, скучно озаряя спавшего в деревянном кресле слугу.

Дорогов и Тенишевский в одних трусиках и вязанных фуфайках сидели в столовой над шахматами. Время тянулось мирно и тихо. Изредка молчание, охватившее гостиницу, прерывалось только односложными приглушенными замечаниями игроков. Ван вышел во дворик, тяжело вздохнул, разбудил слугу и потребовал чаю. Слуга прогромыхал чайниками, Ван снова шумно вздохнул и все стихло опять.

— Что он, влюблен, что ли, — сказал Дорогов, — слышишь, сопит?

— Ну его, — отвечал Тенишевский. — Шах!

Дорогов задумался над доской. Минут пять длилось молчание.

— Ван — ерунда, — сказал вдруг Валериан Платонович. — Меня интересует Лю. Куда он все время пропадает?

— Коммерцией занят, — ответил Дорогов, закрываясь от шаха конем.

Тенишевский выдвинул туру.

— Как бы эта коммерция не оказалась из тех, за которые здесь в колодки сажают.

— Не знаю, — обронил Дорогов рассеянно, — партия, кажется, сводится в ничью. Вот, посмотри! Если, конечно, ты не сделаешь ошибки.

Тенишевский закурил.

— Ты думаешь? А если г-н Лю сделает ошибку и сядет-таки в колодки? К чему тогда сведется наша поездка? А?

Дорогов оторвался от доски и с треском убил комара на своей шее.

— Что за мрачные мысли, Валериан? То девушки у тебя — агенты Хеддльсбюри, то Книжников — шпион, то теперь Лю — колодник! Для меня ты еще роли не подобрал?

Он засмеялся.

— Я думаю о нашем деле, — серьезно ответил Тенишевский. — Надо учитьвать все. Если мои подозрения подтвердятся, придется ехать дальше одним, бросить труппу и удрать. Незачем подвергаться риску из-за делишек этого Лю.

— А как же девушки? — спросил Дорогов. — Если твои подозрения подтверждаются, как можем мы их бросить?

Он набил свою трубку и тоже закурил.

— Да вздор, эти твои подозрения. Оснований нет. Ну, ездит человек по

делам. Что же ему, на цепи сидеть?

— Дай Бог, чтоб ты оказался прав, — сказал Тенишевский. — Все дело в том, что едем мы с тобою не на пикник, а по очень серьезному и важному делу. Я не хочу влипать, как кур во щи, и на всякую мелочь обращаю внимание... А у девушек есть теперь защитник. Этот, как его... Ромео Елены Николаевны.

Он заглянул вниз через перила.

— Спит! У него темно. Ван тоже свет потушил...

Дорогов встал и потянулся.

— Пойдем, Валериан, и мы...

Тенишевский тоже встал, собирая шахматы в коробочку.

— Конкурент у тебя, Павел, неважный. Какой-то не то с перепугу, не то с перепоя... Не разберешь!

Дорогов недовольно поднял брови.

— Что еще за вздор?

Тенишевский весело хлопнул его по плечу.

— Ну ладно, ладно, не злись. Я так, брякнул. Ты — вне конкуренции! Елена Николаевна не дура... Пойдем лучше спать.

* * *

Книжников и Елена поднялись по скрипучей лесенке наверх. Посетителей в ресторанчике уже не было... Левую половину верхнего помещения занимал небольшой общий зал, справа тянулся ряд бедно обставленных кабинок, отделенных друг от друга тонкими невысокими перегородками. Удивленный слуга откинул занавеску, заменявшую дверь, и Книжников провел Елену в один из этих «кабинетов». Тот же слуга суетливо вытер тряпкой ничем не закрытый стол, другой — принес чай и простые деревянные палочки.

Андрей Ильич заказал единственное блюдо, которое он мог заказать по-китайски, «поу цзы» — род пирожков с мясом, вареных на пару.

— Говорите, — сказала Елена, не притрагиваясь к еде.

— Вы подвергаетесь опасности, Елена, — серьезно начал Книжников. — Я не могу смотреть на это равнодушно! Мне казалось, что я заслужил ваше доверие, но я ошибся. Вы чувствуете к этим людям, или к одному из них, симпатию, которая заставляет вас называть меня клеветником! Вы не верите мне!

— Андрей Ильич, — перебила его Елена, — вы начинаете бессмысленную и пошлую сцену ревности. Для этого вы позвали меня сюда?

— Нет! — воскликнул Книжников. — Я обещал дать вам доказательства и хочу это сделать. Слушайте!

Он нервно закурил, но тут же сунул сигарету в пепельницу.

— Слушайте, Елена: вы знаете, как сильно я нуждался, когда приехал в Шанхай. Я говорил вам об этом. Говорил и о человеке, который тогда помог мне. Он одолжил мне денег, нашел для меня работу... Он спас меня от нищеты!

— Да, вы рассказывали, — вспомнила Елена, — какой-то чех или поляк, кажется.

— Он — бывший миссионер, — продолжал Книжников. — Его фамилия — Зайковский. Когда после вашего отъезда меня назначили в Ханькоу, — я вспомнил о нем и зашел проститься. Зайковский дал мне поручение и взял слово, что я исполню все точно и тайно... Так вот, Елена... Ваш пианист не пианист совсем, а адвокат, и Дорогов — не скрипач-профессионал, а горный инженер!

Андрей Ильич в волнении отхлебнул чая.

— И это все? — спросила Елена спокойно. — Так что же в этом вы находите преступного?

Книжников нервно усмехнулся.

— Если инженер-металлург и адвокат с огромной практикой вдруг притворяются бродячими музыкантами — вы считаете это в порядке вещей? Тогда слушайте дальше: Зайковский в строжайшей тайне поручил мне передать им, что «старый джентльмен, по телеграфу через Юнаньфу, сообщил властям Гуй Яна о том, что цель их поездки — покупка опиума». На границе Гуй-Чжоу их ждет арест!..

Он встал в волнении.

— И этого, может быть, вам мало? Тогда послушайте еще! В Ханькоу о ваших друзьях рассказывают сказки... Говорят, что они корреспонденты английских газет, географы, ботаники, чуть не астрологи! Все это вздор! Мой начальник, мистер Вуд, сказал мне прямо: «Я знаю их отлично. Они авантюристы и их преследует полиция за кражу ценных геодезических инструментов»!.. Вы слышали, Елена? Как же мог я допустить, чтобы вы ехали с такими людьми? Но вы не верили мне, не хотели слушать, назвали мои слова клеветой, «пошлыми сценами ревности»! Для того, чтобы убедить вас, мне пришлось нарушить слово, стать подлецом в отношении человека, которому я обязан на всю жизнь!!

— Вы передали поручение? — быстро спросила Елена.

Книжников взъерошил волосы.

— Я приехал, чтобы спасти вас! Потом, когда опасность такого соседства для вас минует, можно подумать и о них. Но сейчас я здесь не для того, чтобы предупреждать этих преступников о беде!

Щеки Андрея Ильича покрылись румянцем. Глаза его горели. Он смотрел на Елену в упор и нервно тыкал в стол потухшей сигаретой.

— Для вас, Елена, я нарушил слово, стал подлецом! Сбежал со службы из Ханькоу в этот проклятый Сиан Тан!.. Так что же, напрасно?.. По-пустому?..

Елена резко встала и обернулась к нему.

— Вот что, Андрей Ильич...

Она остановилась на полуслове. В висевшее против нее мутное зеркало она увидела, как занавеска, заменявшая дверь, приподнялась и на пороге появился молодой незнакомый китаец в белом шелковом халате.

Книжников с шумом отбросил свой стул и шагнул к дверям.

— Что вам угодно?

— Вы г-н Книжников? — спросил молодой человек по-английски, с трудом выговаривая русскую фамилию.

— Да, — отвечал Андрей Ильич. — Я — Книжников. Кто вы и что вам угодно?

— Простите, — вежливо отвечал посетитель. — Мне поручено арестовать вас. Мисс *Helene*, — он поклонился Елене, — вас я также прошу последовать за мною.

Андрей Ильич отступил на шаг.

— Это ошибка! — возмущенно воскликнул он. — Я — Книжников, бухгалтер ханькоуского отделения страховой компании «Пассифик»! Вот документы!

Вошедший поднял руку.

— Оставьте в покое ваши карманы! Мы все осмотрим сами. Ошибки нет. Прошу вас выйти из этой комнаты.

— Бесполезно спорить с ним, Андрей Ильич, — по-русски сказала Елена.

— Придется идти. Надо только сообщить нашим.

Она заговорила с китаецем по-английски.

— Мы должны зайти в гостиницу или послать туда записку. Наш импресарио, г-н Лю Цзен Тао, или наш переводчик, г-н Ван Лоу Сю, помогут выяснить это недоразумение.

Молодой человек поклонился и слегка развел руками.

— К сожалению — невозможно! Ни зайти в гостиницу, ни написать записку.

— Это насилие! — вскричал Книжников и сжал кулаки.

— Пока нет, — ответил китаец, выпрямляясь, — но если вы не будете повиноваться, — придется прибегнуть к насилию. Прошу вас выйти!

Он отступил в сторону. Через дверь стали видны стоявшие снаружи люди в простых холщовых курмаках.

— Пойдемте, Андрей Ильич, — сказала Елена. — Сопротивляться тоже бесполезно.

— Сюда! — указал молодой человек на узкий коридорчик. — Нам придется выйти черным ходом.

Книжников остановился.

— Мы не пойдем туда! Есть ход на улицу!

Молодой китаец молча указал своим спутникам на Книжникова. Андрей Ильич не успел моргнуть, как два дюжих парня, как клещами, подхватили его под руки. Китаец вынул из-под халата электрический фонарик.

В тяжелом молчании они спустились по витой узенькой лестнице, прошли через небольшой внутренний двор в какие-то зловонные переходы и, наконец, достигли массивных, пахнущих сыростью дверей. Никто не попался им на встречу. Ресторанчик как будто вымер.

У Цзы Фу (читателю пора узнать его) отодвинул двойной деревянный засов и, освещая высокий порог фонарем, пропустил всех мимо себя в могильно-темный, грязный, как сточная канава, переулок.

IX

Когда Дорогов проснулся, в комнате уже начинало становиться душно от припекавшего снаружи солнца. Тенишевский сидел на столе без пиджака, курил и к чему-то прислушивался.

— Тише, — кивнул он головою на дверь. — Послушай-ка!

Из столовой доносился голос Маруси.

— ... И вовсе не глупо, — горячо возражала она кому-то. — Чтоб вы знали! А что, все по кабаре мыкаться? Ты дурная еще! Вот как лет пять подряд коктейли попьешь каждый день, что в животе бурчит, так самой надоест!

— А кто велит пить, не пей, — ответила Тася. — В кабаре тоже служат, не она одна. Сама жалеть будет потом. Вот посмотрите, девочки, в Ханькоу когда вернемся, в «Блэк кэт», как живую, встретим. С таким хахалем далеко не ускочит!

— Дура ты, Таська, и злая, — воскликнула Маруся. — Чем он плохой? У него служба шикарная. Ты попробуй сейчас, поищи человека! Устройся! Обязательно или на пьяницу, или на арапа наткнешься. Еще сам обставить постараешься. Ну этот, правда, малохольный немножко, зато видно, добрый и любит ее как крепко! В глаза так и засматривал все время. Тебе просто завидно.

— Боюсь! — презрительно бросила Тася. — Нашла чему завидовать. Настоящий задрипа!

Дорогов поднялся на локте.

— В чем дело? Ничего не понимаю. О чем они там?

Тенишевский пустил струю дыма.

— Не понимаешь? Да, впрочем, тебе ведь так и полагается последним узнатый. Елена Николаевна сбежала! Насчет ее ума я ошибся.

Дорогов сел на кровати.

— Сбежала?!..

— Да-с, — ответил Тенишевский, — сегодня ночью. С господином Книжниковым, Андреем Ильичом!

Он покачал головой:

— «У Пьеро никогда ничего не выходит...»

— Брось, Валериан, — сказал Дорогов, рассердившись.

— Ну, не сердись, я пошутил, — ответил Валериан Платонович. — Одевайся лучше поскорее. Новостей, кажется, много. Лю приехал, с Ваном от страха дурно. Шура его валерьянкой отпаивала. Попадет же ему!

Он накинул пиджак и вышел. Дорогов стал одеваться.

В столовой Тенишевского встретил хор голосов.

— Валериан Платонович, новость!

— Слыхали? В нашем царстве — скандал!

— Слыхал, слыхал, — махнул рукой Валериан Платонович. — Вы с постели меня вашим криком подняли.

— Убежали, убежали, — закричала Ангелина и неизвестно отчего закружилась вдруг и захлопала в ладоши, но тут же смущилась и покраснела.

Тенишевский присел к столу.

— Ну, как дело было, ребята? Кто видал?

— Никто не видал, — затараторила Шура. — Никто, никто! Совсем тайно!

— Елена Николаевна даже все вещи бросила. В чем была, в том и удрала!
— вмешалась Клавдия.

— Ей теперь зачем? — сказала Тася. — Этот купит.

— Он, Валериан Платонович, как будто не в себе все время был, правда? — спросила Маруся, подсаживаясь к Тенишевскому. — Влюблен, наверное. В Сиан Тан за ней потащился.

— За тобой вот никто не побежит, — усмехнулась Тася.

— А за тобой бегают! — огрызнулась Маруся.

Тенишевский вмешался.

— Перестаньте, ребята! Завидно, что не вы сбежали? Так бегите! Айда! Все! Девушки засмеялись.

— Вану, бедному, попадет, — сказала Маруся. — Он до сих пор еще к Лю боится подняться. Тот за ним уже боялся посыпал...

— Влетит! — усмехнулся Тенишевский. — То-то он ночью вздыхал. Чувствовал... А Лю давно приехал, ребята?

— С полчаса, — ответила Шура. — Злой, даже не поздоровался ни с кем. Маруся легонько прикоснулась к руке Тенишевского.

— Смотрите, Ван!

Ван поднимался по лестнице. На лице его застыла странная гримаса, будто он сам с величайшим недоумением видел себя здесь шествующим по ступенькам и никак не мог взять в толк, куда он плетется и зачем. При виде девушек, мгновенно притихших, он попробовал приосаниться, но довольно неудачно. Среди общего молчания он проследовал через площадку к дверям комнаты Лю и исчез за ними.

Г-н Лю писал, сидя спиной к двери.

— Здравствуйте, уважаемый г-н Ван, — сказал он, не оборачиваясь и продолжая писать, — я надеюсь, что все у вас благополучно? Мы едем дальше.

Ван мялся, не зная, что сказать. Он был озадачен.

— Да... Нет... — забормотал он. — Все будет готово, уважаемый г-н Лю...

Лю взглянул на него удивленно.

— Вы чем-то расстроены? Случилось что-нибудь?

— Нет, ничего не случилось, — сказал Ван таким тоном, будто кто-нибудь умер.

— Я слышу, что девушки волнуются, — допытывался Лю.

— Ничего, — повторил Ван. — Это они по поводу исчезновения мисс Helene и этого человека, который ехал с нами от Чан Ша.

— Они сбежали? — резко, с ударением спросил Лю. — А где же были вы?

Ван опешил.

— Я?.. Но, уважаемый г-н Лю, я видел...

Ни один мускул не дрогнул на лице г-на Лю.

— Вы видели, — перебил он Вана, — кажется, все, кроме того, что вам следовало видеть! Мисс Helene сбежала? Хорошо, мы поедем без нее. Но помни-

те, уважаемый г-н Ван, что я прощаю вас в последний раз. И я советую вам, во избежание очень крупных неприятностей, усердно заниматься тем, что входит в круг ваших обязанностей. Подумайте над этими словами хорошенько. Теперь распорядитесь! В одиннадцать часов погрузка.

X

Уже 6 дней Елена находилась в заключении, а все случившееся по-прежнему оставалось для нее загадкой. Дом, в котором она очутилась после короткого плавания в закрытой каютке небольшого сампана, был, по-видимому, одним из тех многочисленных домиков на высоких сваях, которые она видела, подъезжая к Сиан Тану. Елена не могла даже догадаться, в какой части города он находится, так как ориентироваться было невозможно. Сквозь частый переплет толстой деревянной решетки окна был виден небольшой кусок противоположного берега, совершенно пустынного, прозрачная, всегда подернутая рябью поверхность реки с редкими сампанами на ней и ослепительно яркое безоблачное небо. Неподвижно раскинув крылья, в нем реяли серо-коричневые ястребы и высматривали добычу. Иногда по реке тяжело проплывал плот, застроенный толпой избушек. Два-три полуоголых человека в островерхих шляпах лениво шевелили на нем исполнинское кормовое весло. Крестьянин в маленькой лодочке длинным бамбуком гнал вниз по течению сбившуюся в кучу стаю наивно удивленных уточек.

По ночам, когда невидная в окно оранжевая луна царила в вышине, вода искрилась бронзой и паруса сампанов казались черными. Тогда, раскинув клешни, взмывал к зениту бриллиантовый, роскошный Скорпион и мглистая бездна неба вспыхивала яркими, незнакомыми Елене южными созвездиями.

Комната, в которую ее поместили, была обставлена с неуютной роскошью, свойственной богатым китайским домам. Массивные тяжелые кресла из каменно-тяжелого бука, крытые красным лаком, набор квадратных, вставляющихся один в другой столиков, вазы, отделанный медью курительный прибор, кровать с москитником, растянутым на четырех высоких столбиках, бумажные, шелковые и стеклянные картины на стенах, круглый стол с фарфоровым чайным прибором «тысяча цветов» работы знаменитых посудных мастеров из Киан Си.

Молодой китаец, «арестовавший» Елену, доставил ее в эту комнату, в самых вежливых выражениях просил не волноваться, так как заключение не будет продолжительным, но более подробных сведений не дал. Относительно Андрея Ильича он сказал, что судьба его зависит от него самого и от дальнейшего разговора уклонился. С той поры он не показался ни разу.

Сморщенная старуха-служанка бесшумно исполняла все приказания Елены. Ей подавалась обильная, вкусная еда, чай, фрукты, в шкафу к ее услугам лежал и висел целый магазин белья и платья. Но решетка в окне была несокрушима, а в соседней комнате день и ночь дежурил рослый сторож с бес-

страстным лицом цвета старой бронзы.

Предоставленная своим мыслям, Елена десятки раз на разные лады обдумывала все, что произошло. Прежде всего, для нее было совершенно очевидно, что, хотя Книжников и затащил ее в злополучный ресторан, но к похищению их оттуда он был безусловно непричастен. Это было делом каких-то других рук. Кому понадобилось заключать ее в этот дом, обставив при этом всевозможными удобствами, она не могла даже предположить.

В конце концов она устала ломать над этим вопросом голову и решила ждать событий. Иначе обстояло дело с тем, что сообщил ей Андрей Ильич. Здесь материал для выводов был обширный.

Припоминая свой разговор с Книжниковым, она постепенно восстановила его в памяти почти дословно. Андрей Ильич не лгал. Она достаточно хорошо знала его. Он мог путать, преувеличивать, делать заведомо фантастические выводы, но лгать он просто не умел. То, что касалось, фактов было правдой. И факты эти по мере того, как Елена вдумывалась в них, приобретали в глазах ее совершенно новую окраску.

Поручение, которое дал Книжникову Зайковский, сначала показавшееся ей неосторожным до глупости, предстало перед ней в другом свете. Раз этот ксендз или бывший монах передавал Тенишевскому такое важное известие с полной откровенностью, это был, конечно, не больше, как условный шифр. Но так или иначе, фраза Зайковского об опиуме и «старом джентльмене» имела целью предупредить Дорогова и Валериана Платоновича о чем-то и имела для них большую важность. Андрей Ильич поступил очень непорядочно, утаив ее.

Впрочем, оставалась еще возможность сообщить им такое важное для них известие. Она заключалась, по мнению Елены, в том, что труппа не поедет дальше. Елена была «прима», исполняла все главные роли в балетах, танцевала соло. С ее исчезновением труппа теряла половину своей ценности. Лю, конечно, станет разыскивать ее и Дорогов и Тенишевский деятельно помогут ему. Надо искать случая дать знать о себе, переслать в театр или в гостиницу если не записку, то хоть лоскуток от платья, прядь волос. Тогда, зная что она в городе, они найдут способ ее увидеть. И при первой же встрече она передаст им то, что скрыл Книжников.

Несмотря на двусмысленный туман, который окутывал действия Дорогова, Елена в мыслях своих как-то невольно все время принимала его сторону. Несколько дней, проведенных в его обществе, произвели новое, сильное впечатление. Как из раскрытоого окна, на нее пахнуло жизнью и движением. С Тенишевским Елена разговаривала мало. Он предпочитал общество девушек, с которыми все время щутил и смеялся. Но с Павлом Александровичем Елена все эти дни вела нескончаемые беседы. Дорогов будто пришел из другого мира, напомнил о нем и в памяти Елены властно воскресли картины этой давно утраченной страны, полузабытой родины ее души. Она своими глазами увидала тот мир, который жил за стенамиочных вертепов, к которому когда-то принадлежала и она сама.

Пусть даже Дорогов и друг его и в самом деле авантюристы, как говорит

про них Книжников. Елена давно сама догадалась, что они не то, за что выдают себя, — но они живут, борются, к чему-то деятельно стремятся. Что стоят в сравнении с ними все эти пропитанные гнилью люди, гибнущие от безвоздия, больных нервов и праздности, кисельно-мягкие или, наоборот, грубые и злобные, в среде которых прошел целый ряд лет ее службы в кабаре?

Дорогому необходимо помочь во что бы то ни стало!

В эти часы одиноких размышлений заточенной в свайном домике Елены, Дорогов и Тенишевский, сами того не подозревая, приобрели в ней верную и деятельную союзницу. И в новых нахлынувших на Елену мыслях потонул последний осколок ее прежней жизни — злополучный Андрей Ильич.

* * *

Легкий стук в дверь прервал ее размышления. Вошел У Цзы Фу.

— Мисс *Helene*, — после вежливых приветствий сказал он, — я обращаюсь к вам с величайшей просьбой...

Елена резко повернулась к нему.

— Почему вы держите меня здесь? Вы напрасно думаете, что я беззащитна! За ваше самоуправство вы ответите! Где г-н Книжников? Что вы сделали с ним?

У развел руками.

— Я только исполнитель чужой воли, — сказал он сокрушенno. — Что же касается г-на Книжникова, то о нем именно я хочу поговорить с вами. Я получил распоряжение освободить его и доставить в Чан Ша. Но г-н Книжников отказался ехать. Он требует, чтобы сначала были освобождены вы. Я не могу этого сделать, так как, повторяю, распоряжения исходят не от меня.

У снова поклонился.

— Мисс *Helene*, я прошу вас написать ему записку. Сообщите ему, как с вами обращаются, посоветуйте не упорствовать. Объясните ему, что своим отказом ехать он только ухудшает свое положение, не принося вам никакой пользы.

Елена молча смотрела на своего тюремщика.

— Мне хотелось бы также, — продолжал У, — чтобы в вашей записке вы попросили г-на Книжникова не вмешиваться в вашу судьбу и не предпринимать ничего для вашего освобождения, потому что этим он только продлит срок вашего заключения и подвергнет вас некоторому риску.

— Я хочу видеть г-на Книжникова, — сказала Елена.

— Мне строжайше запрещено допустить ваше свидание с ним, — с поклоном ответил У.

Елена прошлась по комнате в волнении.

— Пока вы не объясните мне, зачем вы меня тут держите и по какому праву, и пока я не буду знать, сколько времени вы намерены продержать меня еще, — я не желаю слушать вас!

У выдержан небольшую паузу..

— Срок вашего заключения, мисс Helene, — от шести до восьми недель. Не далее, как через два месяца, вы будете свободны и вам будут возмещены все убытки. Большего я сообщить вам не могу.

Елена отошла к окну.

— Мне надо обдумать вашу просьбу.

У любезно улыбнулся.

— Конечно, мисс Helene. Я не тороплю вас. Сегодня я еду в Чан Ша и возвращусь только послезавтра к вечеру. Вы разрешите мне тотчас по приезде зайти за ответом?

— Да.

У с поклоном вышел.

XI

«Тун Лун Хва», побрякивая ржавыми цепями рулевой тяги и испуская облако вонючего дыма, полз вверх по извилистому, быстрому Сиану.

Однообразие путешествия сильно действовало Тенишевскому на нервы. Он фотографировал берега, играл с Дороговым в шахматы, а с Ваном — в китайские шашки, учил китайские слова, но такое убивание времени его не удовлетворяло. Валериан Платонович томился, выдумывал для себя различные занятия. Торчал в машинном отделении, учился править штурвалом и смертельно скучал. В конце концов он обратил внимание на девушек. Вечерами, когда жара спадала, они собирались на крошечной носовой палубе и размечтались там кое-как. Валериан Платонович рассказывал им страшные «истории», которых знал множество. Маруся слушала его с жадным вниманием, не сводя глаз с его лица, а Тася посмеивалась и кокетничала. Она старалась всегда, как будто случайно, сесть с ним рядом, курила его сигареты и не пропускала случая при свете вспыхнувшей спички обдать Тенишевского насмешливым взглядом своих холодных глаз под размашистыми накрашенными бровями.

Валериан Платонович умел в любой обстановке чувствовать себя как рыба в воде. Он без труда попал в тон этим простым и, в общем, совсем неразвитым девушкам. На постоянные Тасины заигрывания он отвечал шутками и вскоре между ними завязался род флирта, грубоватого, но пока совершенно безобидного.

Впрочем, теперь, сидя под тентом на корме катера с головой, повязанной полотенцем, Валериан Платонович был занят совершенно иными заботами, в которых Тася не играла никакой роли.

Обстановка путешествия заставляла его призадуматься. Поведение Лю становилось все более подозрительным. Прежде всего, его поступки никак не вязались с его положением антрепренера. К коммерческой стороне дела он был как будто совершенно равнодушен, спектаклей с самого Сиан Тана нигде не

было. Бегство Елены тоже не произвело на него никакого впечатления.

«Что он — опиекурильщик, что ли? — рассуждал Тенишевский. — Тогда ему, конечно, все на свете безразлично, даже если он и прогорит с этим делом. Была бы трубка...»

Но самое тщательное наблюдение не дало результатов. Лю курил только табак. Иначе его выдал бы запах опиума, заглушить который невозможно.

Прямых указаний на какие-либо махинации со стороны Лю ничто не давало. Его постоянные отлучки могли быть, действительно, вызваны коммерческими операциями, которые он повсюду совершил, а в остальном он вел себя скромно и даже замкнуто. Деньги еще в Чан Ша заплатил всем вперед за месяц и обещал дать еще по приезде в Гуй Ян, так как не хотел везти большой суммы наличными с собою...

Но, несмотря на все эти утешительные данные, некий червь сомнения беспрестанно точил Валериана Платоновича и заставлял его быть настороже. Он в десятый раз осмотрел и смазал свой револьвер и спрятал его в футляр от фотографического аппарата. Патроны в коробках от какао хранились у него на самом дне чемодана.

Посвящать Дорогова в свои соображения Валериан Платонович не хотел. У Павла была на этот счет своя особая точка зрения. В сомнительном поведении Лю Дорогов не видел ничего угрожающего и все подозрения относил за счет беспокойного характера Тенишевского. Сбить его с этой позиции можно было, только сообщив или показав ему что-нибудь действительно изобличающее Лю.

Вана Валериан Платонович не задумываясь определил, как человека подлого и трусливого. В настоящий момент, сидя с сигаретой под тентом, он как раз и был занят размышлениями о том, что хотя Ван и подлец, но подлость его должна быть использована, а не пропадать втуне. Дело было за тем, какое ей найти применение.

Дорогов подошел к нему без пиджака, в шлеме, сдвинутом на затылок. Тенишевский посторонился.

— Садись, Павел: я тут рассуждаю сам с собою. Слыхал польскую поговорку — «добже собаци и муха в студне»? Вот на эту тему я и философствую.

— Какая еще муха? — с неудовольствием спросил Дорогов, усаживаясь рядом с Тенишевским на доски палубы. — Несерьезный ты какой-то, Валериан. Вот я с тобою как раз поговорить об этом хочу...

— Наоборот, — весело возразил Валериан Платонович, — я самым серьезным образом размышлял. «Муха в студне» — это фигуральное определение г-на Вана. Его следует использовать.

— Да ведь он, наверное, прохвост, — заметил Дорогов. — Что ты хочешь ему поручить? Помнишь, этот, Книжников, рассказывал, как он с него за проезд из Чан Ша двадцать долларов содрал? Жулик.

— Знаю, — отвечал Тенишевский. — Вот это качество его я и хочу использовать. Найму его следить за Лю.

Дорогов пожал плечами.

— Что тебе надо от Лю? Для чего ты его все время в бандиты рядишь?

— Я не хочу попадаться врасплох, — с расстановкой ответил Валериан Платонович, — мера предосторожности не помешает. Он не бандит, я полагаю, но если он сядет в кутузку, я не хочу задерживаться из-за него в пути. Черт его знает, чем он торгуется. Коммерсант!.. Да с тобою об этом бесполезно разговаривать. Ты все считаешь, что я фантазирую.

— Смотри, не вляпайся, — посоветовал Дорогов и принял выбивать свою трубку о борт. — Будет очень некрасиво, если Лю об этом подкупе узнает.

— Я еще не решил, — сказал Валериан Платонович. — Все это только пока проект. Во всяком случае, не вляпаюсь, не беспокойся.

Они некоторое время сидели молча. Дорогов набил и раскурил свою трубку, выпустил облако дыма и снова обернулся к Валериану Платоновичу.

— Я, Валериан, хочу поговорить с тобою о Тасе, — сказал он.

— Что? — удивился Тенишевский. — При чем тут она?

— Ты нехорошо и некрасиво себя держишь, — продолжал Дорогов, — оставь ее в покое.

— Ты белены объелся, Павел! — воскликнул Тенишевский. — Я ничего плохого ей не делаю. Да, наконец, какое тебе дело? — вспылил он вдруг.

— Ей восемнадцать лет, — возразил Дорогов. — К чему это приведет? Играешь, забавляешься? Перестань, Валериан, некрасиво... да и непорядочно...

Валериан Платонович отшвырнул окурок в воду.

— Павел, оставь это. Я знаю сам, как себя держать и с кем...

— Плохо знаешь, — сурово остановил его Павел Александрович, — со скучки кружишь девочке голову.

Тенишевский встал на ноги.

— Твоя мораль тут не у места, — резко ответил он. — Когда тебе говорят о деле, о Лю, у которого черт знает что на уме, о Ване, которому место, может быть, не здесь с нами, а в ближайшем участке, тогда ты не желаешь слушать! А тут, — извольте, гувернером сделался! Откуда прыть взялась? Глупости ты, Павел, говоришь!

— Глупости я не говорю, — спокойно возразил Дорогов, — а не хочу, чтобы ты глупости делал. Насчет твоего Лю не беспокойся, если он только окажется тем, чем ты его представляешь, сам за борт спроважу, да и Вана прихвачу туда же. Но пока это все только твои «проекты», как ты выражаяешься, зря волноваться не стану... А насчет Таси, я сказал тебе совсем серьезно. Тебя же предупреждаю: натворишь ерунды, потом будешь жалеть. Понял?

Но Тенишевский рассердился не на шутку.

— Спасибо за заботу, — сказал он с усмешкой, — но мне бы хотелось, чтобы ты ее больше не проявлял в таком направлении. Посмотрел бы на себя с другой стороны, в какой глупой роли ты подвизаешься... Какой дурацкий вид ты имеешь!

Дорогов рассердился тоже, но сдержался.

— Перестань, Валериан. О деле я не забываю и твоего прохвоста-Вана тоже помню, но Тасю ты оставь в покое... Это я тебе дружеский совет даю...

Он хотел добавить еще что-то, но взглянул на Тенишевского и снова сдержался. Валериан Платонович стоял перед ним, расставив ноги и заложив ру-

ки в карманы. Брови его были сдвинуты, а глаза горели.

«Пусть отойдет», — подумал Павел Александрович, пожал плечами и замолчал.

* * *

Всю эту сцену совершенно неожиданно для него самого с крыши рубки наблюдал и слышал Ван. Какому-то доброму, а может быть, и злому гению понадобилось устроить все так, что переводчик к великому своему смятению все время оказывался свидетелем разных знаменательных событий, происходивших вокруг него. И этих событий даже на малокритический взгляд Вана становилось больше, чем нужно. Не успел он отойти от своего рода столбняка, в который поверг его разговор Лю и У Цзы Фу в темном переулке Сиан Тана, и хоть относительно избавиться от страха, который нагнал на него Лю своим коротким, но резким предупреждением на другой день после исчезновения Елены, как новая напасть была тут как тут.

Ван плохо понимал по-русски и слова Дорогова о том, что он готов побросать и Лю и его самого за борт он понял буквально, без всяких «если». Слова «прохвост» и «мошенник» были также хорошо знакомы ему и он не задумываясь отнес их на свой счет. Что касается Таси, то в его представлении это дело выглядело просто: европейцы оба домогаются ее любви, а потому ссорятся из-за нее.

Легко представить себе, какая окрошка осталась в голове у Вана от всего слышанного и в какой ужас она его повергла. К страху перед г-ном Лю приводилась весьма реальная, как ему казалось, опасность прогуляться за борт от крепкой руки Дорогова или получить в лоб пулю из страшного черного револьвера, который вчера, запервшись в каюте, чистил этот черт, Тенишевский. Было над чем задуматься и даже следовало это сделать!

До самого обеда, обливаясь потом, Ван просидел на крыше, ни с кем не разговаривая, погруженный в свои невеселые думы, и если бы кто нибудь смог заглянуть в эти часы в его мозги и различить странные образы, которые толпились там, тот в изумлении развел бы руками, до того непонятны и спутаны были эти картины. Но, не исчезая ни на минуту, над всеми персонажами этого мысленного кинематографа царила огромная, длиннохвостая Мышь.

Катер полз, река приветливо бежала навстречу. Берега, покрытые богатой, сочной растительностью, то расступались, то вдруг сжимали течение крутыми обрывами, увенчанными то там, то тут, многоэтажными пагодами. Миновали деревушку, глинисто-желтую, крытую рисовой соломой, обнесенную невысокой стеной-дамбой. Длинные лесенки деревянных помп сбегали к воде. На вершине их, вращая колеса под шаткими навесиками, меланхолично брели по кругу серые, рогастые «ню» — огромные буйволы.

* * *

Кто-то слегка прикоснулся к плечу Вана. Перед ним в своем неизменном голубом халате стоял г-н Лю.

— Уважаемый г-н Ван, — сказал он негромко, не замечая испуга и бледности переводчика, — на прошлой остановке меня предупредили, что путь не-безопасен. Прошу вас в ближайшем большом селении приказать капитану остановиться. Вы закупите провизии и мы повернем назад. Придется ехать через Чан Да.

XII

Длинный день, полный тревожных дум, утомил Елену. К вечеру стал на-крапывать дождь, ветер гнал по реке шеренги маленьких волн. Не зажигая огня, Елена стояла у окна и глядела в помутневшую даль.

Записку, которую просил У Цзы Фу, она решила написать. Он был прав: пребывание Андрея Ильича в Сиан Тане не могло принести Елене никакой пользы. В то же время, каждый новый шаг закусившего удила Книжникова делал ее все больше и больше обязанной ему, утверждал моральную зависимость, казавшуюся Елене невыносимой. Лучше пройти через тысячу бед и опасностей, положившись на свои собственные силы, лучше погибнуть, чем вечно чувствовать на себе гнет тяжелой, надломленной психики этого человека.

Елена легла рано, но долго не могла уснуть. Горячий воздух, напитанный влагой, давил нестерпимо. От удущливого запаха москитной свечи, как от дурмана, тяжелела и кружилась голова.

Дождь превратился в ливень. Сквозь тревожный сон Елена слышались взвизги ветра, который, все усиливаясь, бросал в окно целые потоки воды.

Причудливая вереница видений, спутавшихся со сном, проходила в ее утомленном сознании, пугая и заставляя просыпаться. Только далеко за полночь Елена тяжело уснула, наконец, разметавшись под плотным пологом москитника.

Ее разбудил шум, доносившийся снаружи. Что-то ровно гудело и грохотало. Она вскочила и откинула москитник, прислушиваясь. В окне золотился ясный рассвет. Дождь прекратился, все было мирно и спокойно, но что-то не-ведомое и жуткое повисло в воздухе. Неясный гул, исходивший, как будто, из под земли сотрясал домик. Где-то хлопнула дверь.

Елена соскочила с кровати и бросилась к окну. Зрелище, которое она уви-дела, заставило ее отшатнуться.

Приветливая, прозрачная река за ночь преобразилась. Мутная масса воды стремительно неслась теперь под окном в четырех-пяти футах, почти на уровне пола Елениной комнаты. Там и сям взлетали на волнах какие-то обломки, щепки, доски и связки соломы. Мимо пронесло огромную черную свинью. Она то появлялась из воды, то исчезала, старалась выбраться к берегу, но тече-ние волокло ее, кружило, засасывало. Посреди реки, наполовину спустив

полный ветром парус, как птица несся желтый, весь лакированный сампан.

Длинное серое бревно, мелькая в воде, как спина исполинской рыбы, налетело и с размаха глухо ударило в стену домика. Из-под шкафа выскочила и заметалась по комнате крыса.

Елена опомнилась.

— Бежать!

Но дверь, запертая снаружи на толстый засов, в ответ на ее отчаянные усилия даже не пошатнулась, не скрипнула. Елена опустилась на стул. Спасения искать было негде. В доме не раздавалось ни голосов, ни шагов, он как будто вымер. Единственное живое существо, запертое вместе с нею в этой комнате и обреченное, как и она, на погибель — темно-серая, почти черная крыса — сновала по полу. Она замерла у ножки кровати, умными и злыми глазами посмотрела на Елену и снова устремилась вдоль стены, обнюхивая пол. Возле широкой щели под дверью она остановилась, словно раздумывая, повела в воздухе острой мордочкой и юркнула в эту щель. Елена осталась совсем одна. Она снова попробовала пошатнуть несокрушимую дверь, потом, с трудом отломав один из столбиков, на которых был натянут москитник, она просунула его в щель, куда только что скрылась крыса, и попыталась приподнять дверь. Опять напрасно. Уступив ее усилиям, тонкий столбик с треском сломался, но дверь даже не шелохнулась. Елена в изнеможении опустилась на пол. В щель между досками фонтанчиком брызнула грязная вода, быстро растекаясь лужицей. Где-то снова хлопнула дверь, послышался плеск, как от падения чего-то тяжелого в воду. Елена опустилась на локоть в бессильном отчаянии, с ужасом глядя на расположившуюся по полу лужу. Ей показалось, что кто-то вдали позвал ее по имени. Она не имела сил подняться и прислушаться. Надежда покинула ее. Вода на полу прибывала. Она чувствовала уже ее холодное прикосновение.

«Надо стать на кровать, на стол...» — мелькнуло в мозгу, но руки и ноги уже отказывались повиноваться. Елена, как во сне, поднялась и дотащилась до стула. Вода достигала ей уже до щиколотки. Не один, а целый десяток фонтанчиков бил из-под пола по всей комнате. Елена вытянула руки вдоль стола и уронила на них голову.

В это время она явственно услышала, как совсем близко, за стеной захлюпали по воде торопливые шаги, и чей-то голос снова громко позвал ее по имени. Деревянный засов застучал, дверь вдруг с плеском и стуком распахнулась и в комнату, словно гонимый бесами, ворвался Книжников.

Белый костюм его весь намок и был забрызган грязью, взъерошенные волосы прядями прилипли ко лбу, небритое лицо искажено волнением.

— Вы здесь! — вскричал он и устремился к Елене. — Скорее! По двору уже нельзя пройти!

Кое как с помощью Книжникова Елена накинула на себя одежду и оба они выбежали из комнаты. Дом был пуст. Наводнение давно разогнало трусливых слуг, а У Цзы Фу был в отсутствии.

Дворик, окруженный высокой глинобитной стеной, имел вид пруда. В углу его возвышалось небольшое строение, теперь по крышу ушедшее в гряз-

ную воду. Книжников кивнул в его сторону головой.

— Там я сидел... Хорошо, что дверь оказалась гнилая!

Одна из стен двора уже местами осела. К другой, еще державшейся, с перил утопавшей галерейки Книжников перекинул доску.

— Сюда, Елена, за мной!

Спасти можно было только в одном направлении. Домик стоял на самом краю города, на отлете, и теперь был окружен рекою со всех сторон. Между ним и ближайшими городскими строениями залегла уже мутная поверхность воды. Прямо позади домика островком торчала вершина заросшего травой бугра. Тропинка для бурлаков, проложенная по самому высокому месту берега, взбегала на этот бугор со стороны города и тянулась отсюда вверх по течению, то исчезая в воде, то появляясь снова. Ярдах в 200 она поднималась на высокий, покрытый кустарником холм, несокрушимо возвышавшийся над водой.

По доске, которая гнулась под ногами, они перебежали на стену. Она шаталась уже, оседала под тяжестью шагов, но все же выдержала. Они пересекли проливчик, отделявший стену от островка, почти вплавь, борясь с течением и поддерживая друг друга. Быстро, насколько позволяла скользкая от воды почва, они побежали по тропинке. Вода на ней нигде не достигала даже до пояса. Вскоре беглецы были уже на вершине холма. Опасность миновала. Они могли обсушиться на солнце и отдохнуть в тени кустов.

— Спасибо, Андрей Ильич, — сказала Елена.

Он взял ее за обе руки и поцеловал их.

— Слава Богу, — произнес он облегченно, — все обошлось пока. Вот до че-го чуть не довело вас ваше упрямство, — добавил он с мягким упреком в голо-се. — Теперь — в Ханькоу!

Елена сдвинула брови.

— А поручение Зайковского? — спросила она. — Его ведь надо передать. Для Дорогова и Тенишевского это очень важное дело!

— Темное дело, — медленно проговорил Книжников, — темные люди... Бог с ними.

— Нет! — твердо ответила Елена. — Если вы не передали им того, что должны были передать, это сделаю я!

— Елена, — сказал Книжников и снова взял ее за руку, — сейчас не время нам ссориться. Пусть спадет вода, мы доберемся в город и там посмотрим, как поступить. Может быть, они уехали уже. Прошла неделя!

— Если они уехали, я догоню их, — с прежней твердостью ответила Елена.

Книжников взъерошил волосы.

— Я не пущу вас! Мы поедем в Ханькоу! Повторяю вам, Елена, что сейчас не время ссориться!

В голосе его послышались непривычные резкие нотки.

Елена вскочила на ноги.

— Не время?! Нет, всегда время думать о людях, которых вы предали! Вы эгоист, Андрей Ильич! Вам нужна я, из-за меня вы готовы на все! Вы думали о том, что эти люди могут погибнуть, потому что не знают об опасности, гро-

зящей им?

— Я — эгоист? — переспросил Книжников и сделал длинную паузу. — Пусть эгоист, — добавил он тихо, — но вы поедете в Ханькоу.

Елена сжалась кулаки. Глаза ее сверкали гневом.

— Я никуда не поеду с вами! Вы не заставите меня. Мы расстанемся здесь, на этом месте, навсегда! Я пойду одна в город и если вы попытаетесь помешать мне — я возвращусь в этот дом и буду ждать там моих тюремщиков... Довольно, Андрей Ильич! Вам не удастся связать мою судьбу с вашей... Я поступала с вами мягко, боялась сделать вам больно, но я устранила вас из моей жизни навсегда. Понимаете вы, навсегда? Так не врываютесь же в нее опять! Напрасный труд!.. Я благодарна вам за вашу помощь, искренне, правдиво благодарна... Не превращайте эту благодарность в злобу, оставьте меня идти моей дорогой... Неровной, извилистой, плохой, но моей собственной!.. Поймите, наконец, имейте мужество отдать себе отчет в том, что вы делаете... Вы забыли обо всем, о семье, о чести, о рассудке! Во имя чего, Андрей Ильич? Во имя любви? Она не стоит ничего, эта любовь, потому что в ней нет самоотречения. Вы — эгоист!

Книжников молчал.

* * *

Река, неожиданно нахлынувшая, так же стремительно спадала*. Солнце не начало еще по-настоящему припекать, когда тропинка, по которой пришли Елена и Книжников поднялась уже из воды. Теперь она змеилась узкой грядкой, неровной и блестящей от воды, мимо благополучно уцелевших домиков предместья и исчезала за ними.

Елена первой нарушила тягостное молчание... Она встала, оправила на себя платье и протянула Книжникову руку, глядя ему в глаза.

— Прощайте, Андрей Ильич! Не судите меня за мою резкость. Я не хочу вам зла. Но путь мой один, а ваш — другой. Пожмем друг другу руки и простимся. Еще раз благодарю вас за сегодняшний день.

— Елена... — тихо, сдавленным голосом прошептал Книжников и опустился на колени.

Он держал ее руки и быстро, жадно целовал их.

Ей стало жаль его. Как это часто бывало и прежде, он увлек ее своим настроением. Но она пересилила эту жалость.

— Да... да... прощайте, Андрей Ильич... — волнуясь, проговорила она, мягко высвободила руки и как будто боясь, что одумается и вернется, бегом спустилась с холма по направлению к городу.

* Пусть читатель не удивляется этому явлению. Южные притоки Ян Цзе, стекающие с крутых и высоких гор, подвержены внезапным и кратковременным наводнениям. Автор сам был свидетелем того, как вода в Сян Цзяне за одну ночь поднялась на 15 футов.

Книжников поднялся и молча, неподвижно стоял, глядя как мелькало между буграми ее голубое платье. Когда оно, наконец, скрылось среди темных силуэтов выступивших из воды домиков предместья, он долго еще стоял, позабыв обо всем, о жарком, все нестерпимее палившем солнце, о только что миновавшей опасности, о том, что он весь был виден на вершине пустынного холма и недавние тюремщики могли вернуться и схватить его.

Потом, опомнившись, он спустился с холма, добрел до предместья, прошел, шлепая по лужам и не разбирая дороги, в ближайший дом и стал заказывать сампан.

Через час молодой китаец-лодочник в огромной шляпе, франтовски приложенной к его голове многими веревочками, поднял серый, заплатанный парус и блестевший лаком сампан, накренившись, понесся по течению. Андрей Ильич сидел на носу его, безучастно глядя на мутную поверхность реки. Под задранным тупым носом сампана вода разбегалась двумя пенистыми, журчащими гребнями и в брызгах ее играло солнце. Книжников низко склонился над водой. И вдруг он понял, не разумом, как при прощании на холме, а чувством, что она ушла из его жизни навсегда и не вернется. Андрей Ильич подался назад, откинулся на сиденье, ударившись головою о борт, и зарыдал, как ребенок.

XIII

Город, расположенный выше, чем предместье, почти не пострадал от наводнения. Затоплены были только береговые кварталы. Но даже и прибрежные постройки, укрепленные на высоких сваях, не были залиты.

Елена без труда обогнула наводненные кварталы и углубилась в город. После двух часов блужданий по незнакомым улицам ей посчастливилось: она неожиданно очутилась в знакомом переулке, который вел к театру. Отсюда уже нетрудно было попасть в гостиницу. Хозяин ее, удивленный появлением Елены чуть не до столбняка, не смог дать ей никаких сведений. Китайский язык она не понимала и все многоречивые объяснения, в которых приняли участие также слуги и постояльцы, установили только тот факт, что г-н Ван забыл тут зонтик. Но главное, когда и в каком направлении выехала труппа, выяснить не было возможно. Приходилось махнуть рукой и попытаться найти в городе европейцев.

На главной улице, до угла которой Елену проводило все население гостиницы *in corpore**, ей вскоре повезло: одетый в шелк прохожий, которого она остановила, знал 5-10 английских слов и объяснил ей кое-как, что в городе живут «вайгожени» счетом два, но в настоящее время они уехали. Он показал при этом на небо и предоставил Елене догадываться, вознеслись ли они живьем или их кто-нибудь прирезал. Не исключалась, впрочем, и возможность

* В полном составе (лат.). (Прим. ред.).

того, что прохожий намекал на летнее солнце, от которого «вайгожени» сбежали месяца на два...

Имелся и еще один иностранец, который почему-то в счет не входил. Его адрес при помощи толпы зевак прохожий растолковал Елене непонятными словами и запиской, которую тут же набросал. Эти 4-5 иероглифов надлежало показывать на каждом углу полицейским и лавочникам. Как бы то ни было, это было ценное указание. Елена от души поблагодарила любезного прохожего и поспешила вперед, держа записку в руке.

Улица, на которую указал прохожий, представляла собою узкий коридорчик. От одной совершенно глухой стены до другой можно было свободно дотянуться, раскинув руки. Елена почти бегом углубилась в эту каменную щель до самого конца ее, где в никогда не просыхавшем углу, между серых стен приткнулась небольшая пагода — жертвенник. Здесь улица сворачивала резким углом и разбегалась грязными закоулками. Наудачу испробовав два из них, которые оба оканчивались тупиками, она наконец наткнулась на правильный путь. Третий закоулок вывел ее на более широкую улицу, правая сторона которой была застроена лавками. Слева футов на 12-15 возвышалась старая городская стена из крупных серых камней, вся заросшая зеленью.

Как указал ей прохожий, она миновала ворота, под сырым сводом которых примостились для отдыха кули-носильщики со своими неудобными громоздкими тачками, зеленщики с широкими корзинами и стоял полицейский в черном.

Жизнь города — это бросалось в глаза — нисколько не была потрясена наводнением, затопившим прибрежные кварталы. Жители, привыкшие к постоянным капризам реки, смотрели на это явление как на маленьющую повседневную неприятность. Казалось, страх Елены перед бушевавшей стихией был напрасен. Но раздумывать на эту тему было некогда. В маленьком городке она не могла долго скрываться. Она, европейская женщина, привлекала к себе всеобщее внимание. Несколько ребятишек, упорно следовавших за ней, громко скликали товарищей. К ним присоединялись уже и взрослые зеваки. Это грозило обратиться в настоящую толпу.

Улица через крутой живописный мостик вывела ее к пустырям. За глинянитыми заборами потянулись огороды. Слева, взамен свернувшей в сторону стены, стала видна широкая мутная лужа, периодически наполнявшаяся, видимо, наводнениями. У одного берега этой лужи женщина мыла в большом плетеном лукошке рис, у другого — с визгом купались ребятишки.

Уже издали Елена увидела небольшой, весь потонувший в зелени домик, особняком возвышавшийся над неказистыми строениями пригорода. Выстроен он был без малейшей попытки воспроизвести какой-либо стиль. Высокая стена, поверху усыпанная битым стеклом, окружала запущенный сад. Это и было, очевидно, жилище «вайгожения».

Действительно, на деревянных массивных воротах красовалась покривневшая от времени доска. Под полустертыми китайскими иероглифами Елена с трудом смогла разобрать готическую, весьма краткую надпись:

ПЕТЕР КРАНЦ

Скрипучая калитка скрыла ее, наконец, от любопытной толпы.

Древний слуга бесцеремонно оглядел Елену со всех сторон и знаком приветствия. Медленно передвигаясь, он принес и налил ей чая и только после этого спросил что-то по-китайски. Елена ответила ему сначала по-английски, потом по-французски... Он с любопытством смотрел ей в рот, но не трогался с места. Потом, увидев, что Елена исчерпала все способы с ним объясняться и замолчала, он подождал еще, задумчиво глядя на потолок, и удалился...

Минут пятнадцать она сидела одна в полутемной комнате с небольшими, забранными решетками окнами, возле простого стола с чернильным прибором, покрытым пылью.

Прелюдия была очень странная.

Наконец, по лестнице зашлепали шаги и в комнату вошел высокий и крупный старик, совершенно лысый, с маленькими рыжими усами.

Одет он был просто, в белую рубаху без воротника, короткие брючки хаки и стоптанные кожаные туфли на босую ногу. На лице его, несвежем, как будто от долгого сна, испещренном сизыми жилками, застыло выражение не то разочарования, не то удивления, не то добродушно-скептической насмешки.

Без всякого приветствия он проговорил довольно чисто по-английски:

— Вы, мне кажется, не англичанка, хотя подлец-бой это и утверждает. Я — Петер Кранц...

Он поклонился с некоторой, пожалуй, даже военной ловкостью.

— Я русская, — сказала Елена, — моя фамилия Зубова.

— Русская! О!.. — качнулся г-н Кранц. — Да, здесь иногда появляются русские. Я помню, в 1909 году... Или лучше я расскажу вам про другой случай. Тут были двое русских в 28 или... нет, в 29 году... Они... — Петер Кранц присел на край деревянного кресла, — они пришли, вот так же, как вы, и... ха, ха!.. попросили у меня пять долларов на дорогу... Куда-то им надо было ехать и они решили, что деньги должен дать Петер Кранц!.. Я ничего не имел против того, чтобы они ехали, но... ха, ха, ха!.. я видел их в первый раз! Я спросил их, не желают ли они заработать эти пять долларов. Они посовещались и объявили, что желают! Тогда я нанял их провести у меня в доме звонки. Я дал им проволоки, сколько они пожелали, гвоздей и лестницу. Вот! Вы можете видеть...

Он широким жестом обвел потолок. Вдоль стен действительно тянулось несколько рядов тонкой цинковой проволоки, торчавшие из бутылочных горлышек вместо изоляторов.

— Вы видите? — продолжал Кранц. — Но, может быть, вы хотите также услышать? Ха, ха... это вам не удастся!

Он сильно надавил на неуклюжую самодельную кнопку, приделанную к стене и покрытую густым слоем пыли, потом поднял пальцы, прислушиваясь.

— Тсс!... Вы ничего не слышите? Ничего?

Г-н Кранц торжествующе ткнул пальцем в пространство.

— Эти звонки никогда не звонили! Ха, ха, ха!.. Я дал им все-таки пять долларов, не за звонки, ха, ха, ха!.. а за то, что они были остроумные люди, хотя, в общем, мошенники!

Он снова обвел рукой потолок.

— Так вы русская? Чем же я могу быть вам полезен? Не откажите мне, во всяком случае, в чести пройти в мой деловой кабинет.

Он встал и неожиданно предложил Елене руку сложив ее кренделем.

— Прошу, прошу вас, мисс Зубофф, весь комфорт моего дома к вашим услугам.

Начало обещало многое.

В просторной, светлой комнате наверху «комфорт этого дома» предстал перед Еленой во всей своей своеобразной красоте. Обстановка, состоявшая из странной смеси китайской и европейской мебели, была как попало расставлена по углам. Книжный шкаф, заросший пылью, не открывался, видно, годами. Вдоль стены аккуратным рядом были расставлены пустые бутылки от виски. В углу, подпертый палочкой, красовался глобус в потемневшей сломанной оправе. На окне — китайские солнечные часы с медной стрелкой.

— Прошу вас, мисс Зубофф, — галантно раскланялся Кранц и пододвинул Елене kleenчатое кресло.

— Чан!! — вскричал он вдруг зычным голосом.

В дверях немедленно вырос древний слуга. Было видно, что он отлично усвоил привычки своего хозяина, так как в руках уже нес поднос с двумя стаканами, бутылкой виски и большим чайником.

— Мисс Зубофф, прежде чем говорить о деле, не хотите ли освежиться?

Он налил Елене полстакана виски и долил водой из чайника.

— Прошу, прошу... А я сам, по-стариковски — стрэйт...

Елена через силу глотнула крепкого, тошнотворно теплого напитка.

— Мистер Кранц, — начала она серьезно, — после того, что вы говорили о русских, я не хотела бы затруднять вас никакими просьбами, но положение мое заставляет меня обратиться к вам за советом, как к единственному европеизму здесь.

— Я ничего не сказал дурного о русских, — возразил Кранц, — только вот, вы видите?

И он опять показал рукой вверх. По стенам кабинета так же, как и внизу, была напутана проволока. Елена не смогла удержаться от улыбки.

— Отчего же вы ее не снимете, мистер Кранц?

— Пусть висит, — сказал старик. — Так чем я могу быть вам полезен, мисс Зубофф?

Он отпил из своего стакана.

— Я была похищена неизвестными людьми и пробыла в заключении целую неделю, — начала Елена. — Теперь мне удалось бежать и я должна догнать моих спутников, с которыми я ехала в Гуй-Чжоу. Но я не знаю даже, поехали ли они дальше или возвратились в Ханькоу.

— Вы ехали в Гуй-Чжоу? — переспросил Кранц и долил свой стакан. — Это прекрасная прогулка. Пять-шесть недель на комфортабельном сампане, бога-

тая природа, масса новых впечатлений... Я помню, в 1896 году, когда я впервые посетил эти места, мы с одним из местных купцов отправились в Гуй Ян. Я хотел купить там, ха-ха... грибов!.. Мисс Зубофф, выпейте, освежитесь?

Он снова отхлебнул виски.

— Я не знаю, кому понадобилось держать меня под арестом, — сказала Елена. — Не попала ли я в руки бандитов, которые причиняют вред также и моим спутникам?

Кранц облокотился на стол с видом человека, который приготовился внимательно слушать. Но вместо этого он тотчас же заговорил сам.

— Мисс Зубофф, я помню как сейчас: в 1901 году, после второго моего приезда в Чан Дэ, на нас на реке напали бандиты. И что же вы думаете? Я взял мой фильтр для воды, направил его на них и все они разбежались! Они, очевидно, приняли фильтр за пушку! И на другой день пришла делегация просять меня оказать честь и пожаловать на обед к предводителю этих бандитов. О нет, мисс Зубофф, бояться их не следует! Но нравы их несколько своеобразны.

Он крупно глотнул из стакана. Елена воспользовалась паузой.

— Г-н Кранц. При мне есть немного денег и я хотела бы нанять сампан для того, чтобы догнать остальных. Как это сделать, как узнать, в каком направлении они уехали? Помогите мне...

Кранц, казалось, совсем не слушал ее.

— Да, очень, очень своеобразны, — продолжал он, вытирая усы рукою, — вы назвали провинцию Гуй Чжоу и я невольно вспомнил о небольшом приключении, которое случилось со мною. Летом 1899 года я по делам моей фирмы отправился на запад. Не знаю, за кого меня приняли, но только в один прекрасный день мой сампан был окружен множеством лодок. Все кричали, что человек с белой кожей должен быть уничтожен, так как он прибыл из чужой земли и с дурными намерениями... Тогда, мисс Зубофф, мне пришла в голову мысль! Я объявил им, что я — китаец!.. Я торжественно поклялся моими предками, что я родился в Кантоне. Они никогда не видели кантонцев и мне поверили! Ведь это смешно.

Елене совсем не было смешно.

«Сумасшедший, — подумала она. — Но надо попытаться еще раз».

— Мистер Кранц, — сказала Елена. — Из ваших слов я убеждаюсь, что вы давно живете в этих краях. Может быть, вы укажете мне, как догнать наших. Г-н Лю Цзен Тао, наш предприниматель, хотел выехать отсюда в Хен Чжоу.

Кранц снова потянулся за бутылкой.

— О-о... — протянул он. — Я знаю Лю Цзен Тао. Я хорошо знал и его дядю, Цай Лин Хана, еще тогда, когда он был губернатором Гуй Чжоу, при династии... Умный, образованный старик. Теперь он на покое. Молодой Лю знаком мне тоже. Он для своих лет прекрасно образован, по-старинному, конечно. Старик не выносит Европы... Тут, мисс Зубофф, кажется, пахнет «Голубым драконом»... Кстати, если вы позволите, я опишу вам еще один интересный эпизод. Правда, с тех пор многое изменилось, но любопытна сама по себе возможность такого случая. Мисс Зубофф! В 1904 году я съел сердце казненного бандита!

«Он выжил из ума», — с тоской подумала Елена и слезы невольно выступили у нее на глазах.

— ...Военные власти в Иен Дяне*, — продолжал Кранц с важностью, — в знак особого своего уважения поднесли мне во время парадного обеда сердце знаменитого предводителя бандитов, казненного в этот день...

Он поднял свой стакан.

— За ваше здоровье, мисс Зубофф...

Елена мягким движением удержала его руку.

— Мистер Кранц, — сказала она, — пожалуйста, поставьте ваш стакан. Вы выпили уже достаточно. Потом вы можете выпить и остальное, но сейчас — довольно.

Кранц посмотрел на нее с безграничным удивлением.

— Вы думаете? — с сомнением в голосе спросил он и нерешительно опустил стакан на стол.

— Конечно, — сказала Елена, — вы выпили уже почти половину бутылки!..

На лице Кранца отразился проблеск какого-то чувства. Не то печали, не то досады. Он посидел несколько секунд, как будто задумавшись, потом упрямо придинул свой стакан и загородил его руками.

— Нет, — сказал он капризно, — это доставляет мне удовольствие... Мисс Зубофф... Какого черта? — вдруг вскричал он со злостью. — А что ж мне делать, если не пить? Я здесь один! Как филин! Как арестант! Шесть лет уже нога моя не ступала за пределы этого сада. Так почему же я должен лишать себя последнего удовольствия? Мисс Зубофф, почему?

Он упрямо отпил виски и старательно долил стакан. Бутылка качалась в его руке и брызги падали на стол.

— Так для чего же вы сидите здесь? — воскликнула Елена. — Поезжайте в Ханькоу, в Шанхай. Поживите среди европейцев.

Мистер Кранц усмехнулся презрительно и желчно.

— Кому нужен старик Кранц? — спросил он. — Старик Кранц, о котором все давно забыли, у которого нет на свете ни родных, ни друзей, ни даже знакомых... Что будет делать среди европейцев старик Кранц, который разучился говорить на своем родном языке, который думает по-китайски?!

Он вдруг осел, съежился, беспомощно развел руками и опрокинул стакан.

— Мисс Зубофф!.. Старик Кранц давно уже умер... Теперь ему остается только одно: пить побольше виски, чтобы хоть сам он думал, что еще жив... Надо понять старика Кранца, мисс Зубофф... И не надо останавливать его.

Елена встала. Ни о каком деловом разговоре не могло быть и речи. Осталось уйти.

— Мистер Кранц, — заговорила она, — я не могу терять времени. Благодарю вас за любезный прием, но мне пора уходить. Я еду в Чан Ша. До свидания.

— Чан Ша хороший город, — подхватил Кранц, — но теперь там стало слишком шумно... В 1903 году, когда мы вдвоем с Яном Зайковским проезжали

* Иен-Цзян — маленький городок в Хунане.

через Хунань в Гуй Чжоу...

— Вы знаете Зайковского? — перебила его Елена с живостью. — У него есть дела здесь?

Кранц тоже встал.

— Я никого не знаю, — сказал он, — возможно, что Зайковский умер... Я не переписываюсь ни с кем. Последний раз я видел его в 1910 году... Или даже раньше...

Он посмотрел на нее пристально, потом вдруг опустился на свой стул, тяжело облокотился на стол и потер лоб рукой.

— Да... — протянул он, обращаясь как будто сам к себе, — все это, в сущности, пустяки...

Он старательно смахнул со стола пролитую им лужицу виски и громко заговорил сам с собою по-китайски. Елена постояла с минуту, наблюдая за ним, потом надела шлем и вышла. Кранц не пытался ее остановить.

Она медленно спускалась с лестницы.

Что предпринять? Из всего потока слов г-на Кранца нельзя было сделать никакого вывода. Оставалось вернуться в Чан Ша. Там есть европейцы, они помогут ей найти способ догнать труппу, если это еще возможно.

У калитки Елена неожиданно столкнулась с высоким монахом. Он вежливо посторонился, уступая ей дорогу. Она мельком оглядела его. Монаху было на вид лет 30. Неуклюжая черная сутана не смогла изуродовать его стройную, широкоплечую фигуру. Лицо, худощавое, с темными, глубоко посаженными глазами и орлиным носом над маленькими усиками, было покрыто легким загаром. Елене пришло в голову заговорить с ним. В ее положении приходилось хвататься за каждую возможность... Но монах сам пошел навстречу ее намерению. Он снял свой белый шлем и обратился к Елене по-французски:

— Простите меня, *м-ле*, мне показалось, что вы чем-то сильно обеспокоены. Не могу ли я быть вам полезен чем-нибудь?

Лицо монаха было приветливо. Он стоял с непокрытой головой, слегка наклонившись, и ждал ответа.

— Да, — сказала она, — я в очень затруднительном положении. Г-н Кранц, к которому я только что обращалась, человек, видимо больной, а кроме него, здесь нет европейцев.

— Я сам направляюсь к г-ну Кранцу, — ответил монах, — но если вы спешите, я отложу мой визит к нему.

— Я подожду вас здесь, в саду, — предложила Елена.

Монах поклонился.

— Вам не придется долго ждать, мой разговор с г-ном Кранцем займет всего несколько минут.

* * *

Ждать ей пришлось, наоборот, долго. Только через час монах спустился в

сад. Лицо его было озабоченно.

— Я к вашим услугам, — заговорил он, подходя к Елене, — простите, что я заставил вас ждать, м-lle...?

Елена протянула ему руку.

— Мое имя — Елена Зубова. Я русская.

Монах снова снял свой шлем.

— ...M-lle Helene, я слушаю вас с большим вниманием.

Она в кратких словах рассказала монаху обо всем, что с ней случилось.

— Мне кажется, что самое лучшее для вас, — заметил он, когда Елена умолкла, — это возвратиться в Ханькоу и обратиться к властям...

— Я не могу этого сделать! — воскликнула она. — Я должна во что бы то ни стало догнать труппу, так как все они подвергаются той же опасности, которой случайно избегла я.

Брат Андре посмотрел на нее испытующе.

— Но ведь вы не поможете им ничем, м-lle Helene, вы не в состоянии защитить их.

— Я должна их догнать, — твердо сказала Елена.

Он помолчал.

— Знаете ли вы, м-lle Helene, — заговорил он снова, — что опасность, которой вы подвергаетесь, отправляясь следом за этой «труппой», чрезвычайно велика? Я не могу скрыть от вас, не имею права скрывать, что разговор мой с г-ном Кранцем навел меня на очень серьезные подозрения. Вы видели сами, что крайне трудно понять г-на Кранца и разобраться в том, что в его словах истина и что — фантазия. Он постоянно отвлекается в сторону, занят своими мыслями и беспрерывно теряет нить разговора. Небольшую географическую справку, из-за которой я, в сущности, заехал в Сиан Тан, я лишь с большим трудом смог получить от него. Но зато он несколько раз возвращался к тому, что говорили ему вы. И здесь он сказал мне вещи, на которые нельзя не обратить внимания. M-lle Helene, кто такой Зайковский?

Елена вздрогнула от неожиданности.

— Я не знаю Зайковского, — сказала она, стараясь скрыть свое волнение, — г-н Кранц сам назвал его и я мельком поинтересовалась, кто это.

Монах провел рукой по волосам.

— Кранц вспомнил о нем в связи с вашим разговором, — заговорил он как будто в раздумье. — Зайковский — это человек, с которым много лет тому назад сам Кранц проектировал разработку платины где-то в глуби Китая. Кажется, в Гуй-Чжоу, насколько я понял. Но дело их дальше проектов не пошло. Быть может, это тоже один из миражей, которыми полна его голова?

Елена боялась заговорить, чтобы не выдать своего волнения. В этот миг от просто сказанных слов монаха перед ней раскрылась истинная суть поездки Дорогова и его друга. Они едут за платиной! Зайковский руководит ими издали. Теперь он предупреждает их об опасности и опасность эта исходит, очевидно, от людей, которые хотят помешать!

Эти мысли промелькнули в мозгу Елены в несколько секунд. Монах, не глядя на нее, продолжал свою речь.

— ...Но дело не в Зайковском, *m-lle Helene*... Вы говорили Кранцу, что труп увезет некий Лю. Этот Лю прекрасно известен Кранцу. Он связывает его и, главное, его родственников с каким-то «Голубым драконом»! Кранц прямо сказал мне: «Лю — это “Голубой Дракон”». Что это? Шайка, общество, секта? Кранц не объяснил ничего и я не мог добиться от него по этому поводу ни слова. *M-lle Helene*, нельзя пропускать таких слов мимо ушей! Пусть Кранц полу-сумасшедший, больной старик, но он — знаток этих дебрей. Его намек — ценнее целой статьи профана... Да, *m-lle Helene*, по совести, я должен повторить вам мой совет: поезжайте в Ханькоу и обращайтесь к властям. В этом нуждаются те, кто поехал с Лю дальше. Я еду в Гуй-Чжоу. Приложу все усилия, чтобы догнать ваших спутников и предупредить или даже вернуть их.

Слова монаха повергли Елену в смятение. Все, что он советовал, было правильно и необходимо. Но как могла она возвращаться, терять время, чтобы отвратить эту новую, неведомую опасность, пренебрегая другой, не менее серьезной бедой, которая обрушится на головы Дорогова и Тенишевского из-за того, что поручение Зайковского не дошло до них. Доверить это поручение ему? Но этого она не могла сделать. Ведь Кранц говорил ей о Зайковском, он также может сопоставить все, как это сделала она, и тогда он догадается, зачем едут эти люди в Гуй Чжоу... Она не имеет права доверять такую тайну первому встречному, пусть даже монаху...

Елена молчала, не в силах справиться с этими охватившими ее сомнениями.

Монах встал.

— Пойдемте, *m-lle Helene*, — проговорил он участливо, — вам надо отдохнуть и успокоиться. На моем сампане вы найдете обед и отдых. Потом мы обсудим еще, как помочь вам и вашим друзьям. И я уверен, что с Божьей помощью выход будет найден.

И, видя, что она от усталости и волнения едва стоит на ногах, монах переложил четки в левую руку и бережно поддержал Елену.

Часть третья

СОКРОВИЩЕ ГУЙ-ЧЖОУ

I

Ослепительное, разъяренное солнце, весь долгий, безоблачный день терзавшее распластанный под ним необозримый Хунань, уходило на покой. Отбрасывая сноп косых лучей, оно медленно тонуло за горизонтом в золоте реки и силуэты дальних парусов, еле видные в плещущем сиянии, то исчезали в этом огненном потоке, то возникали в нем снова. На востоке из-за изумрудных холмов, цепью уходивших вдаль, всплыvalа луна. Бронзовая, огромная, торжествующая...

Дорогов стоял, опершись о шаткие перила узенькой палубы, и безучастно смотрел на воду, на ярко-оранжевые пятна земли, на огненный диск луны и кудрявую зелень холмов. Сочные, густые краски изнемогающей от щедрости природы давно примелькались.

Мысли Павла Александровича были тусклы и медленны. Казалось, июльское солнце, неделю за неделей свирепо пропекавшее его пробковый шлем, покрывшее коричневым, желтоватым загаром его лицо, руки и плечи, иссушило и мозг. Не хотелось думать, напрягать обессиленную фантазию, направлять нить ассоциаций. Дни тянулись ужасающе однообразно. После неожиданной перемены маршрута, когда катер вдруг повернул назад по Сиан Киану, никаких происшествий на нем не было. Лю спешил наверстать упущенное время и «Тун Лун Хва» шел без остановок. Небольшое наводнение догнало их и пронесло мимо Сиан Тана. Ночью они миновали Чан Ша и уже на следующее утро вошли в озеро мимо полузалитого наводнением, грязного и маленького Иен Дяна. Вскоре и живописный простор Тун Тина* с цепью нарядных прибрежных островков остался позади. Длинноногие цапли еще некоторое время маячили на обнесенных плотинами берегах, потом они исчезли. Катер вошел в быстрый, прозрачный Юань.

В Чан Дэ сделали остановку и запаслись провизией. Городок этот ничем не привлек внимания путников. Витрины магазинов тут были бедны и однобразны, старая городская стена невысока и вся облеплена строениями, а местами заставлена глиняными горшками, которыми здесь торговали. Толпы полуодетых ребятишек и взрослых досужих зевак сопровождали европейцев во время осмотра ими города и девушки, которым это, наконец, надоело, вернулись на катер. С открытого места на стене Дорогов и Тенишевский видели бескрайний простор полей и рощ, уходивших на запад. Отсюда начинались тысячетильные дебри, в глубине которых лежала таинственная «земля Тиан», куда стремились их помыслы... Они постояли на стене, Тенишевский сфотографировал рыбака, ловившего рыбу в тинистой луже диковинной счастью. Дорогов купил в городе огромный веер. Терентий вернулся на берег тоже с покупками: он приобрел кошелек для медных денег и с десяток огурцов, фор-

* Озеро Ду-Дин-Ху.

мой и размерами напоминавших саксофоны.

После этой остановки путешествие потянулось медленно и скучно. День следовал за днем без перемен и приключений. Даже постоянные отлучки Лю, которые приводили в такое смущение Тенишевского, стали реже. Он время от времени, правда, делал остановки и съезжал на берег, но всегда ненадолго. Валериан Платонович в конце концов перестал волноваться и даже отказался от своего намерения подкупить Вана для наблюдения за ним. Но в остальном поведение Тенишевского осталось прежним, флирт его с Тасей продолжался и Дорогов с неудовольствием заметил, что советы его пропали даром. Упрямый и своевольный, Валериан Платонович и не думал прекращать своего ухаживания, даже как будто стал подчеркивать его после того, как Павел Александрович поговорил с ним об этом.

Между друзьями вследствие такого поведения Тенишевского прошел легкий холодок. Дорогов, сильно недовольный, отошел в сторону и Валериан Платонович проводил почти все время в обществе девушек один. Он как будто нарочно, из упрямства, не хотел уступать.

Жизнь на катере текла однообразно. Простые условия, лишения в пище и мелких подробностях обихода, неизбежные в подобном путешествии, постепенно создали особый уклад жизни, не имевший ничего общего с тем, к которому все они привыкли в культурном обществе. «Опрощение» это сказалось прежде всего на костюмах. Невыносимая жара, от которой на тесном катере укрыться было некуда, постепенно свела одежду к минимуму. Пиджаки давно висели на гвоздиках, Дорогов и Тенишевский ходили в одних только легких фуфайках без рукавов. Что же касается девушек, то они уже с самого Сиан Тана пугали Терентия своими декольте, а Тася и Маруся щеголяли в купальных костюмах.

К непривычной китайской пище все тоже притерпелись. На купленных в Ханькоу керосинках варили и жарили незамысловатые блюда и вполне удовлетворялись самым примитивным меню, несмотря на то, что в нем совершенно отсутствовало мясо, за исключением свинины*, а хлеб заменяли пресные лепешки.

Картинки путешествия, сменяя одна другую, проплывали в мозгу Дорогова, но ни на одной из них он не остановился. Долгий, утомительно-жаркий день давал себя чувствовать... Физическая усталость брала верх над всем его существом. За последнее время Дорогов приучил себя не думать. Гадать, проектировать? Какая польза в этом? Надо действовать, когда придет время и надо быть во всеоружии сил, когда этот момент настанет. Он нисколько не обольщал себя картинами будущего. В Гуй-Чжоу им предстояла тяжелая и опасная работа, путешествие в горы, полное случайностей, встреча и борьба с английской экспедицией. Последнее было неизбежно, так как англичане везли с юга машину, без которой произвести изыскания с необходимой точностью было невозможно. Все эти тревожные мысли Дорогов научился гнать от себя, вык-

* Достать говядину за Ханькоу — уже нелегкое дело, а в тех местах, о которых идет речь — совершенно невозможно.

лючать, как свет электрической лампочки, понимая, что не время подрывать свои силы бесплодными и беспокойными размышлениями. Отчасти поэтому он пасовал перед своею волей своего друга, пока тот оставался еще в известных границах, хотя в душе и относился к флирту Валериана Платоновича с Тасей резко отрицательно.

Девушки тесно разместились на крохотной треугольной площадке на носу и пели вполголоса. Четко выделялось звонкое сопрано Клавдии. Маруся вторила. Остальные повторяли припев, изображая хор.

Впереди их офицерик молодой,
Он сказал: «Напой, красавица, водой...»

Дорогов старался различить между ними голос Таси. Робкие, чуть фальшивые нотки в припеве — это, конечно, Шура. У нее плохой слух и ее обычно в хор не принимают. Но ей очень хочется петь и она, несмотря на протесты, всегда подтягивает. Густое, мягкое контратальто — Маруся. Она, наоборот, очень музикальна. Клавдия — солистка. Чистый, серебряный голосок ее царит над импровизированным хором.

«Где же Тася? Или она не принимает участия?.. Сидит, обхватив колени руками и курит, глядя на воду?..»

Дорогов не спеша выпрямился и, упираясь рукой в стену рубки, стал пробираться на нос. Возле решетчатой перегородки, отделявшей площадку от палубы, молча опустился на корточки, почти у самых ног рулевого. В темноте, быстро и жадно поглощавшей мир, белели платья девушек, светляком мерцала сигарета в чьих-то руках.

К нам приехал на квартиру генерал,
Весь израненный он жалобно стонал...

Дорогов слушал.

«Странно, в общем... Яркая, насыщенная жизнью природа, пышная лунакитаянка под раскинувшим клешни Скорпионом, быстрая, потемневшая, уже ночная, река... Он, Павел Дорогов, худой, загорелый, сидящий на корточках возле скрипучего штурвала... Эта песня про неведомого “офицерика”, превратившегося уже, гляди-ка, в израненного, седого генерала...

Кто он, этот “офицерик”? Кто сложил про него такую жалобную песню? Стальная песня...

Плотный, щетинистый строй черных киверов, звяканье стремян, тяжелый пар конского дыхания. Горят в лучах морозного солнца ярко начищенные медные орлы и чешуя подбородников...

Вечер... Поздно я стояла у ворот;
По дорожке кавалерия идет.
Впереди их офицерик молодой,
Он сказал — “Напой, красавица, водой...”

— звонким тенором выводит Красиков.

“...Он сказал — «Напой, красавица, водой...», — дружно подхватывает эскадрон. Здесь же и “офицерик”. Вот он:

На вороном, поджаром “Громобое”, в туго перетянутой ремнями длинной шинели — поручик Павел Александрович Дорогов...

Только отчего тогда эта песня звучала совсем по-иному? Как случилось, что сидит он здесь, плывет на катере-инвалиде по неведомой реке на краю земли?.. Ах, да — это было тысячу лет тому назад, в 1919 году...»

Дорогов отмахнулся от темной мысли, как от мухи.

Девушки замолчали. Стало слышно, как журчит и булькает вода, рассекаемая носом катера.

Клавдия прервала молчание.

— Девочки, давайте еще раз то же самое. Хорошая песня... Ее пели у нас в станице, на Имане... Я еще совсем маленькая была.

Маруся вмешалась.

— Довольно... Лучше «Some of these days»...

И, не дожидаясь ответа, тихо запела:

— Some of these days, you called me «honey»...*

— Твой «honey» сейчас в Чифу, — перебила Шура. — Второй месяц уже. Мне Верка писала в Ханькоу — весь флот там.

Она вздохнула.

— У Ли сейчас все столики заняты...

— Вы все свое, — засмеялась Ангелина. — Флот, матросы. А вы попробуйте, покрутите любовь с китайцами от скуки!

— Ну и что? — вскинулась Маруся. — Матросы молодцы! Кто мне из Чифу удрать помог? А твоей Верке кто денег дал, когда она болела? Русские? Боюсь!

— Ну и дура! — отрезала Клавдия. — Нашла чем хвастать: «Американцы помогли». Знаем их помошь.

— Сама ты дура, оттого и ругаешься, — огрызнулась Маруся.

Дорогов вмешался.

— Перестаньте, ребята! Скажите лучше, где Тася. Не видели?

Маруся обернулась.

— Вы здесь, Павел Александрович, а мы и не заметили... Тася тут была все время.

— Она спит, наверное, в каюте, — сказала Клавдия. — Павел Александрович, дайте сигарету.

Дорогов протянул ей свою жестянную коробочку-портсигар.

— Спасибо... Маруська, дай прикурить.

С левого борта шумно всплеснула рыба. Ангелина испуганно схватила Дорогова за руку.

— Ах!.. Рыба...

Все засмеялись. Дорогов встал, почти упираясь головой в навесик над штурвалом.

* «Иногда в те дни ты называл меня милочкой...» (англ.). (Прим. ред.).

— Ну, ребята, я — спать. Не сидите долго и вы. Завтра рано разбужу.

Он стал пробираться назад вдоль борта. Вслед ему раздались голоса:

— Спокойной ночи, Павел Александрович!

— Приятных снов, Дорогуша!

У дверей каюты он задержался. Неожиданно почувствовал голод.

«Да... Закушу...»

В каюте было темно и душно. Дорогов снял с гвоздя сумку и фляжку, отхлебнул глоток ханшина и, поморщившись, закусил вяленой рыбкой и лепешкой. С минуту постоял в дверях, набивая трубку, потом достал из кармана спички. Внутренность каюты слабо осветилась. На единственной койке, раскрыв рот, спал Терентий. Кроме него, в каюте никого не было.

«Где же Тася?.. Да где и Валериан?» — тотчас спросил он сам себя с досадой и решительно вышел из каюты.

На полпути к корме он услышал приглушенные голоса. Тася, с распущенными волосами, в легком платьице без рукавов и с открытой спиной, стояла на кормовой площадке. Совсем близко, касаясь ее плеча, облокотился о перила Тенишевский. Невнятно, с паузами, гудел его баритон. Тася смеялась. Плед и подушка Тенишевского лежали тут же на досках настила.

Дорогов остановился.

— А вам что до того? — услышал он голос Таси. — Я человек самостоятельный. Отчета давать никому не буду.

— Да я вас его и не спрашиваю, — отвечал Тенишевский, — просто любопытно...

— Это у вас нянька есть, — засмеялась Тася. — Что вы со мной тут стоите? Вот Павел Александрович вас как турнет!.. Вы думаете, я не знаю, как он вас отчитывал?

Тенишевский тоже негромко засмеялся.

— А посмотрите-ка на луну, Тасенька, — сказал он, — что вы там видите?

И, когда она запрокинула голову, он быстро и крепко поцеловал ее в губы.

— Что вы, Валериан Платонович?! — испуганно вскрикнула Тася, но тотчас же понизила голос до шепота. — Как не стыдно?..

Но не отстранилась. И когда Тенишевский бронзовой от загара рукой обнял ее за талию, она только слегка, на момент, уперлась ему в грудь ладонями.

— Валериан!!!.. — грозно бросил Дорогов и шагнул вперед. Ветхая палуба заскрипела под его ногами.

Они отшатнулись друг от друга.

По тону окрика Тенишевский понял, что Павел Александрович видел всю сцену. Но он не испугался. Наоборот, радостная волна задора подхватила его и взвинтила нервы. Выпрямив стройный, полуобнаженный торс, откинув погязанную полотенцем голову, он обернулся к Дорогову.

— Что, Павел? — звонко и вызывающе ответил он.

II

Весь этот вечер Ван чувствовал себя очень неважно. Когда солнце стало опускаться, Лю, как всегда, распорядился занять места для ночлега на крыше рубки. Ван отыскал прикорнувшего на палубе Терентия и приказал ему разостлать циновки. Потом, при помощи того же Терентия, он взобрался на крышу, сел, поджав ноги и закурил трубку...

Лю поднялся тотчас вслед за ним и молча лег на циновку, подложив под голову соломенную подушечку. Вану не хотелось спать, тревожные мысли пре-возмогали утомление.

Разговор европейцев, подслушанный им случайно почти месяц тому назад, гвоздем сидел у него в мозгу все время. Ничто, правда, не подтверждало его панических заключений и Ван понемногу стал даже успокаиваться, но сегодня, проходя мимо каюты, он ясно увидел, как Тенишевский клал свой револьвер в футляр от аппарата. Один вид ужасного оружия поверг Вана в такой трепет, что, сам не зная как, он очутился перед г-ном Лю и шепотом доложил ему о том, что он знал, перенеся для большей убедительности весь слышанный им разговор на вчерашний день. Но отношение хозяина к этому сообщению вселило в душу Вана еще большее смятение. Несмотря на то, что из доклада Вана ясно вытекало, что европейцы что-то подозревают и даже готовятся к каким-то действиям, Лю даже не распорядился их обезоружить. Он вообще никак не реагировал на взволнованную речь Вана и не отдал никаких приказаний. Его слова можно было понять и как похвалу, и как порицание.

— Благодарю вас, — сказал он равнодушно, — вы усердны сверх меры.

Страх перед европейцами, начинавший уже успокаиваться, охватил Вана с новой силой.

«Ведь это значит, что г-н Лю сам боится этих чертей! — размышлял он тоскливо. — Иначе почему же он не решился призвать их тотчас же к ответу, уличить и наказать?»

Нагнав на себя таким образом панику и трепет, Ван стал искать возможностей спасения от неотвратимой, как ему казалось, опасности. Лю, за спину которого он до сих пор считал уместным спрятаться в случае беды, оказался ненадежен. Конечно, он мог иметь свои соображения, но Ван знает европейцев лучше. Они, особенно русские, не любят долго исследовать явления и не интересуются подробностями. Им и в голову не придет разбираться в том, какую маленькую роль играет он во всех делах Лю Цен Тао. Все окажутся у них виноваты одинаково... А вдруг они узнают или догадаются, что Елена не бежала с Книжниковым, как все думают, а похищена У Цзы Фу по распоряжению самого г-на Лю! Что будет тогда?

Ван искоса посмотрел на Лю. Тот лежал на своей циновке неподвижно, хотя Ван отлично видел, что он не спит. Но если он и не имел в виду нарочно изображать спящего, то, во всяком случае, разговаривать не собирался. Заговорить с ним сам Ван не решался, по опыту зная, что из этого ничего не выйдет.

дет. Ван ясно вспомнил твердое, решительное выражение лица Лю в памятный вечер исчезновения Елены, когда он в темном переулке отдавал последние распоряжения У Цзы Фу. Воспоминание это заставило Вана почувствовать себя крайне не в своей тарелке.

«Каверзы со стороны европейцев можно ожидать тоже каждую минуту, — рассуждал он. — Никто не может сказать, что они сделают. Хорошо, если просто высадят их с Лю на берег. А если вот сейчас, сию минуту, над краем крыши появится голова Тенишевского, скажет несколько бессмысленных, грубых слов и всадит ему в лоб пулю?.. И этот человек, от которого зависит ничего подобного не допустить, лежит на циновке, как ни в чем не бывало, и даже не хочет разговаривать!»

Ван поморщился от неприятной дрожи, пробежавшей по спине.

«Нет, очевидно, что надо действовать самому... И в первую очередь обезопасить себя от револьверной стрельбы. Побьют — это не так страшно».

Заблудившись окончательно в этих противоречивых и маловероятных перспективах, Ван принялся действовать: демонстративно громко он постучал потухшей трубкой об основание мачты, с шумом продул ее и долго обшаривал свои карманы.

Лю не шевелился.

— Где же табак? — пробурчал Ван нарочно отчетливо. — Оставил внизу, наверное...

После этих слов, преувеличенно медленно он стал спускаться с крыши.

Очутившись на узкой палубе, Ван осмотрелся. Девушки собрались на носу и пели хором, Дорогов стоял один, облокотившись о перила на противоположном борту и его было видно сквозь рубку рулевого, Тася шла вдоль борта на корму, Тенишевский следовал за нею с пледом и подушкой, поддерживая ее свободной рукой. Оба скрылись за углом надстройки.

Минуту Ван постоял в нерешительности, затем, крадучись, спустился в кочегарку, вполголоса попросил у голого, истекающего потом мальчишки-машиниста плоскогубцы и вернулся с ними на палубу. В каюте, где были сложены вещи и сквозь стущающийся сумрак виднелся спящий на койке Терентий, Ван снял с гвоздя сумку Дорогова и, как и ожидал, отыскал в ней кольт Павла Александровича. Торопясь и поминутно оглядываясь на Терентия, он разобрал его на части и, с усилием налегая на свой обросший слоем масляной грязи инструмент, сломал боевую пружину. Потом снова собрал револьвер, протер его чьим-то одеялом и положил на место.

Совершив все это, Ван некоторое время стоял в темноте каюты, тяжело дыша и прислушиваясь. Вокруг было спокойно. Он нашупал на столе полотенце и отер им пот со лба. Под полотенцем неожиданно обнаружились рассыпанные револьверные патроны. Это открытие наполнило его новым страхом. Еще раз горько вздохнув, он принялся отыскивать футляр от фотографического аппарата, в котором Тенишевский хранил свой револьвер.

Мудреный, никогда не виданный Ваном парабеллум упорно не поддавался его усилиям и не хотел разбираться. Наконец, в нем что-то щелкнуло и Ван тотчас опасливо отдернул руку (чего доброго, распадется вдруг на части и по-

том не соберешь!..) Это вполне разумное опасение заставило его переменить тактику. Осторожно он извлек из револьвера обойму.

Палуба неожиданно заскрипела под чьими-то шагами. Ван едва успел затолкать обойму назад, наспех сунуть оружие в футляр, и, схватив рассыпанные патроны в кулак, прижался в угол.

В каюту вошел Тенишевский. Быстро огляделся и не замечая замершего в темноте Вана, он выволок свой чемодан из-под койки, взял со стола футляр с револьвером, спрятал его и запер на ключ. Потом постоял минуту, подумал и, вынув из сумки кольт Павла Александровича, тоже засунул в чемодан. Проверил замки и быстро вышел.

Ван вылез из каюты весь в холодном поту.

— Ай-а... — вздохнул он облегченно, подставляя лицо под свежий ветерок. Постоял, отышался и, сжимая в кулаке скользкие от пота, тяжелые патроны, полез на крышу.

Лю продолжал неподвижно лежать на циновке.

Ван присел на свое место, снова шумно продул трубку и стал набивать ее. Закончив эту операцию, он чиркнул фосфорной спичкой об крышу и тут увидел, что г-н Лю перевернулся на спину и смотрит на него.

— Уважаемый г-н Ван, — сказал он спокойно, — вы, я слышал, ходили за табаком. Не одолжите ли мне на несколько затяжек?

Ван протянул ему свою роговую коробочку... Лю вытащил из-за пазухи серебряную трубку с янтарным мундштуком, собрал оставшиеся на дне коробочки табачные крошки, аккуратно набил ими трубку, невозмутимо перевел взоры с пустой коробочки на Вана, потом снова на коробочку и возвратил ее, на конец, владельцу.

— Отличный табак, — сказал он, — благодарю вас.

Минут пять оба молчали. Потом г-н Лю заговорил.

— Я удивляюсь, глядя на вас, уважаемый г-н Ван. Вы провели так много лет среди европейцев, так хорошо знаете их язык, что я справедливо ожидал от вас хотя бы поверхностного знания их нравов и души. Вместо этого я все более убеждаюсь, что вы готовы перенять от них только бессмысленную суетливость и вредную поспешность. Это не делает вам чести, уважаемый г-н Ван. Вы старше меня годами и, прежде чем начать поучать вас, я долго сам ожидал от вас мудрого слова, которого до сих пор, к сожалению, не услышал. Я отдаю должное предприимчивости белых. Она сделала их государства великими и сильными. Но под белой кожей, уважаемый г-н Ван, души их чернее, чем душа любого разбойника из гор моего родного Гуй-Чжоу. Если верить вашему донесению, которое, кстати, кажется мне очень преувеличенным, наши спутники скоро станут грызть друг другу горло из-за любви белокурой девушки. Это только доказывает справедливость моего мнения о них. Может быть, это с их точки зрения — необыкновенная девушка, но разве освещенная годами дружба мужчин не выше, и неизмеримо выше, любви самой прекрасной женщины!

Он сделал длинную паузу.

— Уважаемый г-н Ван, — продолжал он через минуту обычным, ровным

своим голосом, — даже если вы ошиблись и все то, что вы передали мне относительно намерений европейцев только плод вашего волнения, то и тогда перед нами достаточно данных для того, чтобы судить, чего стоит вся их по-золота. Здесь, в этой простой обстановке, она слезает с них, как кожа со змеи. Я не обольщаюсь на их счет, уважаемый г-н Ван, и считаю их вполне способными на любой безрассудный поступок, но я не думаю, что они настолько глупы, что решатся напасть на нас из-за нелепых подозрений и рискнут остаться одни в незнакомой им стране, где за тысячу ли вокруг никто даже не поймет их речи. Я не говорю уже о том, что успех такого нападения крайне сомнителен. Поэтому неразумно отнимать у них револьверы, которые они скорее употребят друг против друга, чем против нас. Пусть остается у них возможность поступать сообразно с нравами и обычаями их родины. К тому же, уважаемый г-н Ван, на вашей безопасности это не отразится никак. Украдите у них оружие и они выкинут вас за борт, может быть, именно потому, что заподозрят в пропаже револьверов. Я не говорил бы вам всего этого, если бы мог увидеть с вашей стороны мудрую рассудительность, свойственную вашему возрасту. Но вместо того, чтобы спокойно отдыхать, накопляя силы, вы малодушно предаетесь страху! Уважаемый г-н Ван, я хочу предостеречь вас от неразумных поступков.

— Вы правы, — смущенно заговорил Ван, выслушав эту длинную речь и вспомнив об испорченном им только что револьвере. — Единственное возражение, которое я решаюсь сделать вам, уважаемый г-н Лю, заключается в том, что всякую опасность следует уничтожать в корне. Поэтому, подчиняясь мудрому голосу осторожности, ялагаю сегодня же ночью задушить этих гнусных людей и сбросить их в воду.

Г-н Лю взглянул на него пристально и казалось, прочел его мысли.

— Я буду говорить с вами языком, который вам более понятен, — сказал он, не повышая голоса. — Безразлично, что делали вы там внизу, наливали воду в их патронные запасы или что либо еще более глупое. Во всяком случае, если я еще раз услышу от вас что-нибудь подобное словам, которые вы сейчас сказали, уважаемый г-н Ван, — я повешу вас за ноги на мачте.

Он замолчал и отвернулся.

Ван некоторое время сидел, ошарашенный. Потом способность соображать понемногу возвратилась к нему.

«Не лучше ли перейти на сторону европейцев? — подумал он. — Сейчас пойти к ним, признаться в порче револьвера, свалить все на Лю, связать его и ехать всем назад на этом же катере... А вдруг европейцы откажутся? Ведь могут не поверить... К тому же, им самим зачем-то надо в Гуй-Чжоу. Для чего, например, они везут с собою тяжелый сундучок и эту старую обезьяну, Цзы Лин Тая?.. Но если запугать их, сказать, что Лю бандит? А если это и в самом деле правда?»

Ван задал себе множество вопросов, на которые ответа не находил. При мысли о том, что Лю — бандит, у него прошли по спине мурашки.

«Лю сказал: “Повешу вас за ноги на мачте”... За ноги!.. Как может он это сделать? Лю худенький и щуплый, Ван мог бы одним щелчком повалить его.

Но Лю сказал — “Повешу” — и спокойно улегся спать. Значит, может. Этот человек не волк и не тигр, — рассуждал Ван, — но при взгляде на него болит голова!

Бежать?! Потихоньку, одному... Тогда прощай сто долларов жалования, новое пальто на зиму, поцелуй шанхайских проституток, теплая комната, маджан... * Все, что ждет его осенью по возвращении из поездки. Опять голодать, скитаться?! Деньги составляют храбрость человека, хорошее платье — важность. Без храбрости и важности человек превращается в кучу сора!.. **»

Поездка получалась совсем не такая приятная, как он ожидал.

«Мышь! — в тоске решил он. — Это она все напутала и перевернула».

Грустные мысли эти были прерваны самим г-ном Лю.

— Вы видите,уважаемый г-н Ван, — сказал он безучастно, как всегда, — там, справа, большой сампан, который вышел из-за мыса? Я готов спорить с вами на тысячу долларов, что это пираты.

Лю приподнялся на локте и протянул руку, указывая вперед.

— Пираты?!.. — переспросил Ван в совершенном смятении. — Уважаемый г-н Лю, может быть, вы ошиблись?

— Может быть, — согласился Лю, — но я знаю эти места. Что могли делать эти люди за мысом? Сампаны ходят здесь другим берегом. Потом, обратите внимание, они очень спешат. Подняли парус и еще помогают веслом. Мирным рыбакам нет надобности так спешить. К тому же, на сампане нет огней. Уважаемый г-н Ван, я все-таки думаю, что это пираты. И по направлению, которого они держатся, могу заключить, что они собираются напасть на нас.

Ван выронил трубку.

— Г-н Лю, вы шутите!

— Не «г-н Лю», а «уважаемый г-н Лю», — поправил тот спокойно. — Страх заставляет вас позабыть о вежливости. Нет, к сожалению, я не шучу.

Это был, поистине, ужасный день. Ван вскочил на ноги.

— Г-н Лю! — возопил он, совершенно забыв обо всякой вежливости. — Мы должны спасаться, защищаться!.. Надо сказать европейцам, предупредить их!!

— Защищайтесь, — сказал Лю по-прежнему равнодушно. — И если вы еще не лишили европейцев оружия, как собирались, то возможно, что они и отобьют нападение. Во всяком случае, это будет лучшим применением их энергии, чем ссоры из-за белокурой девушки.

Он снова лег на циновку.

III

Дерзкий,зывающий тон Тенишевского был последней каплей, переполнившей чашу терпения Дорогова. Сжав кулаки, он решительно двинулся

* Маджан — весьма распространенная китайская игра наподобие домино.

** Китайская народная пословица.

вперед. Тася, отскочивши к самой корме, ухватилась обеими руками за перильца и смотрела на них молча, блестящими глазами.

В этот критический момент, над головой Дорогова показались огромные, подбитые гвоздями башмаки, потом ноги в смятых парусиновых брюках и с крыши рубки, прямо на Павла Александровича, свалился Ван. Дорогов едва устоял на ногах под этим грузным натиском. Ван несколько раз взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие, уцепился за Дорогова, потом за стену рубки. При этом патроны, которые он все время машинально сжимал в кулаке, со стуком разлетелись по всей палубе и тотчас же поскатывались за борт. Никто даже не успел разглядеть, что это такое г-н Ван рассыпал. Кончил он все-таки тем, что растянулся под ноги Тенишевскому. Валериан Платонович отступил, удивленный. Тася громко засмеялась.

Но Вану было не до смеха. Лицо его было перекошено, глаза широко открыты. С несвойственной ему быстротой он вскочил на ноги и, снова уцепившись за Дорогова, зашептал сбивчиво и хрипло:

— Пираты... Ай-а!.. Пираты... Вон там... Ай- а!.. Ай-а!..

Все разом обернулись.

Спереди, с правого борта, наперерез катеру налетал большой узкий сампант под неуклюжим темным парусом. На нем не видно было огней. В густом сумраке с трудом можно было различить на носу его несколько фигур. Высокий силуэт, ловко балансируя багром, перебегал с кормы по узенькой полоске борта.

— Павел! — решительно скомандовал Тенишевский. — Беги к штурвалу и поворачивай назад. Я буду отстреливаться отсюда. Постараюсь свалить у них рулевого. Ничего, удерем!

Оттолкнув с дороги растерянного, трясущегося Вана, Валериан Платонович бросился в каюту за оружием. Торопливо открывая чемодан, он отдал Терентию распоряжение:

— Бегом вниз! Если мерзавец-мачинист вздумает застопорить машину — по шее его как следует!

Дорогов был уже на носу. Отстранив перепуганного рулевого, он взялся за штурвал. Тенишевский подбежал и сунул ему в карман револьвер.

— Держись, Павел! Терентий внизу, в машинном. А я им задам сейчас перца!!

— Ребята! — обернулся он к девушкам, которые столпились, ничего не понимая, на узкой площадке. — Марш в каюту! Пираты нападают! Живо!!

— С Богом! — крикнул ему вслед Дорогов.

Возле дверей каюты Тенишевский задержался и бросил на стол ключи.

— Шура, Маруся! В моем чемодане патроны, в банках от какао. Скорее!

И, не дожидаясь ответа, он поспешил на корму.

Тася стояла все в той же позе, спиной к перилам, внимательно рассматривая приближившийся сампант. На досках палубы ничком лежал Ван.

— Тася! — воскликнул Валериан Платонович. — Сейчас же в каюту!

Она не тронулась с места.

— А кто из вас храбрее, Валериан Платонович, — спросила она, — вы или

Павел Александрович? Я думаю, что он. Вы больше — на языке.

Она нервно засмеялась. Тенишевский рассердился.

— В каюту, говорю вам! Тут стрельба будет.

Он схватил ее за руку. Тася ухватилась за перила.

— Я в каюту не пойду. Пустите руку... Говорю, не пойду... Догонят, так я все равно — в воду, что отсюда, что из каюты. А если уйдем — здесь интереснее будет. Посмотрю я, какой вы такой храбрец.

Тенишевский почти силой повалил ее на палубу.

— Закройтесь подушкой, по крайней мере, сумасшедшая!

Очнувшись за штурвалом, Павел Александрович оценил положение. Оно было не блестящее. Хотя мальчишка-механик, видимо поощряемый тумаками Терентия, и прибавил ходу, но старенькая машина не могла уже дать большего. Возможность проскочить была очень гадательна. Сампан подходил по диагонали, оттесняя катер от берега, вдоль которого шел фарватер, к длинному песчаному острову, тянувшемуся слева*. Если бы Дорогов попытался прорваться между преследователями и островом, он рисковал посадить катер на мель. Повернуть сразу и уходить по течению он тоже не мог. Времени, необходимого для этого маневра, было бы вполне достаточно, чтобы быстро несшийся сампан настиг их. Вдобавок, Дорогов сильно сомневался в том, что развалина-катер сможет, даже если успеет повернуть, уйти от легкого парусного сампана. Уходить пришлось бы по ветру, который с каждой минутой крепчал.

Оставалась одна возможность: плавно заворачивать, не уменьшая хода, насколько позволит ширина протоки и в последний момент, когда пираты уже будут настигать их, неожиданно повернуть задним ходом и пропустить сампан мимо, рассчитывая на меткость выстрелов Тенишевского, которому, может быть, удастся помешать пиратам использовать опасный момент поворота.

Дорогов решительно положил руль налево и начал заворачивать к острову.

Но на сампане зорко следили. На носу его виднелись люди с баграми, а с кормы протянулось длинное, неуклюжее весло. Сгибаясь под напором десятка сильных рук, оно быстрыми взмахами погружалось в воду и разбрасывало искристые брызги. Сампан прибавил ходу.

— Тян-дя!** — донесся с сампана грубый и громкий голос.

— Терентий, — позвал Дорогов в жестяную трубку, заменявшую машинный телеграф.

— Мастер Дорогов? — отозвался Цзы Лин Тай из глубины.

— Когда я скомандую «стоп», пусть машинист стопорит как только может скоро и — полный ход назад. Растолкуйте ему.

— О'райт, мастер Дорогов, — отвечал голос из трубы.

— Остановитесь! — снова раздалось с сампана и в подкрепление к этому

* Тот, кто видел, как рыбаки и перевозчики пассажиров на Ян Цзе на своих сампанах ночью пристают к идущим полным ходом пароходам, не удивится этому пиратскому маневру, требующему большой верности глаза и твердости рук.

** Остановитесь! (Мандар. — «Цан-цзя»).

окрику на нем сверкнул огонек. Грохнул выстрел. Пуля ударила в железные перила рубки и с визгом унеслась во мрак. С кормы катера сухо щелкнул ответный выстрел Тенишевского. Среди гребцов на сампане произошло смятение. Кто-то упал. Весло нелепо поднялось и повисло в воздухе. Но прошло несколько секунд и оно снова стало мерно погружаться.

«Молодец Валериан», — подумал Павел Александрович.

На сампане низко и раскатисто прогремел винтовочный выстрел. За ним второй, третий, четвертый. Пираты открыли огонь. Стреляли теперь на корому, в Тенишевского. Валериан Платонович не отвечал.

«Неужто подстрелили?» — с тревогой подумал Дорогов, высунулся из окна рубки и извлек из кармана свой кольт.

Внутри револьвера что-то заело. Курок не нажимался. Павел Александрович крепко выругался и стукнул рукояткой об штурвал. Это не помогло. Заелоочно.

«Разбирать некогда, — мелькнуло в голове у Дорогова. — Дрянь дело... Одна надежда на машину».

— Терентий, — позвал он в трубку, — пусть машинист приготовится.

— О'райт, мастер Дорогов, — раздался голос Цзы Лин Тая.

Шура и Клавдия, стоя на коленях в тесной темной каюте, торопясь и мешая друг другу, выбрасывали вещи из чемодана Тенишевского. Ангелина, вся в слезах, дрожащими руками светила им, беспрестанно зажигая спички. Маруся сидела на койке, безучастно глядя перед собою.

Коробки с патронами куда-то запропали.

Тенишевский видел, как упал один из гребцов на сампане и тут же решил не давать им времени опомниться и стрелять беспрерывно, но после первого же выстрела с револьвером что-то случилось. Еще утром Тенишевский проворял его и знал, что обойма заряжена. Тем не менее, револьвер щелкал и не стрелял.

— Черт!! — выругался Тенишевский и вынул обойму. Она была пуста.

«Забыл зарядить, — с недоумением подумал он. — Быть не может. Что за ерунда?.. Отчего же Павел не стреляет?»

— Маруся! — позвал он. — Шура! Скорее!!

— Не можем найти... — отозвалась Шура.

Уже явственно доносилось покрикивание гребцов на сампане.

— Ой ха!!.. Ой хэ!!.. — дружно кричали они, враз налегая на тяжелое весло.

— Ой ха!!.. Ой хэ!!..

Катер поворачивал и шел уже почти поперек течения. Сампан, накренившись под напором ветра, настигал его с кормы.

— Что же вы? — спросила Тася и голос ее зазвучал смесью страха и злобы.

— Патроны растеряли? А тот, Дорогов? Заснул?.. Защищайте нас! — вскрикнула она вдруг. — Вы мужчины!.. Защищайте же!

Сампан налетал, как птица. Стрелять оттуда перестали. Высокий человек с багром ждал момента, мелко переступая на месте. Рядом с ним коренастый полуголый мужчина с маузером в руке и с головой, повязанной темной тряпкой, стоял, широко расставив ноги.

— Ой ха!.. Ой хэ!.. — изо всех сил надрывались гребцы.

Тенишевский, зажав дуло револьвера в руке, встал во весь рост и загородил собою Тасю.

В этот момент из каюты вихрем выскочила Маруся. Волосы ее были расстрепаны, глаза сверкали. Она бросилась к Тенишевскому и схватила его за руку, размахивая какой-то железной палкой.

— Валериан Платонович! Я тоже с вами. Я буду защищаться... Я дура, дура, идиотка... Во всем виновата...

Тенишевский не понял ничего, да и не имел времени понять.

Высокий китаец на сампане вертикально поднял багор.

— Стоп! — бросил Дорогов в трубку и положил руль направо.

Утлая машина заскрипела. Из разбитых пулями окошек машинного отделения вырвались горячие белые клубы. Даже в узкую трубку телефона на Дорогова пахнуло жаром. Глухой удар сотряс весь корпус катера. Мальчишка-машинист на полном ходу дал контр-пар и сорвал машину с подшипников.

Гребцы на сампане бросили весло.

— Та!.. Та!.. — кричали они в остервенении.

«Проклятая Мышь! Я погиб!» — в последний раз подумал Ван. Он плотно прижался к доскам палубы и закрыл лицо руками.

Но здесь случилось нечто совершенно необъяснимое.

— Пей Фу Кай! — услышал вдруг Ван над собою знакомый голос. — Пей Фу Кай, так это ты ?

Г-н Лю появился во весь рост на крыше рубки. Ветер трепал тонкие полы его халата, рвал мелкие оранжевые искры из трубки, которую он держал в поднятой руке.

— Это ты? — кричал он, до хрипа напрягая свой слабый голос. — Клятво-преступник! Грабитель! Тебе надоело носить на плечах свою грязную кожу, сын кролика? Или ты до сих пор не видишь, кто я? Ты не ждал встретить меня здесь, низкий человек?

Он с силой ударили себя кулаком в грудь и целый фейерверк искр вылетел из его трубки.

— Я — Лю!.. Лю Цзен Тао!!

Пираты перестали кричать. Несколько секунд прошло в молчании. Потом с глухим шелестом парус на сампане упал. Темный сампан остановился, медленно повернулся и стал удаляться по течению.

Ни одного звука не раздалось оттуда в ответ.

IV

Игристо и ласково расплескивая стеклянно-прозрачные ряды пронизанных солнцем волн, с тяжелых массивов Му-Лин-Шаня* торопливо струился

* Му-Лин-Шань и Мяо-Лин-Шань — горные хребты, восточные отроги Гималаев.

полноводный Юань, главная артерия потного, неподвижного тела Хунаня. Затаив в себе призраки многофутовых внезапных наводнений, он копил жи-вотворную влагу, благодетельную сырость для неисчислимых, крохотных рисовых полей, прохладу и бодрость для миллиона муравьев — иссохшего в труде населения.

Июльская жара нависла над страной. Напрасно сельские жители, не жалея тощих кошельков, жгли хлопушки, напрасно с дикой музыкой носили по раскаленным дорогам из села в село пестрых бумажных драконов, неделями жарили на солнце, а потом топили в реке страшных, пузатых идолов в тщетной надежде на то, что в верховьях грянут ливни и притихший, сжавшийся Юань вдруг взревет, вздуется, на десятки ли зальет долины двух-трехдневным наводнением, щедро оросив посевы мутной, илистой влагой. Река текла мирная и прозрачная. Солнце день за днем вставало в безоблачной дали и плыло по небу, грозно сверкая, как занесенный над миром огненный меч.

Легкий сампан, рассекая воду лакированным, задранным кверху носом, медленно продвигался против течения. Кокосовая бечева натянулась как струна. Кули-бурулаки, твердо и мерно ступая по асфальтово-гладкой тропинке, утрамбованной дождями и тысячами ног, упорно шли вперед, то поднимаясь на голые прибрежные холмы, то вереницей спускаясь с них. Крупные, круглые капли пота скатывались по бронзово-черным голым спинам. Островерхие соломенные шляпы, побуревшие, покерневшие под неистовым солнцем, были сдвинуты на затылок.

Сампан спешил. Свыше восьмидесяти ли в сутки — по 20 фен^{*} прибавки на человека.

Елена лежала на носовой палубе сампана под циновочным навесом и смотрела на воду. Брат Андре поместился рядом, сидя обхватив руками колени. Так обычно проводили они бесконечные, однообразные дни.

Путешествие не ознаменовалось пока никакими событиями. В Сиан Тане, после безуспешной попытки еще раз переговорить с Кранцем, Елена решила догонять труппу и монах согласился взять ее с собою. Брат Андре понял, что ею руководит не одно только подозрение, вызванное словами Кранца о таинственном «Голубом драконе», а что существуют какие-то иные причины, заставляющие ее преследовать уехавшую труппу. Он не расспрашивал Елену ни о чем, а просто, как все, что он делал, предложил ей место на своем сампане.

Теодор, молодой китаец-христианин, который ехал с братом Андре в качестве слуги, выяснил, что жители прибрежных кварталов Сиан Тана видели, как катер «Тун Лун Хва», вечером накануне наводнения, полным ходом прошел вниз по течению, не остановившись в городе. Брат Андре направил свой сампан по следам его. Сам он ехал куда-то в глубь Гуй-Чжоу и, по его словам, изменение первоначального маршрута не играло для него роли. Но Елена понимала, что монах распорядился повернуть назад исключительно из желания помочь ей и это в ее глазах еще более увеличивало значение услуги, ко-

* Фен = 1 центу.

торую оказывал ей брат Андре.

В Чан Ша, после долгой беготни и расспросов, Теодору удалось установить, что катер с европейцами не задержался и здесь, а прошел вниз по течению, в озеро. Брат Андре запасся в Чан Ша провиантом и они продолжали преследование.

При входе из озера в Юань он сделал остановку и навестил живших там испанских монахов. Елена сопровождала его на берег. Испанцы приняли путешественников очень радушно. От них они узнали, что «Тун Лун Хва» миновал это место четыре дня тому назад. Из этого стало ясно, что Лю спешил и не останавливался нигде. Сутки, на которые монах и Елена задержались в Чан Ша, дали ему возможность опередить их очень значительно.

Они двинулись дальше. Сведения, которые им дали в Чан Дэ, несколько оживили упавшее настроение Елены. Здесь катер стоял долго, закупалась провизия, европейцы сходили на берег и осматривали город. По единодушным отзывам всех жителей, которые видели проезжих, они были веселы и бодры. Очевидно, все шло у них благополучно.

Здесь только Елена догадалась, что исчезновение ее было, очевидно, понято как бегство с Книжниковым назад в Ханькоу. Поэтому ни Дорогов и Тенишевский, ни сам г-н Лю и не предприняли ничего для ее освобождения.

Не останавливаясь на ночевку в Чан Дэ, брат Андре поспешил дальше. Догнать катер до границ Гуй-Чжоу было нелегким делом. Сампан имел возможность продвигаться вперед только на бечеве, так как ветер в этих местах круглый год не меняет направления и дует с верховьев реки. Пользоваться парусами поэтому не приходилось и паровой катер приобретал в этой гонке крупное преимущество.

Но брат Андре убеждал Елену не отчаиваться. Лю мог сделать остановку. На ветхом катере могла произойти какая-нибудь поломка, в Джи Цзяне легко мог состояться спектакль. Впереди был целый месяц пути и за этот срок при той поспешности, с какой двигался сампан, надежду выиграть разделявшие их 200-250 ли нельзя было считать потерянной.

Кули, в помощь к которым в каждой деревне нанималось еще два-три человека, бодро тянули бечеву. Но жара становилась все нестерпимее, а течение быстрее. Сампан заметно замедлял ход.

Все же, судя по сведениям, которые удавалось получать у встречных лодочников и в прибрежных селениях, они догоняли Лю. Он, очевидно, делал остановки и, кроме того, слабенькая машина катера тоже с трудом боролась с течением. К концу третьей недели пути «Тун Лун Хва» был впереди только на 140 ли.

Теодор вошел, согнувшись, под циновку и поставил на доски палубы деревянный поднос с чайным прибором. Елена стала хозяйничать.

— Благодарю вас, — сказал брат Андре, принимая из ее рук маленькую голубую чашечку с дымящимся ароматным чаем. — Этот горячий напиток утоляет жажду лучше всяких прохладительных.

— Мне до сих пор кажется странным, — ответила она, — что у китайцев многое делается наоборот. Когда мы пьем ледяные напитки, они освежаются

кипятком, мы считаем время по солнцу, они — по луне, мы одеваем в знак печали черное платье, они — белое, они пишут сверху вниз, почетной стороной считают левую. Здесь, в этих краях, я не видела еще ни одной лошади, зато крестьяне ездят верхом на коровах. Китайцы не похожи ни на один народ, они как будто жители другой планеты.

— Вы правы, — согласился брат Андре, — то, о чем вы говорите, прежде всего бросилось в глаза европейцам при первом их знакомстве с Китаем. Я сам не знаток Китая и путешествую здесь впервые, но интересовался этой страной и кое-что читал еще в Европе. Пешель в своем «Народоведении» называет китайцев автодидактами* и он, безусловно, прав. Все европейские и азиатские народы в своем развитии соприкасались между собою, влияли друг на друга, заимствовали один у другого в большей или меньшей степени. Китайская культура совершенно самобытна. Поэтому-то она так и не похожа ни на какую другую культуру. То о чем вы говорили, конечно, мелочи, но мелочи чрезвычайно характерные. В последнее время Китай нарушил свою вековую замкнутость, жадно стремится приобщиться к культуре других народов и делает в этом направлении большие успехи. Это очень заметно в больших городах. Мне пришлось проезжать через Нанкин, нынешнюю столицу. Асфальт, электрическое освещение, постройки в современном стиле, много автомобилей, говорящее кино. Правда, наряду с этим вы можете встретить еще многое старое, даже архаическое. Прежний уклад жизни держится крепко, борьба с ним — дело нелегкое. Многие века китайский народ шел по своему хорошо проторенному пути, в стороне от других народов, и свернуть с этого пути ему удастся только ценой продолжительных и упорных усилий. Ведь китайская история обнимает период около трех тысяч лет! Китай — самое древнее государство в мире. Консерватизм, любовь к старине в крови у каждого китайца.

— Раз китайцы вступили на путь общения с другой культурой, — заметила Елена, — мне кажется, что новое в конце концов победит. Жизнь не идет назад.

— Безусловно, — сказал монах, — тем более что дверь, через которую в Китай проникла европейская культура, теперь широко открыта. Нанкин произвел на меня сильное впечатление. Не внешним своим видом — он невелик и после Шанхая выглядит настоящей провинцией, а особенным духом новой жизни, побеждающим старую, который чувствуется в этом городе. Когда я был в Нанкине, мне пришло в голову, что так, вероятно, выглядела ваша родина, Россия, во времена царя Петра, которого вы называете Великим Преобразователем.

— Вы делаете смелое сравнение, — улыбнулась Елена, — допетровская Русь совсем не была отгорожена от остального мира такой стеной, как дореформенный Китай.

— Я не настаиваю на моем сравнении, — уступил брат Андре, — я хотел только подчеркнуть впечатление от поворота, который чувствуется сейчас

* Автодидакт — буквально «самоучитель», научивший сам себя.

в Китае и особенно сильно в таких городах, как Нанкин.

Елена снова налила в чашечки светлого пахучего чая.

— Я не бывала никогда в Нанкине, — сказала она. — Мне приходилось много ездить по Китаю, но жила я только в тех местах, где много иностранцев, есть европейские магазины и отели: в Тяньцзине, Циндао, Шанхае, Гонконге.

— О да, это совсем не то, — ответил монах. — Но между Нанкином и этими местами, по которым мы сейчас путешествуем, тоже огромная разница. Сюда не проникли еще новые веяния, здесь люди живут так, как жили они сотни лет назад. Когда я гляжу на эти берега, мне кажется, что я читаю описания Марко Поло. Исчезли только косы. Но в тех местах, куда я еду, говорят, и этот старинный атрибут еще существует.

Елена подняла голову.

— Вы едете в Гуй-Чжоу, туда же, куда и я? — спросила она. — Мне помнится, вы говорили об этом.

— Гуй-Чжоу — большая провинция, — ответил он, — дороги наши там разойдутся. Я еду в очень отдаленную миссию.

Елена взглянула на его спокойное, благородное лицо. Брат Андре сидел к ней в профиль, слегка опустив голову.

— Но ведь это страшная глушь, — сказала она. — Вам долго придется пробыть там?

— Да, вероятно, — неопределенно ответил монах.

Она снова посмотрела на него.

«Он должен быть очень убежден в том, что ему нужно ехать туда», — подумала она. Брат Андре производил на нее странное впечатление. Он был сравнительно молод, видимо, хорошо образован и воспитан. Как и почему он оказался монахом и ехал теперь в один из самых глухих уголков земного шара? Елена не могла отделаться от чувства легкого любопытства, которое он вызывал в ней. Она решила попробовать вызвать его на откровенность.

— Там, в этих дебрях, есть христианская миссия? — спросила она. — Есть и обращенные?

— Да, — отвечал брат Андре. — Хотя их немного. Христианство, надо сознаться, очень медленно распространяется среди китайцев, несмотря на множество трудов, потраченных проповедниками. За несколько столетий число китайцев-христиан не достигло сколько-нибудь заметного процента. Учение Христа чуждо китайской душе и с трудом воспринимается ею. Буддизм, даосизм и даже магометанство ближе и понятнее этому народу. Я не говорю уже про официальный культ, конфуцианство. Я вижу в этом след той же самобытности и обособленности китайской культуры от остального человечества.

Эти спокойно сказанные слова показались Елене странными в устах миссионера. Он отправлялся на край Земли проповедовать Слово Божие и сам как будто заранее признавался в том, что сомневается в успехе своего дела.

— Но как же вы можете ехать туда, — вырвалось у нее, — если не верите в торжество вашей идеи, если знаете, что труд ваш будет напрасен?

Брат Андре окинул ее внимательным взглядом.

— Мой труд не будет напрасен, — сказал он, — если хоть одна душа будет

направлена мною на истинный путь, если хоть одному человеку я помогу увидеть Свет. Я понял вас, м-ле Элен. Да, тяжело было бы без веры в душе ехать в этудишую страну, порывать с людьми того привычного мира, который остался позади. Но подумайте о том глубоком удовлетворении, которое дает деятельное сострадание, работа среди нуждающихся в нем, помочь несчастным и обездоленным. Проповедь слова Божия — это исполнение человеческого долга.

— Но вы будете совершенно одиноки, — снова спросила она, — есть ли там кроме вас еще европейцы?

— Европейцев, кроме меня, там нет, — ответил брат Андре, — но я не буду одинок. Братья мои будут со мною.

Он замолчал. Некоторое время они сидели, не говоря ни слова. Река про-зрачно струилась у их ног, солнечные лучи, падая почти отвесно, ударяли в сверкающие ряды маленьких волн. От этого вода, казалось, была покрыта блещущей золотой чешуей. И на нее больно было смотреть.

— М-ле Элен, — снова заговорил монах, — если я сказал, что христианская проповедь не находит среди китайцев благодарной почвы, это не значит, что она бесплодна или не нужна. Там, где речь идет о вечном, о царстве Духа, эти слова просто неприложимы. Символ Креста, — величайший из всех символов, когда-либо воздвигнутых на земле. Он един, потому что истина одна. Если разные народы по-разному стремились к ней, если на пути их были заблуждения, то дает ли это нам право терять надежду и веру в конечное торжество Вечной Истины? Заветы Христа указали нам путь, по которому мы должны идти. И если мы всей душой будем следовать этим великим Заветам, останется ли у нас возможность для сомнений и неуверенности, которые порождают неудовлетворенность? Любить Бога — это значит подчиняться Его божественному закону. Этот закон всеобъемлющ, он вездесущ и вечен, а потому и подчинение ему требует всех наших сил, всего нашего времени. Оно требует от нас терпения, милосердия, скромности, энергии и полного отрещения от присущего людям эгоизма. Разве следовать по этому пути не значит найти высшее удовлетворение?

Он снова сделал длинную паузу и сидел, глядя вперед, в даль реки.

— М-ле Элен, — сказал он негромко и в тоне его речи зазвучало непоколебимое убеждение, — живая, искренняя проповедь не может быть бесплодна.

Из-за низменного, покрытого кустарником мыса медленно и торжественно выплыл парус большого сампана. Людей на нем не было видно. Полдневная жара загнала их под крышу тесной каюты. Даже рулевой укрылся под циновкой. Сампан двигался, как будто не управляемый никем.

Теодор вышел из-под навесика и, балансируя на узком борту, громко закричал, приставив руку ко рту. Он повторил свой призыв четыре раза, пока из маленькой дверцы на палубу сампана, наконец, не выползла полуголая заспанная фигура. Теодор переговаривался с этой фигурой несколько минут. С тихим журчанием рассекая воду, загородив полнеба своим широким, темным парусом, встречный сампан прошел мимо, совсем близко, так что Елена

различила на тяжелых, выгнутых бревнах борта блестящие пятна растопленной солнцем смолы.

Теодор пробрался под навес.

— Этот сампан идет из Джи Цзяна, — доложил он, — я спрашивал про европейцев и мне ответили, что встретили их недалеко отсюда. На катере сломалась машина и его тащат в Джи Цзян бечевой.

Брат Андре обернулся к Елене.

— Вот видите, — сказал он с улыбкой, — вы напрасно отчаявались. Завтра к ночи мы догоним ваших друзей.

V

Все находившиеся на катере были ошеломлены выступлением г-на Лю. Из европейцев никто не понял, что он кричал. Ван, хотя и понял все, но совершенно не уяснял себе значения этих слов. Действие ругательств, которыми осыпал г-н Лю пиратов, казалось Вану, при настоящем растерзанном состоянии его духа, просто волшебным. Команда катера, командир и рулевой, забившаяся с самого начала событий в глубь своей каютки, не разобрала даже толком, что случилось, а Терентий, полуослепленный паром и оглушенный грохотом машины, и вовсе ничего не слышал.

Первым пришел в себя Тенишевский.

— Перетрусили, Тасенька? — спросил он, но, заметив странные движения катера, нахмурился.

«Тун Лун Хва», окутанный облаками дыма и пара, беспомощно двигался боком по течению. Тася тоже обратила внимание на это.

— Я то не струсила, — сказала она и деланно засмеялась, — а Павел Александрович-то кажется, — того! Смотрите, какие вензеля выписывает. Да он не умеет рулить, наверное... А тоже, взялся!

— Перестаньте, Тася, — остановил ее Тенишевский. — Может быть, он ранен. Вы обратили внимание, он не стрелял. Пошли к нему.

Но Дорогов сам был уже здесь.

— Цел? — спросил он, появляясь из-за угла рубки в сопровождении уцепившихся за него девушек. — Я уж думал, что тебя подстрелили. Ну, слава Богу.

— Слава Богу, — насмешливо подхватила Тася, — вся надежда, конечно, на Бога. Защитники-то у нас за-ме-чательные! Посмотрите вот на них, девочки. Хороши? Один все патроны растерял, другой вовсе стрелять позабыл, а стал по воде узоры чертить.

— У меня испорчен револьвер, — сказал Дорогов, — заело что-то. Надо разобрать и посмотреть. А ты, действительно, патроны рассыпал?

Тенишевский развел руками.

— Да нет! В моем револьвере оказался только один патрон. Забыл зарядить, что ли? Хотя помню, что заряжал. А ребята коробку мне так и не при-

несли. Я же сказал вам ясно, — обернулся он к Шуре, — коробки от какао, коричневые, плоские — «Петерс».

Маруся молчала и крепко держала Валериана Платоновича под руку.

— Там нет никаких коробок, — заявила Шура, — вот Клавдия тоже искала и Ангелина свидетельница. Она нам светила спичками.

— Шура говорит правду, — вмешалась Клавдия, протискиваясь вперед, — мы все вещи из чемодана повыбрасывали... Ай!..

Она чуть не упала, наступив босой ногой на что-то. Дорогов поддержал ее.

— Что с вами, Клава?

— Гвоздь какой-то, — сказала Клавдия, наклоняясь, и вдруг испуганно вскрикнула.

— Валериан Платонович, пуля!

На палубе, действительно, лежал револьверный патрончик. Тенишевский поднял его и взглянул на Дорогова. У обоих мелькнула одна и та же мысль.

— А-а... — протянул Тенишевский многозначительно и обернулся в сторону Вана.

Но того и след простыл.

* * *

При первом же шутливом возгласе Тенишевского: «Перетрусили, Тасенька?» Ван очнулся от своего оцепенения и стал усиленно соображать. Манипуляции его с револьверами должны были вот-вот открыться. На смену опасности от пиратов надвигалась новая беда: грозила расправа рассерженных европейцев. И, недолго думая, Ван решил отаться всецело под покровительство г-на Лю. Хотя тот и обещал «повесить его на мачте», но это был, во-первых, вопрос будущего, во-вторых, тут существовало некоторое «если». Ко всему этому, г-н Лю был все-таки китаец, а не белый черт, как эти.

Каким образом будет г-н Лю защищать его от европейцев, об этом Ван даже не задумывался. Раз он сумел обратить в бегство пиратов, значит, сможет, если только захочет.

Так рассудив, он незаметно покинул свое место, прокраился со стороны противоположной двери вокруг рубки и с большим трудом взгромоздился на крышу. В тот момент, когда Дорогов в сопровождении девушек появился на корабельной палубе, Ван уже сидел на корточках перед господином Лю, который, лежа на своей циновке, молча его разглядывал.

— Г-н Ван! — донесся через минуту голос Тенишевского.

Ван молчал и не двигался.

— Г-н Ван, где вы? — закричал снова Тенишевский.

— Идите, вас зовут, — насмешливо сказал Лю.

— Глубокоуважаемый г-н Лю, — отвечал Ван с дрожью в голосе, — я сломал револьвер Дорогова и сделал что-то с револьвером Тенишевского... Сам я не знаю что... Теперь они зовут меня! Высокопочтенный г-н Лю, я прошу вашей

защиты. Я сделал это, имея в виду вашу безопасность...

— Мою? — переспросил Лю.

— Ван! — раздался внизу грозный голос Дорогова. — Куда вы спрятались?

Ван не отвечал, с ужасом глядя на Лю. Тот выдержал томительную паузу.

— Позовите их сюда, — сказал он наконец. У Вана отлегло от сердца.

— Я здесь, на крыше, г-н Дорогов, — крикнул он насколько мог внушительнее. — Идите сюда, я занят важным разговором и не могу спуститься.

Тенишевский, а вслед за ним и Дорогов появились на крыше.

— Г-н Ван, — гневно сказал Дорогов, приближаясь, — мой револьвер сломан. Это сделали вы! Я нашел в каюту плоскогубцы.

Лю остановил его движением руки.

— Уважаемый г-н Ван, скажите им от моего имени, что я хочу поговорить с ними. Пусть они сядут и слушают спокойно. Когда присутствует хозяин, разговор со служащим следует отложить.

— Если хозяин примет вашу сторону, достанется и хозяину, — ответил Тенишевский, выслушав перевод. — Пусть он говорит.

Он сел на корточки. Дорогов остался стоять.

— Господа музыканты, — заговорил Лю своим обычным ровным тоном, — прежде всего, я должен вам напомнить, что я глава экспедиции и на моей ответственности лежит безопасность всех вас. Уважаемый г-н Ван, переведите им это.

И Лю многозначительно поднял палец.

Ван перевел.

Дорогов и Тенишевский переглянулись. Слова Лю походили на угрозу.

— В этих краях живут мирные крестьяне, — продолжал тот невозмутимо, — и люди, которые на нас сейчас нападали, не настоящие разбойники. Достаточно было мне пригрозить им ответственностью перед законом и упомянуть имя местного судьи, с которым я хорошо знаком, — и они в страхе удалились. Эти люди, я видел по всему, в первый раз в жизни решились на грабеж. Это редкая случайность. Но я позаботился о вашей безопасности и обратил их в бегство простым способом, который здесь и был уместен. На всех участках пути, где будет хоть тень опасности, с нами будет следовать охрана. Уважаемый г-н Ван, переведите.

— Понятно, к чему он гнет, — сказал Тенишевский по-русски, — ну, я револьвер не отдаю.

— Мы — мирные путешественники, — опять заговорил Лю. — Но, так как европейцы в этих краях появляются не часто, то вполне возможно, что полицейские власти в любом из городов, которые мы будем проезжать, могут поинтересоваться вами. Если я взял на себя охрану вашей безопасности, то и ответственность за вас перед властями лежит тоже на мне. И что же я вижу! Музыканты, которых я везу в составе моей труппы, оказывается, вооружены, имеют автоматические револьверы и, конечно, запас патронов. Какому риску подвергаете вы ваших спутниц!

— Сегодняшний случай убедил меня в том, что оружие нам необходимо, — сказал Дорогов, когда Ван перевел.

— Сегодняшний случай доказал мне обратное, — сказал г-н Лю и протянул руку. — Г-н Дорогов, дайте мне ваше оружие.

Дорогов не двигался.

— Г-да музыканты, — сказал Лю с расстановкой, — я удивлен, что вы так легкомысленно решаетесь играть судьбой ваших спутниц. Уважаемый г-н Ван, переведите...

Дорогов пожал плечами и протянул ему свой сломанный кольт.

Г-н Лю повертел его в руках и небрежно, через плечо бросил за борт.

— И вы, — он обернулся к Тенишевскому.

— Черт вас возьми! — вскричал Валериан Платонович, вскакивая на ноги.

— Я не отдам вам мой револьвер! Запугать меня вам не удастся!

— Постой, Валериан, — остановил его Дорогов, — отдав револьвер. Он все равно нам ни к чему. У нас нет ни одного патрона. До цели теперь близко, бессмысленно злить его. Пусть уж везет дальше. Не забудь, что девушки остаются в его власти и на них он станет вымешивать свою злобу. Послушай меня, Валериан, я рассуждаю здраво и спокойно, а ты взъярен. Важнее доехать до Гуй Чжоу и избавить девушек от неприятностей, чем сохранить револьвер из которого нельзя стрелять.

Тенишевский не уступал.

— Я хочу сохранить не револьвер, а мое лицо*. Потом он сядет нам на шею, перестанет считаться с нами.

— Нет, — успокоил его Дорогов, — он приводит очень серьезные аргументы, а не своеобразничает. Твоим упрямством ты скорее «потеряешь лицо», чем отдав револьвер, который утаить все равно уже нельзя. На шею нам он не сядет, сам не захочет. Не так это просто.

Тенишевский подумал.

— О'кей, — сказал он, — действительно, мы почти уже доехали. Заваривать историю не стоит.

Он обернулся к Вану.

— Переведите, что я соглашаюсь с его доводами и не хочу делать ему хлопот с полицией. — И Валериан Платонович, размахнувшись, отбросил свой парабеллум почти на середину протоки.

— Благодарю вас, — сказал Лю учтиво, — стоимость вашего оружия я возмещу вам в Гуй Яне. Теперь еще несколько слов: мне хотелось бы, чтобы вы не заблуждались в этом вопросе. Когда вы хладнокровно обдумаете все, что слышали, вы убедитесь, что иначе поступить я не мог, не подвергая всю экспедицию огромному риску. Иметь при себе оружие строго запрещено властями. Я сам не вооружен. Что касается г-на Вана, — добавил он небрежно, — он ни в чем не виноват. Я поручил ему взять револьверы, как только узнал, что они у вас есть, но он или побоялся сделать это открыто, или неверно понял

* Сохранение «лица», т. е. своего личного достоинства, считается у китайцев чрезвычайно важным. Человек, «потерявший лицо», этим самым теряет и право на уважение и доверие. В коммерческих делах это влечет за собою полную потерю кредита. В общественном смысле «потеря лица» вызывает всеобщее пренебрежение.

меня и попытался похитить и испортить ваше оружие. Этого я, конечно, не одобряю. Излишнее усердие не приносит пользы. Уважаемый г-н Ван, переведите и успокойтесь.

* * *

— Ну что? Что он говорит? — обступили их девушки внизу.

— Лю говорит, что бояться нечего, — сказал Дорогов, — и что в обиду он нас не даст. Ван трясется и боится нас, кажется, еще больше, чем пиратов.

— Он мне нравится, этот Лю, — вставила Тася. — Видно, что не трус.

— Влюбись, — едко заметила Маруся.

Тася засмеялась.

— А почему нет? Только уж очень тощий.

В то время, пока происходили все эти разговоры, катер, увлекаемый течением, достиг окончности острова и там, мирно и неторопливо, сел кормой на мель. Тут он и остался, удивленно накренившись набок и не подавая никаких признаков жизни. Пар перестал валить из него во все стороны.

Терентий, закопченный, замасленный и потный, как нечистый дух из ада, поднялся на палубу. Девушки встретили его взрывом хохота. Дорогов тоже улыбнулся.

— Пойдем вниз, Валериан, — сказал он, — надо посмотреть, что там такое.

Тенишевский направился к трапу. У самой лесенки Маруся удержала Павла Александровича за руку.

— Потом приходите на нос, — шепнула она. — Мне надо с вами поговорить... По секрету.

Дорогов удивился.

— О чём, Маруся?

— Приходите... — волнуясь, повторила она. — По секрету... Очень важно...

— Павел! — позвал снизу Тенишевский. — Да тут столпотворение.

— Хорошо, Маруся, я приду, — шепотом сказал Дорогов.

Внизу было на что посмотреть. Эксперимент, проделанный над машиной, оказался гибельным для нее. Коленчатый вал сорвался с ветхих подшипников и треснул пополам. Машинист, совершенно растерявшийся, принял сначала с помощью Терентия выгребать из топки жар и заливать его водой. Потом он выпустил пар отовсюду, откуда только мог и в заключение, не окончив ни одного из этих дел, уселся и, созерцая печальную картину разрушения, меланхолически слушал, как командирсыпал его в трубку потоком ругательств.

— Ни о какой починке своими средствами думать не приходится, — решил Дорогов. — Эта рухлядь просто рассыпалась на части. Будем ночевать на мели, а завтра пусть Лю нанимает бурлаков. Деревня тут недалеко, за островом.

— Да, картинка веселая, — согласился Тенишевский, — как будто снаряд сюда попал. Но вот что, Павел: здесь нас с тобой никто не слышит, давай поговорим. Лю, по моему, сам пират. Все, что он плел про судью — вздор.

— Пираты его, видимо, знают и боятся, — заметил Дорогов.

Тенишевский помолчал.

— Тогда зачем же они вообще на нас напали? Дорого бы я дал, чтобы уз-
нать, что он им кричал. Выглядел он в ту минуту эффектно, хоть картину пи-
ши.

— А знаешь, что мне пришло в голову? — сказал вдруг Дорогов. — Может
быть, Лю сказал нам правду. Что знаем мы с тобою о нравах этих мест? Вот
эти крестьяне решились на грабеж и вдруг натыкаются на человека, который
под дулом их винтовки нисколько не испугался, а на них же накричал, да еще
пригрозил, что от наказания они все равно не уйдут. Вся отвага их и пошла на-
смарку. Китайцы ведь. У них совершенно особенная психология.

— Лю человек решительный и храбрый, — согласился Тенишевский. — То,
что ты говоришь, пожалуй, и в его стиле. Черт их разберет, действительно. Но
только я предпочитаю его рассказням не верить и займусь тем, что выведу его
на свежую воду. С господина Вана начну. Этот прохвост у меня потанцует.

— Только, пожалуйста, не наскакивай ни на кого, — посоветовал Дорогов,
— не забывай, что мы-то его бросим, а девушки останутся. На них все твои рез-
кости отразятся.

— Мерзавец! — вскричал Тенишевский. — Ведь выражается как: «легкомы-
сленно играете судьбой ваших спутниц». На психологию, видишь ли, дейст-
вует. Ирод!

— Вана ты тоже лучше не трогай, — продолжал Дорогов, — для чего тебе?
Нам осталось несколько дней пути до Гуй-Чжоу. Проедем их как-нибудь, что-
бы только не нарушать мира тут у них и не давать повода Лю выкинуть какой-
нибудь номер по дороге. А в Гуй Яне есть европейцы. Там мы девушек оста-
вим и сами займемся своим делом.

— В Гуй Яне? — сказал Тенишевский. — До Гуй Яна еще очень далеко, а
нам надо торопиться. Бросить труппу придется гораздо раньше. Мы и так две
недели потеряли, пока поднимались по Сиан Киану. Англичане уже там. Те-
перь их ловить придется в горах.

Дорогов вытер лоб платком и заглянул на лесенку.

— Тем более, значит, никаких ссор заводить с китайцами не надо.

Тенишевский замолчал, затянулся сигареткой и потрепал свою бородку.

— Павел, что за чепуха вышла с нашими револьверами? Ван рассыпал по
палубе мои патроны, Лю говорит, что всему виной он, а Маруся, я сейчас
вспомнил, тоже кричала, что она... Понимаешь, подскочила ко мне, когда пи-
раты совсем насели, и давай сама себя ругать. Я, мол, во всем виновата. Что
же это, целый заговор? Тайны мадридского двора?

Дорогов вспомнил о таинственном свидании, назначенном ему Марусей.

— Разберем и это, Валериан. Только давай уж завтра. Сегодня все устали,
надо отдохнуть.

— Ладно, пойдем спать, — согласился Тенишевский, — только на всякий слу-
чай давай подежурим сегодня до утра по очереди.

— Не мешает, — сказал Дорогов и направился к лесенке наверх. — Так ты
ложись, а я тебя часа в два разбужу.

— О'кей, — ответил Валериан Платонович.

* * *

Маруся ждала Дорогова, примостившись на треугольнике носовой палубы. Он присел рядом с ней на перила.

— Павел Александрович, — заговорила она тотчас же, — обещайте мне, что никому не скажете... и не будете сердиться.

— Что вы, Маруся, за что же мне на вас сердиться? — ответил Дорогов.

— Нет, Павел Александрович, я такую вещь скажу, что вы непременно рассердитесь. Вы лучше обещайте.

Дорогов улыбнулся.

— Ну хорошо, хорошо. Постараюсь не сердиться.

— И никому не скажете? Валериану Платоновичу тоже?

— Какая вы, Маруся... Обещаю и это. В чем же дело?

Она помолчала, как будто собираясь с силами.

— Павел Александрович, — сказала она совсем тихо, — я украла у Тенишевского патроны.

— Вы? — вырвалось у Дорогова. — Да зачем же вы это сделали? И мой кольт тоже вы сломали?

— Ей-Богу, нет! Вот крест, ваш револьвер не трогала.

Маруся быстро перекрестилась.

— Для чего же вы? Что за дичь!

— Я боялась... Я не знаю, как вам объяснить... Вы будете сердиться...

Она волновалась и путалась, не находя нужных слов.

Дорогов смотрел на ее смущенное, растерянное лицо и начинал понимать. Сцена на корме, отодвинутая событиями, всплыла в его памяти. Нервный смех Таси, поцелуй, дерзкое лицо Тенишевского, его собственный гнев в тот момент, когда с крыши свалился Ван.

— Маруся, — спросил он, — тогда почему же вы не разрядили и мой револьвер?

Она смотрела на Дорогова широко открытыми глазами.

— Вы человек спокойный, Павел Александрович... А он мог бы... Он отчаянный...

Маруся смутилась.

— Маруся, — сказал Павел Александрович серьезно, — куда же вы дели патроны?

— Я хотела спрятать, — заторопилась она, — да не успела. Только я коробки из чемодана вынула, в это время он сам за подушкой в каюту явился. Я с перепугу их за борт уронила. А те, что в револьвере были, в середине, так на столе и забыла.

— Откуда же у Вана в руке они взялись?

— Не знаю, Павел Александрович, честное слово! И ваш револьвер не тро-

гала. Вот крест...

Она снова перекрестилась.

— Так... — задумчиво проговорил Дорогов. — Значит, мой кольт все-таки Ван сломал.

Маруся испуганно взглянула на него.

— Г-н Ван? Разве он тоже догадался...

Дорогов спохватился, что сказал лишнее. Волновать девушек и сообщать им о всех тревожных событиях, происходивших на катере, не входило в его намерения. Он постарался тотчас же изгладить дурное впечатление.

— Ни о чем он не догадался, Маруся, а просто, видно, нечаянно.

— Нечаянно... — протянула она. — Боюсь...

— Вот что, Маруся, — снова заговорил Дорогов, — раз у нас уже такой разговор получился, я хочу вас попросить об услуге: скажите вы Тасе, чтобы она Валериана от себя отстранила. До добра эта игра не доведет.

Маруся молчала.

— Хорошо, Маруся, скажете?!

Он даже в темноте различил, что она густо покраснела.

— Павел Александрович, попросите лучше что-нибудь другое. Я с радостью все сделаю... А с Таськой говорить об этом не буду. Она обрадуется, скажет сейчас же, что ревную. Проходу мне не даст. И все равно не послушает. Придется тогда с ней подраться.

Дорогов улыбнулся,

— Зачем же драться? Скажите так, без драки.

Маруся решительно тряхнула своей густой шевелюрой.

— Не скажу, — отрезала она, — вы думаете, я кабаретная, так у меня и гордости нет? Говорите сами.

Дорогов взглянул на ее взволнованное лицо и понял остальное.

— Извините, Маруся, — сказал он мягко, — если бы я догадался раньше, что это вам неприятно, я не просил бы вас.

Они стояли некоторое время молча. Она вдруг обернулась к нему быстрым движением и заговорила.

— Вы думаете, я не знаю, почему он к Таське льнет? Доказать хочет! Таська все над ним посмеивается, вот его и заело. Вы, Павел Александрович, тоже лучше его оставьте. Не мешайте. Пусть... Докажет и бросит. Успокоится... Я хорошо его понимаю, очень хорошо. У него характера очень много. Вы его поленом по голове бейте, он все равно не отстанет от Таськи теперь.

Дорогов невольно засмеялся.

— Ну и рассуждаете же вы, Маруся! Нет уж, пусть лучше не «доказывает». Он не мальчик.

— Павел Александрович, — повторила она уже спокойнее, — оставьте его, пустяк. Мне самой вот как неприятно, а я молчу... Если она ему нравится, что ж поделаешь? Оставьте... Может у них... любовь?

— Какая там любовь, — с неудовольствием поморщился Дорогов. — Безобразие одно.

— А вы думаете, нет? — оживилась она. — Просто так?

— Я Валериану безобразничать не позволю, — твердо сказал Павел Александрович. — Вы за него не просите, Маруся. Таких вещей я не терплю.

— Не позволите? — переспросила она и в голосе ее послышалось неудовольствие, даже обида. — Он вас спрашивает!

Павел Александрович внимательно посмотрел на Марусю. Ему захотелось успокоить ее. В ее грубоватых фразах ему почудилось нечто гораздо большее, чем то, что она сказала. Он пожалел, что говорил с ней так резко о Тенишевском.

— Не сердитесь, — сказал он, — я не хочу Валериану ничего дурного. Я тоже о нем беспокоюсь, только немного на другой лад, чем вы.

Она взглянула на него сначала исподлобья, потом улыбнулась.

— Я совсем не сержусь, Павел Александрович, я только думала, что вы на Валериана Платоновича рассердились.

Дорогов тоже улыбнулся.

— Ну вот, отлично. Идите теперь спать. Завтра с утра, наверное, станем разгружаться. Разбудят рано.

VI

Рассвело. Солнце, еще не отряхнувшее с себя ночную дремоту, просыпалось на востоке и небо прозрачно светлело над подернутой дымкой тумана рекой. Но в тени острова вода была черной и бездонной. Зелень деревьев, перерезанная глубокими неясными тенями, неподвижно стояла в притихшем воздухе. День обещал быть на редкость жарким.

Г-н Лю разбудил Вана на заре.

— Уважаемый г-н Ван, — сказал он, когда переводчик очнулся от сна, — нам придется отправиться в деревню на берег и нанять бурлаков, которые доведут катер до Джи Цзяна. Там мы пересядем на сампаны. Вставайте.

Ван поспешно поднялся на ноги.

— Высокопочтенный г-н Лю, — сказал он, — следует ли вам затруднять себя поисками бурлаков? Я сделаю это один.

— Нет, — спокойно возразил г-н Лю, — я поеду с вами на берег. Мне хочется, чтобы вы были свидетелем одного разговора. Это избавит меня от необходимости читать вам длинное и скучное нравоучение. Пойдемте.

По скользкой от росы доске они сошли с катера на остров, обогнули его и на противоположном берегу отыскали одинокую хижину. Молчаливый рыбак за несколько медных монет перевез их через протоку и высадил невдалеке от большой деревни у крутого, размытого водой обрыва.

Поднявшись на самый верх этого обрыва, г-н Лю свернулся с дороги, которая вела в деревню, и зашагал по направлению к лесу. Казалось, он знал эту местность отлично, так как шел уверенно и ни разу не сбился, пока, под мглистой сенью деревьев, не вышел на едва заметную тропинку. Молча и не оборачиваясь, он углубился в лес, следя ее причудливым изгибам. Ван, тяжело

дыша, едва поспевал сзади.

Они шли так около часа. Наконец, достигнув места, очевидно, известного г-ну Лю, свернули в гущу кустов и спустились к ручью. Подобрав полы своего халата, г-н Лю осторожно перешел его вброд. Ван храбро ступил в холодную воду следом за ним. Поднявшись по изрытому дождями склону, они некоторое время опять шли по лесу и, наконец, достигли опушки.

На обширной поляне, со всех сторон окруженной лесом, толпился десяток приземистых домиков. Низкие, глиняные их стены, с редкими крошечными окошечками, покрытые неуклюжими шапками крыш, производили унылое впечатление. По сторонам виднелись грядки бедных огородов. На бамбуковых шестах у крайней избушки сушилась сеть.

Из селения донесся лай собаки, почувствовавшей чужих. Ван опасливо приблизился к своему спутнику.

Г-н Лю, не обращая на него ни малейшего внимания, подошел к крайнему домику и постучал.

В домике не спали. Морщинистая старуха тотчас выглянула через маленький «глазок» в двери.

— Ди возвратился? — спросил г-н Лю вполголоса.

Старуха некоторое время рассматривала пришельцев недоверчиво, потом, видимо, решив, что опасаться нечего, застучала деревянным засовом.

— Ди возвратился, — сказала она, появляясь в дверях.

— Я хочу видеть Ди, пусть он придет сюда, — обратился к ней г-н Лю и сел на широкий деревянный обрубок, прислоненный снаружи к стене домика. Ван остался стоять.

Старуха помаячила в дверях, не ответила ни слова повернулась и исчезла.

Через минуту на смену ей из глубины домика вышел старик, сгорбленный и совершенно лысый. Редкая седая борода обрамляла его невыразительное лицо. Одет он был бедно, но опрятно.

— Я Ди, — объявил он, шамкая беззубым ртом. — Кто вы и что вам надо?

Г-н Лю, не вставая, обернулся к нему.

— Это я, — сказал он. — Созови всех.

Старик пристально взглянул на него, потом неожиданно опустился на колени.

— Мой сын не виноват, — зашамкал он испуганно. — Я прошу милости для моего сына! Пей Фу Кай отдал приказ и никто не смел ослушаться...

— Созови всех, — повторил г-н Лю, — я спешу.

Старик торопливо поднялся. Ван, продолжавший ничего не понимать, ни жив ни мертв прислонился к стене.

Двор стал наполняться людьми. Казалось, что все обитатели деревушки давно не спали, несмотря на ранний час. Они спешили по узкой улочке и молча собирались в кучу. Среди них Ван узнал и высокого человека, которого видел с багром на разбойниччьем сампане. Эти люди были, очевидно, пираты.

Когда все были в сборе, г-н Лю нарушил свое молчание.

— Пей Фу Кай, — сказал он, — подойди ко мне.

В рядах толпы произошло движение, но никто не вышел вперед.

— Пей Фу Кай, — повторил г-н Лю, повышая голос, — ты слышишь?

Никто не тронулся с места. Г-н Лю быстро встал.

— Пей Фу Кай! — вскричал он, и лицо его исказилось гневом. — Ты ждешь, чтобы я сам подошел к тебе?

Из толпы выступил невысокий широкоплечий мужчина, почти бегом приблизился и, не говоря ни слова, упал на колени, закрыв лицо руками.

Г-н Лю сел и выждал долгую паузу.

— Я снабдил тебя оружием, — заговорил он наконец обычным своим ровным тоном, — я дал тебе власть над этими людьми, я принял тебя в число моих сподвижников. Ты поклялся служить великому и чистому делу, ты клялся твоими предками в том, что никогда не поднимешь руку для несправедливости и насилия, ты клялся в том, что будешь жить и действовать в согласии с тем, как учат мудрые книги древности, ты клялся, что посвятишь всю жизнь освобождению твоей родины от гибельных новшеств, ты клялся, что до той поры, пока я не прикажу тебе, ты будешь хранить тайну и ни один человек не узнает, что ты вооружен. Отвечай мне, ты клялся в этом?!

Пей Фу Кай молчал и не шевелился.

— И вместо этого, — продолжал г-н Лю равнодушно, как будто рассказывал что-то или читал по книге, — ты прельстился возможностью набить твой карман имуществом проезжих европейцев. Ты — клятвопреступник! И вдобавок, ты глуп. Если бы ты убил европейцев, неужто ты думаешь, что сюда не пришли бы солдаты с пушками и пулеметами, которых у тебя нет, и стерли бы с лица земли и тебя, и твой сампан, и эту деревню, и большую деревню у берега, ни в чем не повинную? Духи-покровители этих мест привели меня сюда, чтобы помешать твоему гнусному замыслу!

— Ди! — громко позвал он. Старик в страхе приблизился.

— Ди, — приказал г-н Лю. — Через несколько недель я назначу вам нового начальника. Пока он не прибыл, ты будешь заменять его. Если за это время будет нарушено хотя бы малейшее из моих приказаний, ответишь ты, твой сын и твоя жена. Теперь же я не наказываю никого, так как виновен тот, кто отдал приказание. Собери оружие, ты будешь хранить его.

Никто не промолвил ни слова. Пей Фу Кай оставался стоять на коленях с ладонями, прижатыми к лицу; он не пошевелился и не издал ни звука в течение всей четверти часа, пока сельчане сносили оружие к дверям жилища Ди. Крупная дрожь изредка пробегала по его телу. Ван слышал, как он лязгал зубами. Сам старик сходил в соседний дом и принес оттуда маузер Пей Фу Кая.

Г-н Лю вынул блокнот, порылся в нем и не спеша проверил:

— 3 карабина, 2 револьвера системы Маузер, 14 мечей, 385 патронов.

Не вставая с места, он осмотрел каждый карабин, разрядил и проверил маузеры, вынул из ножен каждый меч и передал все из рук в руки старику. Тот осматривал также и передавал сыну, высокому китайцу, которого узнал Ван. Сын старика уносил оружие в дом.

Потом, переворачивая в руках последний меч, г-н Лю задумчиво сказал, не обращаясь ни к кому:

— С какой радостью должен каждый честный и мужественный человек не

нарушать эту клятву, а трижды и трижды повторить ее снова...

Он встал и вдруг, сделав шаг вперед, с силой, неожиданной в его хрупком теле, одним взмахом отрубил голову стоявшему на коленях Пей Фу Каю.

Толпа попятилась.

Лю остался стоять, держа меч двумя руками горизонтально перед собою, как будто ожидая нападения. Глаза его сверкали, тонкие губы были плотно сжаты.

Прошла томительная минута. Толпа, объятая ужасом, молчала. Старик Ди, раскрыв беззубый рот, замер в дверях. Ван присел на корточки. Если бы он мог, он закопался бы в землю.

Г-н Лю отступил, опустил окровавленное оружие и протянул его старику.

— Это четырнадцатый меч, — сказал он, как будто ничего не случилось. — Ты принял все. Теперь я ухожу и все вы слышали мои приказания. Ди, пусть твой сын сходит в деревню и наймет там пять человек для того, чтобы снять катер с мели и отвести его в Джи Цзян. Я буду ждать их после полудня, чтобы договориться о плате. Пойдемте, уважаемый г-н Ван.

Едва они вступили в лес, г-н Лю заговорил.

— Пример этого человека, — сказал он, — убеждает вас, конечно, в том, что все виденное и слышанное вами должно остаться в тайне. Ошибочно будет также думать, что в больших городах, даже в Шанхае, назидательность этого примера утратит для вас свою силу.

Он замолчал, продолжая шагать быстро и ровно.

— Глубокопочтенный г-н Лю, — промолвил Ван с дрожью в голосе. — Я буду нем, как рыба. Но прошу вас простить мою дерзость: что значит это все? Не найдете ли вы возможным, хотя бы отчасти, объяснить мне то, что я видел и слышал?

Г-н Лю посмотрел на него и усмехнулся.

— Нет, уважаемый г-н Ван. Для того, чтобы вы сохранили в тайне даже то немногое, что видели и слышали вчера, для вас необходим, я твердо убежден в этом, страх неминуемой ужасной смерти, когда голова отделяется от туловища и остается так на вечные времена в загробной жизни. Я не хочу отягачать вас большими тайнами и еще большим страхом. Раз навсегда я запрещаю вам задавать мне вопросы.

У Вана от этих слов холод пробежал по спине.

— Вместо этого, — продолжал г-н Лю, — я поделюсь с вами некоторыми моими мыслями, которые, может быть, послужат вам на пользу, если вы их усвоите, и которые как нельзя более соответствуют этому ясному утреннему часу, когда мир пробуждается от живительной теплоты солнца. Уважаемый г-н Ван, вы думали когда-нибудь о вашей родине? Разве Китай не великая страна? Посмотрите вокруг себя, на эти леса, могучие, полноводные реки, поля, долины и величественные горы! Вы можете ехать еще месяц, два по этому же пути и не достигнете границы. Китай — это целый мир, уважаемый г-н Ван, это север и юг, восток и запад.

Он поднял руку и указал на небольшую пальму, раскинувшую свои лапчатые листья среди темной зелени сосен и елей.

— Взгляните, как сочетались в этой благословенной стране разнообразнейшие дары неба! А китайский народ, четырехсотмиллионный гигант, разве он не велик? Он трудолюбив, приветлив, полон терпения и мудрой покорности велениям судьбы. Разве Китай не родил из недр своих мужей, мудрость которых, вечная и всеобъемлющая, как солнце, и непонятна и неведома европейцам?!

Г-н Лю говорил с воодушевлением, все возраставшим. Голос его постепенно терял свою обычную равнодушную интонацию, бледные щеки порозовели. Он внезапно остановился, так что Ван едва не наткнулся на него.

— Залог расцвета и благоденствия Китая, — воскликнул он, — не в гибельных новшествах, не в рабском подражании алчной и суеверной Европе, а в древней, тысячелетней мудрости, частицу которой носит в себе каждый сын китайского народа, от ученого книжника до простого крестьянского мальчика! Носите в себе и вы,уважаемый г-н Ван, сами того не подозревая. Бесстыдство нравов, неуважение к предкам, опиум, морфий, героин, откуда пришли они к нам?* Откуда пришли к нам эти худшие из зараз, чуждые и непонятные Китаю?.. Не безумство ли искать в породившей все это Европе путей и средств для благоденствия нашей родины? Нет,уважаемый г-н Ван, спасение Китая придет из недр его. Там (он с пафосом указал рукой на запад), в «драгоценном краю», в земле Тиан, распустит свои крылья Голубой дракон и мы все, его сыны и слуги, мечом проложим ему дорогу! Тогда наступит день, когда над Китаем вновь засияют лучи силы и благоденствия, как в славные дни могущих и мудрых Минов!**

Он замолчал и зашагал дальше. Ван слышал его взволнованное дыхание. Из всего сказанного г-ном Лю он уразумел хорошо едва одну четверть, но упоминание о «частице мудрости», заключенной, оказывается, и в нем самом, наполнило его некоторой гордостью. Эта «частица мудрости» тотчас же настойчиво попросилась наружу и проявилась в виде замечания, по мнению Вана, весьма хитрого.

— Уважаемый г-н Лю, — сказал он важно, — я давно убедился в том, что европейцы по большей части безмозглы и их легко можно назвать не стоящим внимания безобразным веществом. Поэтому я во всем согласен с вами. Европейские новшества настолько противны мне самому, что я тотчас сниму мои неудобные английские ботинки, чтобы никогда не надевать их больше. Я да-

* В широких кругах европейского общества совершенно напрасно считают курение опиума национальной китайской привычкой. Хотя добывание опиума было известно в Китае издавна, но им пользовались только для лечебных целей. Курить его начали лишь в XVIII веке, заимствовав этот обычай с Явы. Опиекурение развивалось в Китае слабо до той поры, пока ввозом его не занялись европейцы. Деятельность известной Ост-Индской Ко. в этом направлении все время тормозилась китайским правительством. Император Канси издавал указы, запрещавшие курение, император Цзя Цин обнародовал ряд указов, запрещавших ввоз «гнусной заморской грязи». Наконец, после того, как чрезвычайный комиссар кит. правительства Лин сжег в Кантоне на 9 миллионов долл. заграничного опиума, Англия силой оружия заставила китайцев разрешить ввоз этого продукта (англо-китайская война 1841 года, называемая «опиумной»).

** Династия Мин, правившая Китаем с 1368 по 1644.

же задаю себе вопрос: следует ли везти этих бесстыдных девушек и нахальных мужчин дальше? Не лучше ли бросить их здесь и ехать в Гуй-Чжоу только нам двоим? Я охотно поступлю на службу к глубокоуважаемому Голубому дракону и буду исполнять все, что он потребует, за самое скромное вознаграждение.

Г-н Лю взглянул на него презрительно.

— Замолчите, — сказал он сухо, — вот все, что от вас требуется.

«Частица мудрости», так неудачно выглянувшая на Божий свет из глубины существа г-на Вана, встретив такой афронт, поспешило спрятаться опять. Дальнейшие рассуждения он продолжал уже про себя.

«Этот человек удивляет меня все больше и больше, — думал он. — Из того, что он говорит, можно смело заключить, что он ненавидит европейцев. Но тогда зачем же он возит их за собою и никому не позволяет причинить им вред? Он мал ростом и худ, но одним ударом сумел перерубить шею здоровенному верзиле Пей Фу Каю. И для чего вот сейчас он наговорил такое множество непонятных фраз? Все это неясно, в высшей степени неясно! Одно очевидно: г-н Лю имеет какое-то влияние, которое простирается даже на разбойников. Он имеет деньги, хорошо образован. Может быть, он коммунистический агент?» Но г-н Лю так определенно выражался о «чуме коммунизма», что эта мысль самому Вану показалась вздорной. Но, может быть, это вообще какой-нибудь вредный человек? Тогда хорошо было бы донести на него властям в Джи Цзяне. Может быть, удастся даже поступить на службу в полицию... Но тотчас в памяти Вана встал обезглавленный труп Пей Фу Кая и рвение его уменьшилось. Тем не менее, он не отверг мысль о доносе окончательно, а решил на досуге обдумать.

Не обменявшихся ни словом, они достигли берега.

VII

Переезд в Джи Цзян совершился в тот же день. Около полудня на катер явился сын старика Ди с пятью крепкими парнями. Они без труда сняли злополучное суденышко с мели, на своем сампане отбуксировали его через протоку, приладили бечеву и поволокли против течения. Пройдя около пяти миль, сын старика вернулся назад по приказу г-на Лю, который заплатил ему за его услугу, а остальные продолжали путь.

Павел Александрович сдержал данное Марусе обещание и не выдал Тенишевскому ее тайну. Он сам объяснил Валериану Платоновичу, что она видела патроны, рассыпанные Ваном на столе, но не собрала их, а потому и считала себя виноватой. Маруся, смущаясь и краснея, подтвердила его слова.

Девушки опять повеселились, Тася щутила и подтрунивала над Тенишевским. Но Валериан Платонович не обращал на нее внимания. Мысли его были заняты вчерашними событиями. Примириться с создавшимся положением и спокойно продолжать путь, как советовал Дорогов, ему не хотелось. При-

частность Лю к каким-то темным делам казалась ему теперь несомненной. Он готов был, пожалуй, закрыть на это глаза, поскольку действия Лю не шли вразрез с его собственными намерениями, но пропажа патронов и поломка Дороговского кольта, а особенно роль, которую сыграл в этом деле Ван, заставляли его быть начеку. Обезоружить его окончательно китайцам не удалось, так как в ящике с инструментами Валериан Платонович вез охотничий винchester с порядочным запасом зарядов, о котором не знал даже Дорогов, но, во-первых, ружье было разобрано и к немедленному действию не годилось, во-вторых, достать его из ящика было невозможно, не привлекая внимания.

Для Валериана Платоновича представлялось несомненным, что Ван, сумевший подглядеть, что у них имеются револьверы и даже ухитрившийся до них добраться, не оставит в покое и сундук с инструментами и попытается при случае узнать, что в нем заключено, а это грозило уже полным провалом всего предприятия. Учтя это, Тенишевский по своей привычке не ограничился одними размыслениями и выводами, а принял практические меры. Он приказал Терентию тщательно оберегать сундук от всяких случайностей, а так как обязанности слуги не позволяли тому находиться при вещах неотлучно, сам Валериан Платонович взял на себя наблюдение за Ваном. Это было нетрудно. Переводчик не отходил от г-на Лю и просидел весь день на крыше рубки, как приклеенный.

В Джи Цзян прибыли вечером. Город, серый и грязный, ничем не отличался от тех городов, которые они уже проехали, разве только непомерной вышиной свай, на которых стояли береговые кварталы. Наводнения здесь, очевидно, достигали внушительных размеров.

По темным улицам добрались до единственной гостиницы. Она была совершенно пуста. Постояльцы считались в ней, по всей видимости, редкостью и хозяин ее поддерживал свое существование небольшой торговлей, которая помещалась в тесной пристройке. Появление европейцев произвело на него такое впечатление, будто в крышу его дома угодил артиллерийский снаряд. Немногочисленные слуги и вся родня хозяина, от мала до велика, приняли участие в размещении приезжих. Для вещей был отведен особый чулан, отделенный от первого внутреннего дворика узким коридором. Валериан Платонович поставил сундук с инструментами в самый угол чулана и навалил на него чемоданы и баулы. В коридоре он тотчас же развернул свою походную кровать и велел Терентию поместиться на ней.

Девушки заняли две комнаты, выходившие на второй дворик, а Павел Александрович и Тенишевский одну, напротив. Ван, по приказанию г-на Лю, неохотно перетащил свои пожитки в небольшую клетушку, дверь которой тоже выходила во второй дворик, рядом с дверью девушек. Сам г-н Лю расположился в глубине третьего дворика, совершенно необитаемого, в просторной комнате с окном, из которого были видны все три дворика и дверь на улицу. Туда он тотчас потребовал свечу, тушь и кисточку и сел писать, даже не позуинав.

Девушки, привыкшие уже к неприветливому убранству китайских гостиниц, быстро освоились. Шура и Маруся отыскали на галерейке второго этажа лест-

ницу, которая вела на крышу. Там была довольно большая площадка из толстых бамбуковых палок, обнесенная перилами. Дул свежий ветерок и на площадке этой можно было отлично спастись от сырости, духоты и комаров, царапивших внизу. Девушки, а за ними и Дорогов с Тенишевским перетащили туда свои одеяла и подушки.

* * *

Валериану Платоновичу не спалось. Не то что бы он серьезно опасался каких-нибудь решительных событий, но тревога и подозрения не покидали его все время. Часа два он пролежал на своей циновке, потом встал, постоял возле перил, равнодушно разглядывая темную массу крыш, столпившихся вокруг гостиницы, закурил сигарету. Потом решил сходить вниз проводить Терентия. Осторожно спустился Валериан Платонович по лестнице и прошел через дворик. Свет в окне у Лю уже потух, но Ван еще не спал. Из его комнаты доносился шум шагов и на занавеске мелькала тень. К удивлению Тенишевского, не спал и Терентий. Он сидел на своей кровати в темном узком коридорчике и курил трубку. Увидев Валериана Платоновича, он поспешил подняться.

— Мастер, — сказал он шепотом, — г-н Ван был здесь два раза. Он просил у меня спички и ходил туда, где сложены вещи, за подушкой.

— Вы ходили с ним вместе? — спросил Тенишевский.

— Да, мастер, я стоял со свечой в дверях. Он рассматривал сундук и трогал замок рукою.

— О'кей, — сказал Валериан Платонович, рассердившись, — г-н Ван мне надоел... Спасибо, Терентий, спите.

Решительным шагом он направился прямо в комнату Вана и крепко постучал в дверной косяк.

— Войдите, — раздался дрогнувший голос переводчика.

Тенишевский быстро вошел и сел на единственный стул, не ожидая приглашения. Он решил основательно припугнуть Вана.

— Г-н Ван, — сказал он резко, — я шуток не люблю. Пора бы вам это понять.

Ван испуганно молчал, не понимая, к чему клонится такое вступление, но инстинктом чувствуя новую беду.

— Вы сломали револьвер, украли патроны... — продолжал Тенишевский.

— Я не крал патроны, — торопливо перебил его Ван, — я не трогал их...

Валериан Платонович слегка стукнул по столу кулаком.

— Кто вам поверит? Вы врете все, что говорите. Ну, это ваше дело. Я пришел к вам не уличать вас во лжи, а предупредить.

— Но я не крал патроны, — слабо упирался Ван, — к тому же, я не смел ослушаться г-на Лю...

Тенишевский нетерпеливо остановил его.

— Бросьте, г-н Ван, не сваливайте на других. Лю приказал вам ломать револьверы? А сами вы маленький? Не понимаете, что делаете? Но запомните, г-н Ван: если вы только попробуете рыться в моих вещах, по приказу Лю или по собственному почину, я разобью вашу голову, как тыкву, без всякого револьвера, просто чём подвернется.

Он встал и приблизился к отступившему в угол Вану.

— Вы мерзавец, г-н Ван! Вы уже пробовали залезть в мой сундук. Если я замечу еще раз что-нибудь подобное, молитесь вашим предкам.

Он так близко подошел к Вану, что тот поднял руки, защищаясь от удара, который, как ему казалось, сейчас обрушится на него.

— Поняли? — повторил Тенишевский грозным шепотом. — Запомнили?

Вану показалось, что наступает его последний час.

— Г-н Тенишевский, — забормотал он, — я не виноват... Это Лю... Лю!.. Это все он один... Он хунхуз, разбойник... Я только переводчик... Сто долларов в месяц... Я ничего не знаю... И мисс Елену я не трогал...

Тенишевский отступил удивленно.

— Что? — переспросил он, — мисс Елену?! Это что еще за новость?

Ван с ужасом сообразил, что брякнул лишнее.

— Нет, я ничего не знаю про мисс Елену, — путался он, — я просто ничего не знаю...

Валериан Платонович схватил его за шиворот и с силой плюхнул на стул,

— Рассказывайте! — кратко приказал он, — ...пока вы целы. Ну?!

Ван заговорил. Сначала он путался, запинался, перебивал сам себя. Потом понесся, как сорвавшийся с тормозов вагон без паровоза под уклон. Он путал, врал, пропускал и добавлял от себя, что придется, забегал вперед и возвращался назад. Расплывчато промелькнула перед Тенишевским картина первых переговоров Вана с Лю и его другом-стариком в театре «Великий мир», посещение Ваном особняка в Нантао, таинственная сцена на улице в Сиан Тане, непонятные нравоучения Лю. Все это Ван размазал в такой невероятный винегрет, что сам в смятении понял, что говорит ерунду. Но Тенишевский смотрел на него молча, насупив брови, и Ван не решался остановиться. Он плел, деланно возмущался, выливал на голову Лю потоки ни с чем не сообразной клеветы, старался обелить себя и, как в трясине, увязал в собственной неуклюжей и лживой импровизации. Г-н Лю оказывался у него то разбойником, то министром, то ученым, то чуть не людоедом. Наконец, когда он дошел до описания событий на катере и встречи с пиратами, в мозгу его всплыли сверкающие гневом глаза г-на Лю и обезглавленное тело Пей Фу Кая. Он осекся и замолчал.

— Так, — сказал Тенишевский. — Это все?

Ван молчал.

— Все? — еще раз спросил Валериан Платонович. — Вы кончили врать?

Ван молча рассматривал свой башмак.

— Вы настоящий подлец, — заговорил снова Тенишевский, — вы знали о том, что Лю украл Елену Зубову, и молчали об этом месяц. Теперь, когда я тряхнул вас за шиворот, вы наговариваете на Лю и возмущаетесь. Так вот что,

— он встал, — я сам оценю поведение Лю, без ваших подлых советов. А вам я говорю и советую это запомнить: если вы тронете мои вещи, если вы скроете от меня еще какой-нибудь фокус Лю или ваш собственный, если кто-нибудь из нас пострадает хоть на самый пустяк — за все будете отвечать прежде всего вы. И так ответите, как вам и не снится.

Он направился к двери. Ван остался понуро сидеть возле стола. В дверях Тенишевский обернулся.

— Марш в постель, — приказал он вдруг свирепо, — чтобы вы не смели до утра показывать носа из комнаты.

Он быстро вышел и чуть не оборвал за собою занавеску на двери.

* * *

В эту ночь, когда в воздухе чувствовалась уже близость грозы и надвигались события, ни для кого еще не ясные, на крыше спали тоже неспокойно. Маруся, разметавшись на своей циновке, бормотала что-то во сне, то и дело поворачивалась и беспокоила спавшую рядом Тасю. Та, наконец, проснулась. Звезды ярко сияли на безоблачном, темном небе. Мерцающий, усыпанный блестками Млечный Путь гигантской аркой повис над землею. Воздух был неподвижен. Тася села и осмотрелась в звездном полумраке. Дорогов спал в дальнем углу помоста, Валериана Платоновича не было.

Тася встала, накинула свой розовый халатик и постояла у перил.

«Куда он мог деваться?»

Она еще раз внимательно оглядела спящих. Шура, укрытая простыней, выглядывала из-под нее как маленькое, растрепанное привидение. Клавдия спала, закинув руки за голову, и улыбалась во сне. Ангелина свернулась калачиком, Маруся разбросалась на своей циновке. Дорогов, вытянувшийся во весь рост, казался в сравнении с ними великаном.

Тася поправила свой халатик и, осторожно ступая, чтобы никого не разбудить, спустилась вниз.

Внутренние дворики были погружены во мрак. Только в комнате Дорогова и Тенишевского горела свеча. Валериан Платонович стоял возле стола, сдвинув брови, и сосредоточенно курил. Увидев Тасю, он оторвался от своих мыслей.

— Тасенька, — спросил он удивленно, — что это вы бродите?

— Так, — отвечала она, — надоело там, наверху... А вы почему не спите?

Тенишевский не ответил на вопрос.

— Присаживайтесь, Тасенька, — сказал он, — давайте потолкуем.

Придвинул ей чашечку и взялся за чайник. Он оказался пустым.

— Жаль, чая нет. Ну ничего, посидим и так.

— Я подогрею, — сказала Тася, — у нас кипяченая вода есть. Пойдемте к нам в комнату.

— Пошли, — согласился Тенишевский, взял свечу со стола и оба они на-

правились через дворик в комнату девушек.

— Сейчас, Валериан Платонович, — попросила Тася, — подождите минутку, я только волосы поправлю.

Она присела на кровать и взяла брошенный на нее гребешок.

— Посветите, Валериан Платонович.

Тенишевский снял с гвоздика зеркальце и протянул его. Другой рукой он поднял над головою свечу. Тася стала причесываться. Она тряхнула своими густыми выющимися волосами и подняла их рукой. От этого невольного, а может быть, и нарочно рассчитанного движения, халатик сполз с ее плеча. Валериан Платонович улыбнулся, слегка, одними углами рта.

— Тасенька...

Она перестала причесывать волосы, смотрела на него несколько секунд, тоже улыбаясь, потом неожиданно обхватила его шею руками и вся прижалась к нему. Он уронил свечу и крепко обнял ее, приподняв от пола. Пламя свечи метнулось в темноте растрепанной желтой дугой, припало к полу, заколебалось и вдруг погасло.

* * *

Мутный желтый свет вновь озарил комнату. Посреди ее стоял Павел Александрович со свечой в руке.

— Так, Валериан, — сказал он сурово, — ты все-таки за свое?

Валериан Платонович всхлипил.

— Какое тебе дело? Что ты суешься? Иди спать!..

Он овладел собою и понизил голос.

— Скориться и поднимать шум сейчас я не хочу. Ты можешь отложить твоё благородное негодование на завтра?

Тася, в первый момент смущенно отскочившая в сторону, теперь оправилась. Завернувшись в свой халатик, она с любопытством наблюдала, чем кончится эта многообещающая сцена. К ее неудовольствию, Тенишевский явно хотел избежать скандала. Тася почувствовала себя оскорблённой.

— Завтра я скажу тебе то же, что и сейчас, — отрезал Дорогов, — ты поступаешь гнусно.

Глаза Тенишевского сверкнули. Он сжал кулаки. Но снова с усилием сдерживался.

— Павел, — проговорил он сдавленным от волнения голосом, — завтра будем об этом толковать. Сегодня поднимать шум я не могу.

Тася презрительно вздернула плечи.

— Я пошла наверх, — сказала она, направляясь к двери, — г-н Дорогов будет вас тут учить хорошему поведению, так мне это слушать скучно. Только вы, Валериан Платонович, не трусьте, выпейте воды.

Она прошла мимо них, шурша шелковым халатиком, и скрылась в темноте.

— И я отправляюсь спать, — твердо заявил Тенишевский, — в третий раз повторяю тебе, что шуметь нельзя.

Он пересек комнату, но в дверях остановился, едва сдерживая себя, и обернулся к Дорогову.

— Я ничего еще не знаю толком, но наше дело подвергается риску. Понимаешь? Это важнее, чем твоя дурацкая сентиментальная мораль!

Легкие шаги его прозвучали по двору. Дорогов постоял в раздумье с минуту, потом прикалал свечу к столу и стал набивать трубку.

«Валериана положительно пора обуздить, — подумал он. — Нельзя допустить, чтобы простая, неопытная девушка становилась его игрушкой. Пусть в Шанхае упражняется на светских дамах, там я ему не помеха. Здесь дон-жуанство это ему придется спрятать в карман. Не захочет — заставлю».

На последние слова Валериана Платоновича о риске, которому подвергается их дело, Павел Александрович не обратил никакого внимания.

«Обычная мнительность его и нелепая подозрительность. Целый месяц уже бьет Валериан тревогу, а пока что все идет спокойнейшим порядком. Не в этом дело, а в истории с Тасей. Некрасивая история... мерзкая».

Он сел на единственный стул и задумался. Густой, ароматный дым его трубки, поднимаясь медлительными клубами, постепенно окутал его плечи, загорелые мускулистые руки и голову, склоненную над некрашеным столом.

* * *

Тенишевский быстро поднялся на крышу и лег на свою циновку. Ему было о чем поразмысльить. Вмешательство Дорогова в его отношения с Тасей не очень его беспокоило, но все-таки злило. В конце концов, Тася была ему не нужнее прошлогоднего снега и дело шло тут скорее об уязвленном самолюбии Валериана Платоновича. Тенишевский в этом вопросе решил просто не уступать и размышлениями на эту тему себя не затруднял. Но роль защитника, которую принял на себя Дорогов, наводила Тенишевского на другие тревожные мысли. Очевидно, что посвящать Павла в тайну исчезновения Елены, раскрытую Ваном, никак не приходилось. Если бы Валериан Платонович это сделал, был бы риск, что Дорогов бросит все, на самом пороге Гуй-Чжоу откажется от платинового предприятия и отправится спасать Елену. Это было бы вполне в духе его «сентиментальной морали» и Валериан Платонович имел серьезные основания опасаться такого оборота дел. С другой стороны, после того, что сказал Ван, даже если только одна пятая часть его слов была правдой, открывалась темная картина участия г-на Лю в похищении Елены. Для чего он это сделал? И не логично ли предположить, что и остальным девушкам грозит с его стороны нечто подобное? Интересы платинового дела, которое Валериан Платонович считал все-таки главным, требовали, чтобы он отодвинул на второй план все, что не касалось платины, в том числе и г-на Лю с девушками. Но не мог же он, зная о том, что случилось с Еленой Зубовой,

бросать и остальных на произвол этого загадочного субъекта? Вдбавок, при решении такой дилеммы, Тенишевский был предоставлен сам себе. Обсуждать с Павлом все подробности теперь не приходилось. Он был уже не друг, а придирчивый критик и наставник. Самолюбивый и своевольный, Валериан Платонович был искренне возмущен поведением Дорогова. Он мог посоветовать, высказать свое мнение, а не лезть с нотациями и чуть не с угрозами.

«Этого еще недоставало, — с досадой думал он, ворочаясь на циновке, — он готов закрыть глаза на то, что делают Лю и Ван, но за мною он бегает по пятам, следит и старается поймать».

Незадолго до рассвета Валериан Платонович уснул, наконец, так и не придя ни к какому конкретному решению.

* * *

Дорогов провел остаток ночи внизу. Утром, едва слуга отодвинул засовы, он вышел на улицу и пробродил с час в поисках провизии к чаю. Купил, наконец, ворох подгорелых вафель из бобовой муки и «дин»* рыхлого, плохо очищенного тростникового сахара. Девушки уже кипятили чай, когда он вернулся. Павел Александрович поднялся на крышу за своей подушкой и пиджаком. Сверху открывался скучный и однообразный вид на город.

Солнце не начало еще припекать, но ярко-желтые крыши старинного храма уже золотились в его лучах. Они высились, как острова, среди унылого моря черной черепицы, загибаясь кверху крючкообразными углами, и солнечный свет играл и искрился на полустертоей позолоте резных украшений и на волнистой поверхности блестящей, как будто вчера уложенной столетней черепицы.

Тенишевский, утомленный бессонной ночью, спал на своей циновке, раскинув руки. На лице его застыло сосредоточенно-упрямое выражение, бессознательный следочных мыслей, брови слегка были сдвинуты. Павел Александрович некоторое время постоял, глядя на него.

«Сегодня этому будет конец, — подумал он, — Валериан распустился и обнаглел окончательно... Не захочет добром — заставлю со мной считаться. Вчера он сбежал от решительного объяснения, но сегодня не сбежит. Миндалыничать с ним нечего».

Он собрал свою постель и направился вниз. Гостиница уже проснулась. Водоносы, расплескивая воду, мелко просеменили через дворик со своими деревянными ведрами, на каменных ступенях входа уже мостился «меза»-лоточник** со своим овальным лукошком, в котором сквозь грязную тряпку дымил

* Дин — мера веса, немного больше, чем английский фунт.

** «Меза» — по-китайски «шапка» (на сев. наречии «моза»). Этим именем в провинции Хунань называют племя некитайского происхождения, разбросанное среди китайского населения. «Мезы» носят на головах белые чалмы, имеют прямой разрез глаз и, по словам местных жителей, пришли некогда из Индии. Автор не берет на себя утверждать что-либо по этому вопросу. Племенной состав населения центральных провинций Китая очень разнообразен и совершенно неисследован. Десятки племен не-

лись лепешки. Откуда-то издалека доносились пронзительные звуки свадебной музыки.

Павел Александрович напился чаю один, посидел, покуривая трубку, в своей комнате с полчаса, потом направился с девушкам.

— Ребята, пойдемте осматривать город, — предложил он.

— Пойдем, пойдем, — подхватила тотчас же Клавдия, — в гостинице скучка.

— Я разбужу Валериана Платоновича, — сказала Маруся, — что он спит, восемь часов уже, девятый...

Она встала.

— Не надо, — остановил ее Дорогов, — сходим и без него.

Он взглянул на Тасю. Она даже не посмотрела на него и промолчала.

Сборы заняли несколько минут. Налили в термосы воды, разыскали веера и зонтики, набросили на себя платья и халатики. Наряжаться никто и не подумал. Дорогов надел через плечо свой фотографический аппарат и взял в руку трость.

— Трогаем, ребята. Только чтоб никто с дороги назад не просился. Вместе так вместе. Кто боится жары, говорите сейчас. Тогда останемся лучше дома, — предупредил он девушек.

Это условие было принято без оговорок. Со смехом и шутками пестрая группа под предводительством Дорогова выступила из гостиницы и углубилась в лабиринт узких проулков, внося смятение и трепет в сердца простодушных горожан.

Была уже половина девятого, когда солнце, выглянув, наконец, из-за угла каменной стены, пригрело Валериана Платоновича настолько чувствительно, что он проснулся. Первой его мыслью была забота о сундуке с инструментами. Даже не накинув свой пиджак, он сгреб в охапку подушку и циновку и устремился вниз. Там он застал все в порядке: Терентий не покидал своего поста и сундучок стоял на месте в полной сохранности. От Терентия же Тенишевский узнал, что Дорогов и девушки ушли в город. Сначала Валериан Платонович хотел отправиться вслед за ними, но потом раздумал, умылся, побрился и уселился пить чай за столом во дворике. Ван выглянул из своей каморки, увидел его и подобострастно поклонился. Тенишевский окинул его суровым взглядом и молча кивнул головою. Ван растерялся еще заметнее, тем более, что в этот момент через дворик прошел г-н Лю и пристально взглянул на него. После этого переводчик спрятался и больше не появлялся. Валериан Платонович посидел еще, закурил и перебрался в соломенное кресло. Тут он остался, на свободе предаваясь размышлениям.

Перебрав еще раз в памяти все, что он слышал от Вана и по возможности отдавив некоторые подробности, казавшиеся ему чересчур уж неправдоподобными, Валериан Платонович снова рассмотрел свое положение со всех сторон. В конце концов, на все лады обсудив сам с собою создавшуюся обстановку, он

известного происхождения населяют юго-западные дебри Китая. Не следует смешивать «меза» с племенем «мяо-цзы». Интересующихся автор отсылает к трудам И. А. Дьякова по этому вопросу, опубликованным в 1927 г. Русской Духовной миссией в Пекине.

разбил свои сомнения на ряд отдельных вопросов и на все подыскал удовлетворительные ответы. Первый вопрос, относительно Елены Зубовой, он решил отвергнуть вовсе. Возвращаться из-за нее в Сиан Тан не имело никакого смысла, да и для нее самой это было, очевидно, бесполезно. С момента ее похищения прошло больше месяца и Лю, конечно, имел время запрятать ее очень далеко. К тому же, при Зубовой остался ее «рыцарь» Книжников, и она, стало быть, не одна. Второй вопрос, о девушках, казался Тенишевскому более серьезным. Его по необходимости надо было рассматривать вместе с платиновым вопросом. Из всех возможных в этом отношении решений, Валериан Платонович остановился на единственном, которое, как ему казалось, можно было провести в жизнь: ехать с девушками и г-ном Лю дальше, в Гуй-Чжоу. В ближайшем пункте, где окажутся европейские миссионеры, сдать на их попечение всю труппу, предупредив, конечно, почтенных отцов о том, какой подозрительный человек Лю, а самим заниматься своим делом дальше. Третий вопрос касался самого г-на Лю. Будь Тенишевский один, он ни минуты не размышлял бы даже о нем, а расправился бы с ним, не теряя времени и поехал бы дальше. Но тут опять на сцену выплыval вопрос о девушках и это заставляло Валериана Платоновича сдерживаться. Как-никак, он платил им жалование, ничем пока их не обидел и даже в похищении Елены участвовал только по словам Вана, который легко мог сорвать и просто оклеветать его. Поэтому следовало сдержаться и ничем пока не проявлять своей неприязни к нему. Даже больше, нельзя показывать вида, что он поверил Вану хоть на копейку. Для этого Тенишевский решил, не теряя времени, через Терентия переговорить с Лю наидружелюбнейшим образом. Самого Вана Валериан Платонович постановил держать в неослабном трепете и эту меру считал для него самой подходящей. Последний пункт, а именно отношения с Тасей и Дороговым, приводил Валериана Платоновича в ярость. Скора, которой, по его мнению, искал с ним Дорогов, случись она только, самым неблагоприятным образом отзовется на их престиже в глазах Лю. С другой стороны, он не хотел и уступать Павлу, который полез не в свое дело и пытается не только учить его хорошему поведению и нравственности и советовать, а даже, как он выразился, «заставить».

Об этом Тенишевский решил прямо и твердо поговорить с Дороговым, когда он возвратится с прогулки, и сегодня же ликвидировать этот вопрос в корне.

Разрешив таким образом все свои сомнения и наметив программу действий, Валериан Платонович направился в свою комнату и там около часа занимался черчением на память на листке бумаги плана, который показывал им Зайковский и который Валериан Платонович время от времени освежал в памяти. Потом он сжег свою работу и принялся за починку аппарата, в котором расклеился мех.

Ван, уединившийся в своем невеселом апартаменте, также был занят размышлениями. Проснулся он в довольно хорошем настроении и даже, одеваясь, фальцетом мурлыкал песенку, но вскоре память восстановила в его сознании события ночи и от веселья его тотчас не осталось и следа. Вспоминая все, что он наговорил про Лю, Ван краснел, бледнел, снова краснел и обливался потом. Как мог он? Как смел? О чем он думал, когда язык его произносил все эти слова? Но память беспощадно рисовала перед ним грозный облик Тенишевского и все эти вопросы сами собою отпадали. Всплывали новые: расправа Лю... казнь Пей Фу Кая...

Ван очутился в тупике, из которого не было выхода ни вперед, ни назад.

«Мышь! — горестно заключил он и стал считать месяцы. — Еще семь новолуний продолжится ее разрушительное господство. Только через семь долгих месяцев наступит новый, благодатный для него год “Коровы, смотрящей вниз”*. Но на эти семь месяцев он обречен в жертву кровожадной Мыши. За семь месяцев она семьдесят семь раз может уничтожить его, стереть в пыль и разметать по ветру!»

Совершенно не зная, на что решиться, Ван неожиданно прибег к средству, едва ли действительному против козней Мыши: он потребовал у хозяина гостиницы иголку, ножницы и нитки и уселся старательно починять свои старые брюки. По шаткой и беспомощной его логике получалось как-то так, что каждый из его предполагаемых угнетателей, увидев его за таким невинным занятием, должен был задать себе вопрос: «Способен ли человек, мирно зашивавший брюки, причинить кому-нибудь вред?» — и тотчас же ответить на этот вопрос отрицательно. Впрочем, не особенно увереный в правильности такого заключения, Ван кончил тем, что просто стал упорно отгонять навязчиво лезшие ему в голову тревожные мысли, не будучи в состоянии с ними совладать.

Так он сидел и ковырял иголкой несколько часов. Наконец, во дворике произошло какое-то движение. Ван осторожно выглянул в щелку и увидел, что с улицы в гостиницу шумно вошли девушки в сопровождении Дорогова. Маруся несла перед собою пачку цветных бумажек, Тася и Шура тащили корзину слив. Все, не останавливаясь во дворике, прошли в комнату, где сидел Тенишевский. Оттуда донесся шум их голосов. Что-то оживленно обсуждали. Любопытство заставило Вана немедленно выйти во дворик, но не успел он сделать и двух шагов, как отскочил назад и плотно прикрыл дверь. Новое зрелище заставило его позабыть и о любопытстве.

С улицы быстрыми шагами вошел У Цзы Фу. Долговязый сын старика Ди

* Китайский год исчисляется по лунному календарю. Для уравнения его с годом солнечным введены годы високосные. Таким образом, в период времени, состоящий из 19 лет, 12 лет имеют по 12 мес. и 7 (високосных) — по 13 мес. Новый год начинается с того новолуния, которое следует за нахождением солнца в знаке Рыб, т. е. между нашим 8 января и 7 февраля. Теперь этот календарь отменен правительством и заменен европейским, солнечным, но многие, особенно простонародье, еще придерживаются старого обычая. Что касается «Коровы, смотрящей вниз», то здесь Ван имеет в виду предсказанное ему лично благополучие, а не всеобщее, т. к. год «Коровы, смотрящей вниз» нельзя вообще называть счастливым.

нес за ним обклеенный желтой кожей сундучок. Оба они как будто прекрасно знали расположение гостиницы, потому что направились прямо в комнату г-на Лю. Оттуда они вскоре вышли и У Цзы Фу проводил долговязого до середины второго дворика.

— Жди меня на твоем сампане, — сказал У Цзы Фу, — и никуда не отлучайся.

Ван стоял, крепко уцепившись за ручку двери, будто кто-нибудь собирался к нему вломиться. Все сомнения его исчезли, как по мановению волшебного жезла. Теперь не приходилось рассуждать, на чьей стороне безопаснее. Сила г-на Лю прибывала, приехал У Цзы Фу, с ним долговязый лодочник, на берегу, возможно, его ждут и остальные. Что может сделать с ними Тенишевский, при всей своей решительности?

Ван бросил на стол свое рукоделие.

«Надо спешить! Немедленно реабилитировать себя в глазах Лю, загладить свое вчерашнее поведение, надо тотчас же узнать, что в сундучке у европейцев. Гнев г-на Лю страшнее, чем кулаки Тенишевского, выбирать не приходится».

Ван взял свечу, сбежал на кухню за топориком и, чувствуя себя необыкновенно храбрым, направился в темный чуланчик. Там он установил свечу на поломанную табуретку, на всякий случай привязал дверь веревочкой и решительно стал освобождать сундук от наваленных на него вещей. Терентий отсутствовал и Ван совершил свое дело без помехи.

* * *

В комнате европейцев, тем временем, происходило следующее.

Тенишевский лежал на своей кровати, когда с пачкой пестрых листков в руке вбежала Маруся.

— Валериан Платонович, — заговорила она уже в дверях, — посмотрите, что мы нашли. На самом пороге гостиницы. Что это такое? Афиши или летучки какие-то?

Она протянула Тенишевскому тонкие листки, испещренные иероглифами. Он повертел их в руках.

— Может быть, Лю собирается дать тут спектакль, — сказал он, — рекламирует нас?

— Я спрошу Вана, — предложила она, — пусть переведет.

Она хотела идти. Валериан Платонович остановил ее.

— Постойте, Маруся, я попробую сам, со словарем.

В комнату вошли девушки и Павел Александрович. Он тоже наклонился к загадочным листкам. Тенишевский достал словарь. Иероглифы отыскивались с трудом. Только через пятнадцать минут работы стало ясно, что на листках отпечатано какое-то воззвание. Дальше перевод остановился. В словаре не нашлось иероглифа.

— Маруся, — сказал Валериан Платонович, — будьте добры, принесите большой словарь, он в моем чемодане, в чуланчике. Как откроете, сразу сверьте, в синем переплете. В этом словаре многих иероглифов нет. Интересно все-таки, о чем тут речь.

Она вышла.

«Я покажу эту штуку Лю, — решил Тенишевский, — через Терентия спрошу его, к чему и кого тут призывают. Любопытно, как он отнесется».

Маруся возвратилась через несколько минут со словарем.

— Там в чулане г-н Ван что-то починает, — сказала она, протягивая толстую синюю книгу Тенишевскому, — свечу зажег, топорик приволок...

Валериан Платонович, не говоря ни слова, бросился в чулан. Если бы в эту минуту Ван подвернулся ему под руку, никакое заступничество никаких сил не спасло бы его. Но Ван и сам сообразил, что шутки будут плохие. Едва он увидел Марусю, которая второпях, оборвав его веревочку, вошла в чулан, как вся его храбрость мгновенно испарилась. Он понял, что попался. Недолго думая и даже не изыскивая способов избавиться от грозившей ему расправы, он попросту обратился в бегство. В тот момент, когда разъяренный Тенишевский влетел в чулан, Ван уже благополучно заворачивал за угол в соседний переулок.

VIII

Солнце садилось. Узкая улица быстро окутывалась сумраком. Кое-где в домах зажгли свет. Валериан Платонович стоял в дверях гостиницы, засунув руки в карманы, курил сигарету и злился. В течение всего дня, наполненного сутилокой и пустыми разговорами, так и не удалось улучить момент для объяснения с Павлом. После прогулки Клава и Ангелина не отходили от Дорогова. Сам Павел Александрович не обнаруживал ни малейшего желания торопиться с обсуждением неприятной темы, разговаривал с девушками в их комнате и прикладывал компрессы Шуре, у которой болела голова. Тася читала, сидя возле Шуры на кровати, Маруся с трех часов развела на кухне стирку. Ван, со страха, удрал в город и не показывался. Г-н Лю, к которому откуда-то заявился гость, молодой человек, такой же тощий, как и он сам, сидел в своей комнате и о чем-то толковал с ним вполголоса. Все, как будто, чувствовали себя вполне спокойно и Тенишевский со своими подозрениями и планами снова очутился в одиночестве. Листки, которые вызвали утром всеобщий интерес, оказались прокламациями. Дорогов сжег их на спичке, а Валериан Платонович сохранил один и после обеда с помощью Терентия предъявил г-ну Лю. Он сам не ожидал, что грязный маленький листок мог произвести такое впечатление на спокойного, уравновешенного Лю. Прочтя прокламацию, он побледнел, гневно разорвал ее и сказал Терентию:

— Эту бумажку составили для дураков, которых можно только пожалеть.

После этих слов, с трудом переведенных Терентием, подозрения Тенишевского относительно причастности Лю к злополучным прокламациям улеглись. Достаточно было видеть обычно равнодушное лицо Лю, когда он говорил эти слова. Тенишевского Лю интересовал. Он видел в нем человека храброго, как показал случай с пиратами, преследовавшего какие-то свои цели, как можно было понять из бессвязных речей Вана. При других условиях Валериан Платонович обязательно занялся бы разоблачением этой загадочной фигуры, даже без определенной цели, просто из спортивного интереса к приключениям и тайнам, но теперь у него на шее висели два камня, связывавшие все его действия — платиновое дело и девушки. Волей-неволей приходилось держаться осторожно и не ввязываться в новую кашу.

Неслышными шагами из глубины двориков подкралась Тася. Она неожиданно схватила Тенишевского за руку и засмеялась.

— Испугались, Валериан Платонович? О чём вы тут горюете?

Он улыбнулся и пригладил ее растрепавшиеся волосы.

— Страшно испугался, Тасенька... А вы что растрепой такой бегаете? Куда понеслись?

Она прислонилась к массивному дверному косяку и откинула голову.

— Никуда... Вас увидела... Дайте сигаретку, Валериан... Платонович.

Он протянул ей сигарету и задержал ее руку.

— Ну и экземпляр же вы, Тасенька, — сказал он и искренне засмеялся, — не поверишь, что вам восемнадцать лет.

Она тоже тихо засмеялась.

— А что такое «экземпляр»?.. Спичку дайте, кавалер.

Она закурила и пустила вверх струю дыма.

— Валериан Платонович, — сказала она медленно, глядя ему в глаза, — что вы на этого, на Дорогушу, смотрите? Кто его просит лезть? Дайте ему как следует, чтоб отстал. Он вам нянька, вы маленький?

— Он вас охраняет, — с усмешкой ответил Тенишевский, — это вы — маленькая.

— Боюсь, — презрительно фыркнула она, — а вы пугните его, ничего, что он такой здоровый... Пугните, или чем-нибудь его по башке. Чтоб знал. Вы отчаянный, все девушки так про вас думают. Что ж вы мямятите?

В глубине двора показалась Маруся. Тася быстро схватила Валериана Платоновича под руку.

— Я буду ждать вас в нашей комнате, когда все улянутся... Если останутся спать внизу, тогда приходите на крышу... Часов в девять... Маруська, — обернулась она, — тут Валериан Платонович какую забавную историю рассказал!..

— Валериан Платонович, — сказала Маруся немного сконфуженно, — я пришла звать вас чай пить. Я лепешки спекла. Пожалуйста.

— Спасибо, Маруся, — ответил он, — пойдемте, попробуем ваши лепешки.

Валериану Платоновичу совсем не хотелось ни чая, ни лепешек, но ему показалось, что отказ обидит ее. Эта девушка, несколько лет прослужившая в

кабаре, прошедшая огонь и воду, всегда как-то странно смущалась, когда разговаривала с ним. И сейчас, явившись со своими неожиданными лепешками, она покраснела, как будто попалась в чем-то непозволительном, и не знала, что говорить дальше.

На столе в комнате, где помещались Маруся и Клавдия, был старательно приготовлен чай. В углу шумел «примус», на чистом некрашеном столе аккуратно была расставлена разнокалиберная дорожная посуда, лепешки возвышались румяной грудой в глиняной миске.

— Садитесь, пожалуйста, — церемонно пригласила Маруся, — а я пойду за Павлом Александровичем и девочек позову. Шуре уже лучше.

Чаепитие прошло оживленно и весело. Совсем уже стемнело, когда Валериан Платонович наконец поднялся.

— Павел, — сказал он, — пойдем в нашу комнату, мне надо с тобой поговорить. Спасибо, Маруся, за ваши лепешки. Очень вкусные.

Дорогов встал тоже. Тася посмотрела им вслед с усмешкой.

* * *

Валериан Платонович притворил за собою дверь и сел на кровать. Дорогов молча поместился у стола.

— Слушай, Павел, — заговорил Тенишевский, — я буду с тобой говорить не о том, о чем ты думаешь. Здесь есть дела посерьезнее. Надо подумать о Лю, о г-не Ване и о нашей цели в Гуй-Чжоу.

Дорогов поморщился.

— Ты снова за свое, — с неудовольствием заметил он, — что тебе сделал Лю? Ты тренишь, что ли? На тебя не похоже.

Валериан Платонович встал и заходил по комнате.

— Я не трушу, это ты прекрасно знаешь, но в десятый раз повторяю тебе, что не хочу быть в дураках. Приключение это, нет слов, занятное и я сам бы не прочь был выяснить, что это за Лю, куда он едет и зачем, да только как можно этим заниматься, когда перед нами спешное дело? Приходится, хочешь не хочешь, держаться мирной политики, чтобы не рисковать задержкой.

— Очень хорошо, что ты так решил, — сказал Дорогов, — давно так и следовало. Что же теперь тебе надо? Я думаю, что прежде всего поговорим о Тасе.

Валериан Платонович остановился против Дорогова, заложив руки за спину.

— Послушай, что сказал мне вчера Ван. Он мошенник и враль, но если маленькая часть того, что он плел — правда, то и этого достаточно.

Валериан Платонович вкратце передал Дорогову сбивчивую речь Вана, пропустив, впрочем, все, что касалось похищения Елены.

— Видишь теперь — закончил он, — что это за персона? Так что же, мы будем заниматься моей нравственностью и плунем на все остальное? Для чего ты поехал со мною, скажи прямо?

Дорогов спокойно поднял голову.

— А для чего ты поехал? — спросил он. — Забавляться с глупой девушки, которую ты стараешься влюбить в себя. Это нетрудно при твоих данных... и опыте, но совсем на мой взгляд и непорядочно.

Тенишевский вспыхнул.

— Не злоупотребляй моим терпением, Павел. Ты пользуешься тем, что я не могу и не хочу скандалить при китайцах с тобою. Я только и слышу от тебя, что я непорядочно и гнусно себя веду. Перестань меня оскорблять, на это даже дружба наша не дает тебе права.

— Веди себя порядочно, — спокойно ответил Павел Александрович.

— Ты дурак, — сказал Тенишевский со злостью в голосе, — оборонять девушек надо от Лю, а не от меня. Тебе наплевать на то, что Ван с топором лезет ломать наш сундук, пока Терентий пошел в лавочку, что Лю отбирает у нас револьверы — этому ты находишь тотчас же разумное объяснение и оправдание. Одно у тебя в голове только уложиться не может: как это Тенишевский решился поцеловать бедную наивную Тасю?.. Да ты что, из леса пришел?

— В том-то и дело, что не из леса, — невозмутимо возразил Дорогов, — и всякой грязи насмотрелся достаточно. Я серьезно тебя предупреждаю, Валериан, если ты не перестанешь приставать к Тасе — я тебя поколочу. Не взыщи уж.

Тенишевский засмеялся.

— Выпей чего-нибудь холодного, Павел, ты начинаешь городить вздор уже окончательный. Наплевать мне на твою угрозу, я буду поступать, как сам найду нужным. Но мне интересно, почему ты все остальное считаешь пустяками? Вот Ван ломал сундук. Это, по-твоему, не стоит внимания?

Дорогов раскурил трубку.

— Все дело в том, — сказал он, — что вряд ли Ван его ломал. Просто копошился там в чулане, может быть, чинил что-нибудь.

Тенишевский присел против него на стул.

— Павел, я тоже тебя предупреждаю: если ты будешь валить дурака, я брошу тебя и поеду дальше один. Караваль тут Тасю, кури твою трубку, а я поехал за платиной и это для меня важнее всего. А чтобы ты не воображал себя таким защитником обиженных женщин и не обольщался насчет Лю, — я скажу тебе, что рыцарь ты плохой. Из под носа у тебя г-н Лю у...край Е-ле-ну!...

В дверях в этот момент появился Ван. Тенишевский вскочил.

IX

Неожиданное прибытие У Цзы Фу и долговязого сына старика Ди заставило Вана окончательно потерять голову. Мало того, что Тенишевский, оставшийся в гостинице, конечно, со специальной целью охранять сундучок, поймал его при помощи Маруси на месте преступления, теперь грозило открыться и его вчерашнее предательство. Г-н Лю не простит ему этого, а безрассудные европейцы и не подумают скрывать того, что участие Лю в похищении Елены для них не тайна.

Совершенно беспомощный перед лицом обстоятельств, Ван чувствовал, что тучи сгущаются и вот-вот грянет гром. Откуда последует удар, он не мог решить: из комнаты за третьим двориком, где г-н Лю шепотом совещался с У Цзы Фу, или со стороны европейцев. Обе стороны окончательно перестали доверять Вану, это было видно по всему. Попытка загладить вчерашнюю болтливость и представить г-ну Лю изобличающие Дорогова и Тенишевского данные, в виде раскрытия тайны сундука, не удалась. Вместо этого Ван позорно попался.

В довершение всех бед, сегодня около полудня Ван чихнул, а это уже окончательно не предвещало ничего хорошего*. Перед г-ном Лю Ван чувствовал какой-то почти мистический ужас. Стоило ему только подумать о переходе на сторону европейцев и г-н Лю тотчас понял его, как будто видел насквозь. Свое, это даже не вполне окончательное намерение, Ван проявил только в любезном поклоне Тенишевскому, но этого было уже достаточно: г-н Лю видел этот поклон, оценил по достоинству и сказал многозначительную фразу: «Людей, у которых к трусости присоединяется подлость, по моему мнению, следует уничтожать». Правда, он говорил это по поводу поимки в соседней лавочке воришки, но у Вана было полное основание отнести эту фразу на свой счет.

Что касается европейцев, положение могло вынудить их выступить в любой момент, хотя и без особенной надежды на успех, но с весьма разрушительными результатами, и первой жертвой должен был стать, конечно, он, Ван Лоу Сю, как предполагаемый верный приспешник г-на Лю.

Такие безрадостные мысли в продолжение нескольких часов гоняли Вана в зад-вперед по узким и грязным улицам города. Он сворачивал куда-то, стоял перед маленькой пагодкой-жертвеником, в которой тлели остатки бумажных денег, сожженных чьей-то благочестивой рукой, бессмысленно разглядывал скучную витрину ювелира, где под мутными стеклами были аккуратно расположены и развешаны серебряные браслеты, крошечные подвески-колокольчики, гладкие детские обручи, головные шпильки в виде цветочков, кружков и завитушек, стояла кем-то заказанная поздравительная дощечка-щиток с иероглифами.

На одном углу ему попался больной водянкой нищий с огромной безобразной ногой. Нога эта, вся покрытая язвами, возвышалась, как бревно, на груде грязного тряпья и была почти вдвое толще иссохшего туловища больного. Он выставлял свою ногу напоказ, громко плакал и просил подаяния. Шагах в пяти от него на коленях стояла женщина с ребенком — вдова бедняка. Возле нее на камнях мостовой чьей-то сердобольной рукой была написана мелом печальная история ее жизни и валялось несколько медных монет. Ван тоже бросил медяшку.

Он снова вспомнил свой вчерашний проект. Не попытаться ли донести местным властям? Но эту мысль Ван с ужасом отверг. Что могут сделать здешние власти, маленькие люди, с г-ном Лю? Здесь, на границе Гуй-Чжоу, конечно, прекрасно известно имя богатого и влиятельного Цай Лин Хана и стоит г-ну

* Чихать от 11 до 1 часа дня — по китайской народной примете, предвещает неудачу и расстройство в делах.

Лю, его племяннику, только объявить свое имя, как все тотчас же поверят ему, а не какому-то Вану.

Погруженный в свои печальные мысли, Ван незаметно очутился на берегу, на самом краю города. Солнце садилось и крутой противоположный берег уже бросал широкую голубую тень на поверхность реки. Сампаны, светло-желтые, нарядные, толпились выше по течению, вдоль городского берега. Невдалеке, прикрепленный длинной веревкой к свае прибрежного домика, на воде колыхался одинокий, крытый просмоленной циновкой, небольшой сампан. С берега по направлению к нему спускался человек в остроконечной соломенной шляпе. Сойдя к воде, он что-то прокричал, приставив руку к губам. На сампане показалась долговязая фигура, которая перебросила на берег доску. Человек в шляпе быстро прошел по этой сходне на сампан, передал что-то высокому, так же поспешно сошел на берег, помахал рукой, крикнул прощальное приветствие и исчез в глубине переулка, не заметив стоявшего у стены дома Вана.

Из всей этой сцены Ван разглядел и усвоил три очень важных обстоятельства: первое — что предмет, переданный на сампан, был письмом, второе — что человек в шляпе был не кто иной, как У Цзы Фу, брат господина Лю, и третье — что долговязый на сампане был, очевидно, сыном старика Ди, привезшим У Цзы Фу в Джи Цзян. Вывод напрашивался сам собою: г-н Лю отправлял кому-то письмо, причем делал это спешно и тайно.

Как у всех трусливых людей, у Вана иногда случались приступы неожиданной отваги и решительности. Такой припадок произошел с ним и теперь. Вместо того, чтобы, по своей привычке, углубиться в дебри сомнений, Ван в одну минуту решил завладеть этим письмом. Уверенной поступью он спустился к воде, нимало не помышляя о риске, которому он подвергается, и окликнул лодочника. Сын старика Ди без труда узнал его, так как обстоятельства смерти Пей Фу Кая, при которой Ван присутствовал, были, конечно, свежи у него в памяти. Он торопливо перекинул на берег доску и встретил Вана с почтительным поклоном.

— Г-н Лю, мой друг, — сказал Ван с важностью, — поручил мне вложить в конверт эти бумаги. Дай мне письмо!

Он вынул из кармана завалывшиеся там программки театра «Виктория» и показал их крестьянину. Тот медлил.

— Дай сюда письмо! — сказал Ван строго, подражая тону г-на Лю. — Я начинаю уже сомневаться в твоей готовности к повиновению.

Лодочник протянул Вану узкий конверт. Он был без адреса.

— Готовься к отъезду, — приказал Ван лодочнику, — мне поручено убедиться в том, что ты уехал.

И он уверенной рукой без труда вскрыл свежезаклеенное письмо.

«Высокопочтенный и глубокумудрый, дорогой мой наставник и учитель, — писал г-н Лю, — я пишу вам письмо в то время, когда душа моя полна смятения и тревоги. Но первое, что я хочу сказать вам, это то, что никакие страдания и горести не заставят меня сойти с пути, на который я стал под влиянием

ваших мудрых поучений.

Поручение ваше я исполнил: я посетил все города и селения в Хунане по вашим указаниям, проверил все и передал то, что было мне поручено. Повсюду застал я полный порядок и подчинение, за исключением одного случая. Непослушный понес засуженное им суворое наказание.

В тот самый час, когда это письмо отправится вниз по реке к вам, мой брат выезжает на другом сампане дальше с тем грузом, который должен быть передан глубокоуважаемому моему дяде. Мы находимся уже почти на границе Гуй-Чжоу и ничто не помешает брату доставить все, что он повезет, по назначению. Но сам я, как ни велика моя любовь и привязанность к дяде, лишаю себя счастья увидеть его теперь.

Дорогой мой наставник! Сознание другого неисполненного долга и другая глубокая привязанность заставляют меня повернуть назад. Я полюбил европейскую женщину.

Не ужасайтесь, а выслушайте меня с мудрым терпением, как делали вы это раньше. Эта женщина не такова, как другие, которых я встречал. Она скромна, приветлива, неразговорчива и хорошо воспитана. О наружности ее я говорить не буду, так как описать ее я не смогу. Волосы ее имеют цвет золота!

Может быть, я поступил нехорошо, когда, прибегнув к насилию, заключил ее под присмотром брата в одном из городов по пути сюда, но мог ли я равнодушно смотреть, как она проводит время в обществе грубых, недостойных ее мужчин? И мог ли я решиться, совершая мое опасное поручение, везти ее в качестве ширмы, как остальных? Нет!

За долгие недели нашего путешествия я увидел, что представляют собою ее спутники. Я наблюдал, как постепенно, под влиянием простых, близких к природе условий жизни, внешний блеск, которым так кичатся европейцы, сходил с них. Они перестали следить за собою, неряшливо одеваются и редко бреются. Они стали есть руками и пить простонародные крепкие напитки, от которых отвернется каждый хорошо воспитанный человек. Дружба их также не выдержала испытания. Они ссорятся и крикливо бранятся. Я не хочу вдаваться в исследование причин их ссоры, но мне кажется, что в них принимает участие белокурая девушка.

Глубокоуважаемый мой наставник! Глядя на этих европейцев, я снова и снова убеждаюсь, как правы были вы, поучая меня, что мудрая мера и спокойное сознание своего достоинства — это добродетели, к которым должен стремиться человек. Какой безобразный диссонанс вносят люди игрой своих низменных страстей в величественную картину природы, которая окружает нас здесь! Как ничтожна вся культура этих людей, лишенная понимания глубоких и вечных, истин сокрытых в природе!

Все это открывается теперь моему духовному взору. В долгие бессонные ночи я уяснил себе многое, что до сих пор казалось мне (я со стыдом сознаюсь в этом) мертвой буквой науки.

Простите мне это отвлечение. Не осуждайте также за то, что я пускаюсь в обратный путь, не повидав дядю. Но сегодня я получил ужасное известие: мой двоюродный брат, под надзором которого я оставил эту женщину, прибыл сю-

да один. Она бежала. Все, что удалось выяснить брату, это то, что она отправилась на запад в обществе какого-то монаха. Я дрожу при мысли, что она пустилась в трудный и опасный путь по незнакомой ей местности и что невольный виновник этого — я сам. Завтра на рассвете я уезжаю искать ее и найду, чего бы это мне не стоило.

Что касается моих спутников-европейцев, то это уже решенный вопрос. Из многих наблюдений я убедился, что мужчины не музыканты, за которых они себя выдают. Они едут в Гуй-Чжоу с какими-то нехорошими намерениями. Сегодня вечером я призову их и окончательно уличу. После этого я передам их в руки властей и девушки разделят их судьбу. Если же я увижу с их стороны чистосердечное раскаяние, я найду для них сампан и отправлю вниз по реке, в Ханькоу, где они уже сами смогут позаботиться о себе.

Вот все, дорогой мой наставник, что я должен сообщить вам. Еще раз я прошу вашей снисходительности к прочному и глубокому чувству, которое захватило меня. Как я уже сказал, оно не станет на пути моей деятельности на пользу родине. Я сознаю все безумие и преступность моей любви и найду в себе силы для того, чтобы побороть ее и отказаться от нее. Но долг честного человека не позволяет мне оставить ее на произвол судьбы в трудном и опасном положении, в котором она находится и причина которого — я.

Прощайте, глубокочтимый мой начальник и мудрый, любимый учитель. По окончании моего путешествия я надеюсь увидеть вас в Шанхае в таком же добром здоровье, как я вас и оставил.

Ваш Лю.

Еще несколько слов: вы помните, может быть, того переводчика, который поехал с нами? Этот человек оказался недостоин самого малого доверия. Он подсмотрел и подслушал многое, но, напуганный примером, который я показал ему, до сих пор молчит. Тем не менее, страх перед властями, перед европейцами, перед кем-нибудь еще может в любой момент заставить его стать предателем. Но я не затрудняю себя размышлениями о нем. Если я найду это нужным, я просто раздавлю его, как кузнечика».

Во рту у Вана стало кисло. Читая письмо, он втайне уже радовался тому, что песенка Дорогова и Тенишевского как будто спета и про себя тут же решил забежать вперед и «уличить» европейцев перед Лю, обнаружив содержимое сундутика, но касавшуюся его самого приписка подействовала на Вана, как удар дубины.

Если бы лодочник был менее простодушен, он наверное заметил бы, что с «другом г-на Лю» творится что-то неладное. Но, увлеченный своим усердием, он только изо всех сил старался не нарушить приказания и поскорее отчалить. Вскоре возвратился посланный за провизией мальчик и сампан был уже готов в путь.

Ван не помнил, как он запечатал конверт, как сошел на берег и прощался с лодочником.

«...Как кузнечика.... как кузнечика...» —растерянно повторял он про себя.

Наконец, сампан ловко развернулся при помощи весла, поднял парус и пошел по течению. Ван немного очнулся.

Первая его сознательная мысль была о том, что надо поскорее удирать с этого места, так как попасться здесь г-ну Лю или его брату означало верную гибель. Потом он подумал о европейцах. Теперь единственный шанс на спасение был в том, чтобы правдами или неправдами стать под их защиту и бежать с ними вместе. Но для этого надо было совершить что-то, клонящееся к прямой выгоде Дорогова и Тенишевского, нечто такое, что загладило бы все, чем он в их глазах провинился. Необходимо немедленно бежать в гостиницу и предупредить их... Веско, с доказательствами, с разоблачениями. Рассказать о Пей Фу Кae, об отправке письма и прямо предложить бегство... Иного пути не было. Скрыться одному — на это у Вана не хватало решимости. Да и куда он побежит? Где не достигнет его длинная рука всезнающего и всемогущего Лю? Что станет делать он, если не будет возле него спины, за которую можно спрятаться и кулака, который отразит нападение?..

Чуть не бегом Ван устремился назад в гостиницу. У входа он постоял, отдохнул и, успокоившись, насколько мог, вошел. Первым, кто попался ему на встречу, был г-н Лю. У Вана подкосились ноги. Он сел на табуретку и едва нашел в себе силы достать платок и вытереть лицо.

— Вам жарко? — спросил г-н Лю. — Да, день на редкость душный... Вот что,уважаемый г-н Ван, пошлите за рикшами и присмотрите за тем, чтобы багаж был погружен на них осторожно. Мой брат едет сейчас и я хочу воспользоваться случаем отправить с ним мои два сундука.

«Раздавлю, как кузнечика...» — мелькнуло в голове Вана, но он уже несколько справился со своим страхом и мог, по крайней мере, говорить.

— Уважаемый г-н Лю, — сказал он, вставая, — я спешу исполнить ваше приказание.

Гостиничные слуги погрузили, с помощью Вана, на ветхие колясочки рикши тяжелые сундуки. У Цзы Фу пошел на пристань пешком и г-н Лю отправился проводить его.

— Прошу вас никуда не отлучаться, — обратился он к Вану на прощание.
— Когда я вернусь с пристани, я хочу поговорить с вами.

Ван следил, как колыхающиеся на ухабах коляски с сундуками и худощавые фигуры г-на Лю и его брата исчезли в вечернем сумраке. Потом он опрометью бросился в комнату к Дорогову.

Павел Александрович и Тенишевский сидели друг против друга за столом. Тенишевский в одной фуфайке без рукавов и в коротких трусиках, с головой, повязанной полотенцем, Дорогов почти голый, в купальном костюме и холщовых башмаках. В комнате было душно и смрад москитной свечи, перемешанный с табачным дымом, наполнял ее сизыми слоями. Лица обоих были угрюмы и решительны. Они ссорились.

Но Ван не заметил этого.

— Джентльмены... — воскликнул он, — я пришел к вам...

— Вон отсюда, — вскричал Тенишевский, вставая, — пока я не проломил

вам голову!

Ван выскочил из комнаты, как бумеранг.

«Они даже не захотели выслушать!..»

Он опустился на табуретку возле столика под прибитыми накрест старинными мечами и оставался так в тупом оцепенении, без мыслей и надежд. Мало-помалу гостиница затихала. Слуга неторопливо пересек дворик и исчез в глубине коридора. Душная, тяжелая ночь налегла на город. На улице стал капывать дождь. Девушки в своей комнате сначала разговаривали вполголоса, потом затихли. Тася в розовом халатике вышла, постояла и поднялась по лестнице на крышу.

У Вана не хватило уже сил испугаться, когда мимо него с улицы прошел г-н Лю. Он шел, опустив голову, погруженный в свои мысли, и не обратил на Вана ни малейшего внимания. В комнате у европейцев голоса смолкли. В полуоткрытую дверь Ван видел, что Дорогов оставался сидеть за столом, мрачно глядя перед собою. Через дворик на кухню прошла Маруся. Ван слышал, как она плескалась там водой, очевидно стирала. Потом, с головой, завязанной мокрым платком, она вернулась назад. Проходя через дворик, она заметила Вана.

— Г-н Ван, вы не спите? Что вы тут делаете один? Мечтаете?

Она улыбнулась. Ван тупо смотрел на нее, не понимая ее слов и даже не слыша их.

— Г-н Ван, — повторила она, — да что с вами? Вы нездоровы?

Он встал и схватил ее за руку. Как утопающий за соломинку, он уцепился за эти приветливо сказанные ею слова.

— Маруся, — зашептал он сбивчиво, — вы должны поверить мне... Нам грозит опасность... Надо предупредить, а они гонят меня и не хотят слушать!

Она отшатнулась и отдернула руку.

— Какая опасность? Кто не хочет вас слушать?

— Лю... — продолжал Ван скороговоркой. — Он может выйти каждую минуту и заговорить с ними... Тогда все пропало! Он арестует их, и вас, и меня... Раздавит, как кузнецов!..

Она ничего не поняла.

— Арестует? Раздавит? За что? Г-н Ван, что вы бормочете?

— Багаж! — в ужасе прошептал он. — Они везут сундук!.. Сегодня, сейчас, сию минуту Лю потребует, чтобы они открыли сундук...

Она, наконец, стала понимать.

— Что они везут, г-н Ван?

Ван развел руками.

— Я не знаю, — сказал он жалобно, — но они не успеют уже спрятать. Лю может выйти из своей комнаты каждую минуту... А они не желают меня слушать!

— Покажите, где сундук, — торопливо проговорила она, — скорее!

Не понимая, даже не пытаясь понять, что она собирается сделать, Ван повиновался. Быстро и бесшумно он принес из своей комнаты свечу.

— Ведь сундук, наверное, заперт, — остановила его Маруся, — как мы откроем?

— Да?!. — Ван замялся.

— Г-н Ван, — раздался вдруг голос Лю из глубины дворика, — идите сюда! Ван уронил свечу и стоял посреди двора с раскрытым ртом.

— Г-н Ван, — повторил Лю, — я жду вас.

— Да, да... сейчас, я иду... — едва мог выговорить Ван. — Я... иду. И, как приговоренный к казни, медленно пошел.

Г-н Лю встретил его в дверях.

— Войдите и сядьте, — сказал он спокойно, — вы чем-то сильно взъярены? Выпейте чая.

Он пододвинул чайник и чашечку. Ван как автомат сел и налил себе чая.

— Уважаемый г-н Ван, — сказал Лю, — посидите и успокойтесь. Я хочу поговорить с нашими «музыкантами», но прежде должен закончить несколько писем. Мне хочется, чтобы пока я занят, вы посидели здесь и никуда не ходили. Пейте чай, вот книга, вы можете почитать. Когда я освобожусь, мы пойдем к нам вместе.

Он взял в руку кисточку и наклонился над начатым письмом. Ван молча смотрел на него. На бледное лицо г-на Лю падал резкий колеблющийся свет свечи. Если бы Ван не был так пришиблен своими страхами, он не мог бы не обратить внимания на новый, несвойственный этому бесстрастному лицу отпечаток глубокой печали, поглотившей все помыслы г-на Лю. Он ничего не видел вокруг себя, не замечал и притаившегося на стуле Вана. Рука его быстро выводила столбики изящных иероглифов. Казалось, в эти безмолвные значки г-н Лю вкладывал всю свою душу, торопился излить на бумагу то, что тревожно и терзало его, будто кто-то невидимый стоял позади него и торопил, угрожая. Г-н Лю писал страницу за страницей. Ван, охваченный трепетом, сидел против него.

X

— Что ты говоришь? — воскликнул Павел Александрович, когда дверь за Ваном закрылась. — Лю украл Елену? Да ведь она бежала с Книжниковым!..

— Нет! — отрезал Тенишевский. — Книжников пошел на гарнир... Об этом ты, конечно, не знал. Что теперь делать, ты, само собою, тоже не знаешь. Ты только умеешь искать «грязь и гнусность» в моих поступках, пугать меня твоими кулачищами!.. Я не боюсь, прибереги их лучше для тех, на кого это может подействовать.

Дорогов был совершенно ошеломлен.

— Ты путаешь что-то, Валериан, — возразил он неуверенно.

— Я ничего не путаю, — сказал Тенишевский резко и взялся за ручку двери, — я говорю то, что знаю. А теперь ты посиди, попробуй позабыть о моей «непорядочности» и пораскинуть мозгами насчет собственного твоего поведения. Потом я вернусь и расскажу тебе, как нам надо поступить, чтобы этих самых девушек, о которых ты так беспокоишься, не дать в обиду и своего дела

при этом не упустить... Ну, я тороплюсь. Меня ждет на крыше Тася. Слышал?

— Постой, — сказал Дорогов, — так что же, Лю и в самом деле оказывается бандитом?

Валериан Платонович не ответил, усмехнулся и вышел.

Валериан Платонович хорошо знал своего друга. Минуты бежали, а Дорогов все сидел, мрачно глядя перед собою, охваченный тяжелыми мыслями и угрызениями.

В дверь тихо постучали и тотчас, не дожинаясь ответа, в комнату вошел г-н Лю в сопровождении Вана. Дорогов окинул их взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Я хочу говорить с европейцами, — спокойно заговорил г-н Лю, — где же другой?

Ван перевел охрипшим голосом.

— Скажите ему, — ответил Павел Александрович, — что он выбрал странное время для разговоров. Этот час подходит для разбойников, а не для порядочных людей... Что ему надо?

Вана всего передернуло от этого ответа.

— Уважаемый г-н Лю, — перевел он, — г-н Дорогов просит вас садиться.

Лю равнодушно взглянул на переводчика и сел.

— Где другой, «пианист»? — спросил он, не повышая голоса. — Пусть придет сюда. Я буду говорить с ними о деле.

— Г-н Лю просит вас позвать г-на Тенишевского, — снова забормотал Ван, — он хотел бы... поговорить... посоветоваться и с ним... Г-н Дорогов, — добавил он с отчаянием, — сознайтесь во всем. Это единственный ваш шанс на спасение... Он арестует вас... и меня... и всех... Сознайтесь!

— Передайте ему, — сказал Дорогов резко, — что он может сказать все, что нужно, мне, а если у него есть намерение с нами посоветоваться, он может сделать это днем.

Ван не решился перевести эти слова Лю.

— Уважаемый г-н Лю, — извивался он, — я схожу за Тенишевским.

Г-н Лю удержал его.

— Сядьте, уважаемый г-н Ван, — сказал он, — и спросите г-на Дорогова, хочет он отвечать на мои вопросы или нет?

— Г-н Дорогов, — зашептал Ван, давясь словами, как неколотыми орехами, — г-н Лю просит вас позвать вашего друга. Г-н Лю имеет важное сообщение для вас. Сознайтесь!.. — прошипел он, утратив всякий контроль над собою.

Дорогов встал.

— Я позову г-на Тенишевского.

Он вышел во дворик быстрыми шагами. Лю неподвижно остался сидеть за столом.

— Валериан! — громко позвал Павел Александрович. — Иди, Лю зовет!

Валериан Платонович сам спускался в это время по лестнице. Тася шла впереди него с электрическим фонариком в руках. Она остановилась на последней ступеньке и мигнула фонариком прямо в глаза Дорогову.

— Павел Александрович? Что у вас там за совещание? Мне можно?

Дорогов не обратил на ее слова внимания.

— Валериан, — сказал он озабоченно. — Лю пришел к нам для каких-то объяснений. Ван весь тряслся от страха,— добавил он вполголоса.

Тенишевский повернулся к Тасе.

— Тасенька, идите в вашу комнату. У нас деловой разговор, к нам пока не ходите. И остальным передайте, чтоб не мешали.

Она пожала плечами.

— Подумаешь, бизнесмены! И Ван у вас тоже участвует?

Лю все продолжал сидеть на своем месте. Лицо его было безучастно и бледно. Он как будто выполнял какую-то неизбывную, скучную обязанность, от которой смертельно устал.

Тенишевский остановился у стола, Дорогов присел на кровать. Лю оглядел их и поднял голову, глядя в глаза стоявшему перед ним Вану.

— Пусть они перестанут обманывать меня, — сказал он негромко, — пусть объяснят, кто они, зачем едут в Гуй-Чжоу и что везут в сундуке. Уважаемый г-н Ван, спросите их.

Ван перевел его вопрос.

— Мы музыканты, — сказал Тенишевский твердо. — У Лю есть наши контракты, которые, пока что, мы исполняем точно. До остального ему дела нет.

— Что вы делаете?! — в ужасе воскликнул Ван.— Я хотел спрятать то, что вы везете в сундучке, но не успел... Он убьет вас... и меня!.. Скажите что-нибудь другое... Я не могу перевести ему ваш ответ.

— Постойте, — вдруг перебил его г-н Лю по-английски, — когда переводчик превращается в предателя, приходится обходиться без услуг переводчика. Вы низкий человек! Идите в вашу комнату и ждите там моего решения.

Он встал и, взяv уничтоженного Вана за плечо, вывел его во дворик. В дверях он обернулся.

— Извините меня на минутку, господа, я возвращусь немедленно...

Он провел Вана, не говоря ни слова, через дворик в его комнату, затворил за ним дверь и запер ее на ключ.

Дорогов и Тенишевский были поражены. Г-н Лю заговорил по-английски!

— Хорош... — сказал Валериан Платонович, оправившись от неожиданности. — Ну, кажется, дело пошло начистоту. Ладно, посмотрим, чья возьмет. Я не сдамся.

Павел Александрович молча кивнул головой.

Г-н Лю вошел и уже в дверях вынул из-под халата небольшой маузер с желтой ручкой.

— Джентльмены, — сказал он, усаживаясь на свое место, и твердо положил револьвер на стол, — что у вас в сундучке? Я требую ясности и правды.

Тенишевский покосился на оружие, мысленно соразмеряя расстояние между г-ном Лю и маузером со временем, необходимым для того, чтобы схватить китайца за руку.

— Идите, смотрите сами, — сказал он.

— Я так и сделаю, — невозмутимо согласился г-н Лю, — и прошу вас помочь мне.

Он встал и слегка ударили дулом маузера об стол.

— Пойдемте! И позвольте, во избежание недоразумений, предупредить вас: на малейшую попытку к неповиновению или насилию я отвечу выстрелами. Г-н Дорогов, захватите с собою свечу и ключи.

Они прошли через дворик. Чулан был открыт. Г-н Лю остался стоять в дверях. Дорогов и Тенишевский со свечой вошли внутрь. Злополучный сундучок стоял у стены, весь заваленный грудой мелких баулов и чемоданов. Возле него валялся топорик, которым Ван хотел днем его взломать.

— Джентльмены, я прошу вас поторопиться,—сказал г-н Лю и снова стукнул дулом маузера о дверной косяк.

— Подтащим сундук ближе к двери, — шепнул Тенишевский, наклоняясь к вещам, — там может, удастся изловчиться.

Они выдвинули сундучок к самому порогу. Дорогов наклонился с ключами в руках и невольно вскрикнул.

Замки были сорваны.

Г-н Лю опустил револьвер и подался вперед, тоже, видимо, удивленный. Это был удобный момент, но Тенишевский, пораженный не менее остальных, безвозвратно упустил его. В следующий миг г-н Лю опять отступил к двери и поднял маузер.

— Откройте! — кратко приказал он.

Дорогов отбросил крышку. Глазам их представилась странная картина. Инструменты исчезли. Вместо них сундук был доверху набит всячими самыми неподходящими вещами: поверх всего лежал новый дождевик Вана, потом шли обрывки пестрых тряпок, золотой туфель без каблука, груда измятой нотной бумаги, футляр от фотографического аппарата, китайская картина в раме, несколько кирпичей и т. д. Все это было набросано как попало, без всякого порядка.

Некоторое время все трое удивленно смотрели на эту груду, потом г-н Лю сказал:

— Пойдемте назад, джентльмены, и захватите с собою дождевик г-на Вана.

Он пропустил их вперед. Входя в их комнату, он задержался.

— Еще раз я спрашиваю вас, что там было?

— Вы видели, что там было, — сказал Тенишевский.

— Я видел только то, что там есть сейчас, — спокойно ответил Лю. — Хорошо, тогда вам придется еще немного подождать, пока я получу ответ от г-на Вана, раз вы сами не хотите быть правдивыми. Я вынужден передать вас в руки полиции.

Он затворил за ними дверь и направился в комнату, где, запертый на ключ, томился Ван.

* * *

Когда дверь закрылась и ключ щелкнул в замке, Ван остался стоять посре-

ди своей комнаты, окончательно сраженный. С того момента, когда г-н Лю неожиданно заговорил по-английски, все окружающее перестало существовать для Вана. Он с трудом различал, где верх, где низ. Наступал конец!..

Бежать, даже если бы это было возможно, он уже не смог бы. Страх, безумный ужас охватил все его тело, сковал руки и ноги, парализовал мысли. О том, что г-н Лю пощадит его, он не смел и думать. Упасть перед ним на колени, пресмыкаться в пыли, молить о пощаде — все будет напрасно. Пей Фу Кай полчаса стоял перед ним на коленях и Лю остался непреклонен... Ван опустился, почти упал, на стул у двери.

В комнате было темно. Свет падал из дворика через переплет деревянной решетчатой рамы над дверью, скучо озаряя кровать под грязным москитником, раскрытый чемодан и разбросанные вещи Вана. На столе лежали его старые брюки, ножницы и катушка ниток, жалкие следы его жалкой попытки установить свою непричастность к событиям.

«Сейчас конец... — стучало в мозгу Вана, — войдет Лю, скажет что-то уличающее и грозное и раздавит, как кузнечика!.. Может быть, с ним войдут его слуги и приспешники, У Цзы Фу, Ди — его сын, пять, десять человек, схватят, начнут мучить, сдирать кожу, выщипывать волосы!.. Умереть самому, покончить с собою?! Проглотить иголку, как сделала одна обманутая девушка в Ханькоу, о которой писали в газетах?!»

Почти бессознательно шевеля руками, Ван нашел воткнутую в пиджак иголку и снова сел. Но решиться он не смог. С содроганием представил он себе, как тонкая, огненно-острая иголка пронзит его внутренности, как он упадет на пол, будет корчиться и кричать от боли. Он выронил иголку из пальцев.

Некоторое время Ван посидел без мыслей и почти без чувств. Потом, как будто, немного успокоился. Сердце перестало стучать, а руки и ноги приобрели способность движения. Он поправил расстегнувшуюся пуговицу, взял со стола сигаретку и закурил. И вдруг, как молния, мозг его прорезала страшная мысль;

«Смерть! Он доживает последние минуты... Он будет раздавлен, как кузнец!»

Ван заметался по комнате. Дикий ужас бросал его из угла в угол. Он падал ничком на кровать, снова вскакивал, хватал со стола ножницы, взмахивал ими, хотел ударить себя ими в грудь, в живот, но не решался, бросал их на пол, снова хватал. Наконец, обессиленный, весь в липком поту, он прислонился к стене возле двери и остался стоять неподвижно, тупо глядя перед собой.

Он не мог отдать себе отчета, сколько времени простоял он так, минуту или час. Как сквозь сон слышал он шаги, голоса, опять шаги. Наконец, кто-то приблизился к двери. Это шел г-н Лю... это шла смерть.

Г-н Лю повозился с замочком, отпер его, толкнул ногою дверь и вошел.

Почти без участия воли и сознания, рука Вана поднялась и он изо всех сил ударил г-на Лю ножницами между лопаток. Г-н Лю тихо ахнул, будто захлебнулся, и упал лицом вниз, глухо стукнувшись головой о каменный пол.

— Ну, — сказал Дорогов, едва г-н Лю удалился. — Вляпались!.. «В руки полиции» — это означает обыск. Найдут инструменты, не поймут, что это такое, посадят и т. д. Дело табак.

— Если б только знать куда делись инструменты! — воскликнул Тенишевский. — Это опять какой-то номер мерзавца Вана. Его дождевик-то в сундучке очутился.

— Он сейчас все выложит Лю, — мрачно сказал Дорогов.

Во дворике раздался шум. Кто-то вихрем пронесся, стуча башмаками. Громыхнули засовы наружных дверей. Потом все стихло.

Тенишевский встал.

— Пойдем, Павел, посмотрим, что там еще стряслось. Если они побежали за полицией, надо найти и спрятать инструменты. Возьмемся-ка мы сами за г-на Лю, пока не .поздно. Пусть у него револьвер, зато нас двое. Я схвачу его за руку, а ты лупи по башке. Ничего, справимся. Пошли!

Дворик был пуст. Дверь в комнату Вана была приоткрыта, там было темно. Девушки заперлись все у Шуры, у них было тихо и горел свет. Дверь на улицу стояла настежь. Ни г-на Лю, ни Вана не было видно.

— Терентий! — тихо позвал Валериан Платонович.

Никто не отзывался.

— Еще новости! — сказал Тенишевский. — Терентий пропал. Дело тут поставлено, видно, умело. Пойдем, поднимем девушек, пусть все ищут инструменты. Время терять не приходится.

Здесь Дорогову показалось, что он видит сон. Тенишевский тоже остановился, удивленный.

С улицы быстро вошла Елена и следом за нею высокий монах в длинной черной сутане и с пробковым шлемом на голове.

— Елена Николаевна! — воскликнул Дорогов, позабыв о всякой осторожности.

Она улыбнулась радостно и торжествующе и протянула ему обе руки.

— Павел Александрович! Здоровы?.. Живы?..

Шура, Клавдия и Ангелина, услышав голоса, показались в дверях своей комнаты и бросились к Елене.

— Елена Николаевна, дорогая! Приехали! Дорогая, славная! Здравствуйте!

Тася вышла вслед за ними в своем розовом халатике и остановилась у дверей. Сложив руки на груди, она внимательно смотрела на всех.

— Стойте, господа, — вмешался Тенишевский, — все это, конечно, очень радостно и удивительно, но нельзя все-таки терять времени. Положение-то дрянь.

Он подошел к двери в комнату Вана и распахнул ее.

— Начнем отсюда... — и замолчал. — Павел, — прибавил он глухо. — Посмотри-ка.

Посреди комнаты, в полосе света, падавшего через раскрытую дверь, ничком лежал г-н Лю. Руки его были раскинуты, револьвер отлетел в сторону, Вана не было. Все бросились к раненому.

Г-н Лю был еще жив, Он слабо застонал, когда Тенишевский с помощью монаха поднял его и перенес на кровать.

— Ваты, йода! — распорядился монах. Он расстегнул на г-не Лю халат, разорвал окровавленную фуфайку и осторожно приступил к перевязке.

Положение раненого было безнадежным. Глубокая рана, из которой с трудом извлекли тупые ржавые ножницы, уже чернела по краям. Темная, густая кровь слабо сочилась из нее.

— Он умрет через несколько часов, — сказал монах. — Кто убил его?

В этот момент г-н Лю пришел в себя. Он медленно открыл глаза, пошевелил губами и остановил строгий печальный взор на Елене. Она стояла возле кровати и держала тазик с водой.

Сначала г-н Лю, как будто не понял, не узнал ее, потом, сделав страшное усилие, поднялся на локтях. Глаза его округлились, на губах выступила розовая пена.

— Вы?.. вы?.. — хрипло прошептал он, хотел сказать что-то еще, но упал навзничь и снова потерял сознание.

— Господа, выйдите все, — распорядился монах.

Все молча повиновались. Елена последняя.

Во дворике на них ураганом налетела Маруся. Белый халатик ее был весь перепачкан землей и маслом, лицо, руки, все — в черных и желтых пятнах, волосы растрепались и прилипли ко лбу. Следом за нею, тоже перемазанный, как углекоп, торопился Терентий.

— Елена Николаевна! — вскричала она, чуть не сбивая Елену с ног.

— Тише, Маруся, — остановил ее Дорогов, — г-н Лю умирает.

— Умирает?.. — Маруся опустила свои перепачканные руки... — Умирает?!

— Его убил Ван, — сказал Валериан Платонович. — Прыгнул в спину ножницами и скрылся. Подлец!..

* * *

Оставшись наедине с раненым, брат Андре присел на край кровати и вытер ему губы платком. Г-н Лю умирал. Грудь его порывисто и слабо поднималась, пульс неровно бился. Два раза он открывал глаза, делал усилие заговорить, но снова впадал в забытье. Наконец он собрался с силами.

— Где она? — спросил он еле слышно. — Кто... вы?..

— Я монах, — сказал брат Андре.

— Монах... — повторил г-н Лю, — позовите ее...

Брат Андре положил руку ему на лоб.

— Вы хотите видеть м-ле Элен? Успокойтесь, я позову ее сейчас.

Брат Андрэ поднялся и на цыпочках вышел во дворик.

— М-ле Элен, — позвал он вполголоса, — он хочет видеть вас.

Елена вошла и приблизилась к кровати. Брат Андре сел на стул у дверей. Когда она подошла, г-н Лю открыл глаза. Елена наклонилась к нему и взяла

его за руку. Он с трудом пошевелил губами.

— Сядьте...

Она присела на край кровати. Г-н Лю помолчал, собираясь с силами.

— Я умираю... — заговорил он.

Брат Андрэ бесшумно подошел к кровати и снова вытер губы раненого.

— Не волнуйтесь, — сказал он тихо, — вам нельзя говорить.

— Нет, — прошептал г-н Лю с неожиданной силой, и, подавшись вперед, поднялся на локте, — ...мне можно говорить... Я говорю... в последний... раз... Мисс Елена... Теперь поздно... но не считайте меня злодеем... Мисс Елена я... не злодей!..

Он замолчал, но пересилил себя и продолжал свистящим шепотом:

— ...Я дал клятву... я посвятил мою жизнь великому делу... я объезжал города... деревни... говорил... звал... раздавал оружие... Там, в горах Гуй-Чжоу... крепнут крылья... Голубого дракона... На этих крыльях... моя родина вознесется... на высоту прежней силы и славы... Но меня не будет в рядах... когда час настанет!.. Моя жизнь прошла... Я умираю от руки... ничтожного человека... Жалкого!.. Труса!..

Он схватил Елену за руку своими тонкими пальцами.

— Кто эти люди?.. Зачем они едут?.. Они хотят тоже грабить мою родину!.. Как другие... как все?.. Сеять рознь, вражду?.. Пусть гнев небес... обрушится на головы их потомства... если это так... Я не могу уже... помешать. И я сам привез их... сюда!..

Брат Андрэ смочил лоб умирающего водой.

— Есть высшая справедливость, — сказал он, — она оценит ваш порыв и благословит его... Не призывайте проклятий неба на головы людей, простите им, пусть мир успокоит вашу душу.

Г-н Лю отбросил его руку. Глаза его блестели. Необычайный нервный подъем пересиливал, казалось, подступавшую к нему смерть.

— Что знаете вы о мире души?.. Вы пришли... учить нас смирению... справедливости... Вы?.. Европейцы?..

Бледное лицо его, искаженное страданием, презрительно улыбнулось. Он заговорил почти спокойно, страшным усилием воли превозмогая боль и душевное волнение.

— Только в сильную душу... входит мир. Мир — это мудрость... свет... не бо... о котором вы только... говорите... Вы не научились еще этой мудрости у нас... Вы далеки от неба... как земля... которой вы хотите... управлять!

Он уперся обеими руками в кровать и почти сел.

— Монах, — сказал он строго, глядя прямо в лицо брату Андре. — ...Там, на столе... письма... последние мои мысли... Доставьте дяде... Цай... Лин Хану... Возле меня нет близкого человека... У меня нет выбора... Я доверяюсь вам... На конвертах... адрес.

Он тяжело, через силу глотнул воздух.

— Теперь... уйдите... И вы... даже вы... мисс Елена... Судьба велит мне кончить жизнь среди вас... европейцев... но я сумею... умереть... один... Уйдите!..

Он протянул руку. Слабая искра жизни угасала в нем с каждой секундой. Одно напряжение воли еще поддерживало умирающего, и эта последняя сила теперь покидала его, мерцая предсмертными вспышками. Но глаза все еще горели, с почерневших губ срывались слова.

— Мисс Елена... и вы... монах... уйдите... оставьте меня... Я... умру... один... Пусть похоронят в стране... моих... предков... в земле... Тиан!..

Что-то будто оборвалось в нем, как тут натянутая струна. Руки, на которые он опирался, безжизненно подогнулись, голова откинулась назад. Брат Андре и Елена бросились к нему. Он оттолкнул их, последним отчаянным усилием снова вцепился в край кровати и заговорил по-китайски.

Потом, словно торжественно клянясь, г-н Лю поднял руку над головой и упал навзничь без сознания.

Началась агония.

* * *

Девушки собрались вокруг стола во дворике, прислушиваясь и ловя шепот и шорохи, доносившиеся из комнаты, где умирал Лю. Терентий понуро стоял в стороне. Тася безучастно чистила ногти замшевой подушечкой. Тенишевский, заложив руки за спину, ходил взад и вперед. Дорогов облокотился о стол и сосредоточенно курил свою трубку.

Наконец, брат Андре показался в дверях.

— Помолимся о его душе,— сказал он негромко.

XI

Улицы городка Джи Цзяна* были пустынны. Хотя звезды уже заметно потускнели, в глубине узких переулков царствовал мрак. Рассвет еще только приближался.

Монах шел впереди. Ручной электрический фонарик по временам вспыхивал, освещая дорогу. Павел Александрович, широко шагая по неровным камням улицы следом за ним, нес на плечах безжизненное тело г-на Лю. Шествие замыкал Терентий с чемоданом и узелком убитого.

В этот глухой предутренний час, тишина и пустота не нарушались ничем. Изредка бродячая собака бесшумной тенью проскальзывала вдоль стены, да

* Я не придерживаюсь точно академически установленной русской транскрипции китайских слов, часто отступая от нее в угоду местному произношению. Английская транскрипция этого названия «Chi-Kiang». Русская академическая сходна с нею. Не будучи ученым синологом, я не берусь разбираться в тонкостях китайского произношения и довольствуюсь тем, что местные жители называют свой город «Джи Цзян» или «Чи Дзян». Аналогично этому я поступаю и в других случаях.

откуда-то из-за домов доносились настойчивые, хриплые вопли петухов.

Брат Андре поспешил уезжать. На совещании, наскоро устроенном после смерти г-на Лю, было решено, что оглашать события этой ночи слишком опасно. Ван, судя по всему, скрылся. Дальнейшая его судьба никого не интересовала. Но остальные подвергались существенному риску. Наутро в гостинице и во всем городке поднимется переполох, следствие, которое предпримут власти, может обернуться самым неблагоприятным образом, тем более что Ван не имел еще времени далеко убежать и его могут арестовать тоже. Тогда, чтобы выгородить себя, он не остановится, конечно, и перед клеветой. Самое благоразумное было воспользоваться пустотой гостиницы и отсутствием в течение всей ночи мирно спавших хозяев и слуг и скрыть все. Брат Андре предложил наиболее приемлемый выход. Он едет дальше и для него не составит разницы покинуть Джи Цзян на несколько часов раньше. Он возьмет на свой сампан тело и предаст его земле на границе Гуй-Чжоу, исполняя последнюю волю покойного. Никто в гостинице не видел, как г-н Лю вечером возвратился с пристани, зато слуги помогали грузить вещи на рикши, когда он уходил провожать своего гостя. Ни в ком не вызовет подозрений его исчезновение. Он мог уехать вчера вместе с тем человеком, которого он провожал. Конечно, такое решение ставило брата Андре в очень рискованное положение и грозило ему крупными неприятностями в дороге, но он так твердо заявил о своем желании увезти труп, о своем долге в отношении последней воли умершего и о тех обязанностях, которые лежат на остающихся мужчинах, что Валериан Платонович и Дорогов уступили ему. Несмотря на пустоту, царившую в этот час на улицах, было решено, что провожать брата Андре на берег пойдут только Павел Александрович и Терентий, которые понесут тело убитого и его вещи.

Монах тепло попрощался с Еленой и пожелал остальным бодрости и благополучного путешествия.

Сампан брата Андре ожидал немного выше того места, откуда вчера отправился сын старика Ди с письмом. Теодор встретил их на берегу.

— Я позволил нашим кули отдохнуть, — сказал он. — Если надо, я разбужу их.

— Пусть спят, — ответил брат Андре. — Слушайте, Теодор: мы повезем отсюда тяжело больного, умирающего, моего друга. Помогите перенести на сампан его и вещи.

Когда тело было уложено в глубине небольшой каютки и прикрыто одеялом, монах распорядился разбудить кули и через Теодора приказал им готовиться к отъезду.

— У меня здоровые, крепкие бурлаки, — сказал он Дорогову. — Мы делали даже при этом течении почти 50 миль в сутки. Если я пообещаю им небольшую прибавку, они завтра к вечеру дотащат сампан до Гуй-Чжоу. Я похороню его в земле Тиан, как он хотел, и постараюсь передать его письма и вещи дяде.

— Вы знаете его дядю? — спросил Дорогов.

— Г-н Лю говорил о нем перед смертью, — ответил монах.

— Но кто же был он сам? — воскликнул Павел Александрович. — Может быть, вы знаете и это?

Монах покачал головой.

— Простите меня, я не буду говорить об этом. Я слышал его предсмертные слова и считаю себя не вправе нарушить его тайну. Это был твердый, цельный человек, благородный мечтатель, преданный своим высоким идеям, может, несбыточным, это не важно. Мне искренне, от души жаль, что он погиб так бессмысленно. Вот все, что я скажу вам о нем. Прибавить, пожалуй, я смог бы еще, что если у вас есть по отношению к нему какие-либо нехорошие подозрения — он их не заслужил.

Они постояли молча.

— Мсье Дорогов, — сказал монах, — в нашем распоряжении есть минуты двадцать-тридцать, пока кули завтракают. Пройдемтесь по берегу, я хотел бы поговорить с вами.

Павел Александрович согласился.

— Терентий, — обратился он к безмолвно стоявшему Цзы Лин Таю, — идите в гостиницу и скажите, что до берега мы дошли благополучно. Я вернусь через полчаса.

Город начинал просыпаться. Узкая улица, еще полутемная, вымощенная крупными каменными плитами, извиваясь, поднималась от реки. Близость воды чувствовалась повсюду. Водоносы, еще редкие, с протяжным покрикиванием тащили неуклюжие деревянные ведра, расплескивая воду по камням. Она текла мутными ручейками, застаивалась лужицами в выбоинах и щелях у стен домов и наполняла узкую уличку никогда не просыхавшей сыростью. Деревянные ставни и двери домов были еще закрыты. Кое-где, впрочем, застывшая хозяйка, уже хлопочущая над своим несложным инвентарем, вытаскивала в узкую щель плоское сито с рисом и деревянную бадью.

Некоторое время они шли молча. Монах не начинал разговора.

— Какая грязь! — наконец сказал Дорогов, чтобы нарушить молчание. — Этот народ не любит солнца. Они делают все от них зависящее для того, чтоб от него укрыться. Они предпочитают обрасти грязью и болеть от сырости.

— Здесь жаркое солнце, — примирительно ответил брат Андре, — и чем дальше вглубь страны, тем оно жарче.

— Вам приходилось бывать дальше? — спросил Дорогов.

— Нет, — ответил брат Андре, — но теперь мой путь лежит почти через всю провинцию Гуй-Чжоу. Впрочем, жить мне придется в горах, там совсем не жарко.

Дорогов остановился.

— Так значит, вы... — он понял вдруг, кто был этот монах. Это о нем шел разговор между консульским чиновником и его дамой в Ханькоу, в саду «Виктория»! Французский офицер, богатый, молодой, образованный, стоявший на хорошей дороге человека, вдруг бросивший все и добровольно отправившийся на край света в селение прокаженных на смену умирающему от проказы старику-миссионеру!

— Вы?! — повторил он.

Брат Андре остановился тоже.

— Почему вы так удивлены? — спросил он.

Дорогов взглянул на его слегка загорелое, красивое лицо. Оно было совершенно спокойным.

— Вы едете к прокаженным, — сказал Дорогов взволнованно, — я слышал о вас в Ханькоу.

— Да, — сказал монах и снова зашагал не спеша, — раз вы знаете, кто я, нет нужды скрывать от вас правду. Я еду к прокаженным оказывать им посильную материальную, а главное, моральную помощь.

И, видя, что Дорогов собирается что-то сказать, он остановил его движением руки.

— Я знаю, что вы скажете. Нет, о самоубийстве здесь нет и речи. В конце моего пути, конечно, стоит смерть, но ведь она стоит в конце каждого пути, куда бы он ни лежал. Вы тоже подвергаетесь немалой опасности, путешествуя по этим местам с девушками. На вас могут напасть хунхузы, убить и я не думаю, чтобы вы об этом не знали. Однако я не считаю вас самоубийцей.

— Я рискую, — ответил Павел Александрович, — и в душе рассчитываю, конечно, на благоприятный исход. Вы — едете на верную гибель!

— К смерти должен быть всегда готов каждый, — спокойно возразил монах, — но цель моя не смерть, а жизнь. Вы поняли меня?

Дорогов не отвечал.

— Несколько десятков простых, бесхитростных душ изнемогают там от тяжести физических страданий, — продолжал брат Андре. — Я хочу поддержать их, как сумею, и отдать им избыток моих сил. Вы совершенно напрасно ужасаетесь и удивляетесь. Скорее должен удивляться я. Из тех, кто знает о цели моей поездки, одни считают меня самоубийцей, другие — чуть не подвижником и никто не хочет понять, что здесь нет ни самоубийства, ни подвига. Я еду к прокаженным не совершать подвиги и не умирать от проказы, а трудиться, как должен трудиться каждый. В конце концов я, конечно, умру, но ведь умрете и вы, и ваш пылкий друг, и этот китаец, несущий ведра, и все большие и маленькие люди, которых мы никогда не увидим. Весь вопрос в том, на какой высоте духовных сил застанет нас смерть. С этой точки зрения мой поступок скорее можно назвать эгоистическим.

Он улыбнулся.

— ...Там будет полезная, нужная для окружающих меня людей деятельность, литературный труд, на который уйдет несколько лет (материалы для него я везу с собою). Раз в год я буду получать книги. Ко всему этому, там, куда я еду, красавая, величественная природа... Вы любите природу, мсье Дорогов? — спросил он, оживляясь, и, не ожидая ответа, продолжал. — Природа очищает человеческую душу, делает ее тем, что она есть. Созерцание природы дает эмоции высшие, чем все человеческие искусства, вместе взятые. Ведь все, что создано человеком в области духа — почертнуто оттуда. Стать близко к этому источнику, стереть с себя грязь и паутину, которая обволакивает и убивает душу там, — он показал рукой назад, — мсье Дорогов, разве не стоит из-за этого забыть о проказе? Чистая, девственная природа — это огонь очищающий, огонь древних алхимиков, претворяющий смерть в жизнь, мрак в свет. Но надо быть в состоянии пройти через это очищение, надо оставить все там,

позади. К чистому и светлому источнику надо подходить с чистыми искренними помыслами. Иначе он сожжет. Нужно подготовить себя прежде, чем позволять своей душе коснуться этого живительного и смертоносного огня, надо воспитать и укрепить свои силы, чтобы спасительный бальзам — одиночество с самим собою, — не стал гибельным...

Дорогов слушал его с изумлением, все возраставшим.

«Монах-доминиканец? Сектант? Мистик? Алхимик? Безумный?»

Брат Андре говорил тихо и спокойно и с каждой фразой росло в Дорогове впечатление глубокой убежденности этого сильного духом человека.

Несколько десятков шагов они снова прошли молча.

— Мне кажется, — задумчиво произнес Дорогов, — что для того, чтобы прийти к таким убеждениям, надо многое вынести и о многом передумать.

Монах заговорил не сразу.

— Я отвечу вам так, как только могу ответить, — сказал он медленно. — Славный гибнет от ударов, сильный отражает их. И тот, и другой ищут спасения.

Он снял свой шлем и вытер лоб платком.

Улица неожиданным изгибом вывела их снова к реке. По прозрачно-синей, подернутой рябью поверхности ее, подняв темные высокие паруса, мимо города проплывала вниз по течению флотилия сампанов. Высоко задрав желтые кормы, они шли один за другим, расплескивая маленькие пенистые волны, и исчезали за крутой излучиной у подножья черной, обветренной и покосившей зеленью пагоды. Вдоль городского берега топорщился частокол тонких высоких мачт, стоял нелепо покосившийся на бок злополучный «Тун Лун Хва», влево у воды виднелся белый шлем Теодора. Брат Андре снова обернулся к Дорогову.

— Когда я приглашал вас пройтись со мною, — сказал он совершенно спокойно, — я не имел в виду говорить с вами о себе. Я не добиваюсь вашей откровенности как платы за мою, а просто хочу дать вам добрый совет. То, что рассказала мне мадам Элен относительно цели вашей поездки, простите меня, очень невероятно. Вы едете в Гуй-Чжоу, как пионеры европейского искусства? Станный способ насаждать его. Но если девушки не отдают себе отчета в этом, то вы и ваш друг не могли не понимать бессмыслицу и безумие такой затеи. И вы все-таки едете с ними. Я не спрашиваю вас ни о чем. Раз вы едете, то имеете цель, я полагаю, так же, как и ваш друг-пианист, который, кстати, нигде во всем Гуй-Чжоу не найдет пианино. Вы сами сказали мне, что сознательно рискуете. Ваше дело. Но имеете ли вы право рисковать безопасностью и жизнью этих девушек? На вас лежит моральная ответственность за их судьбу, месье Дорогов. Многое берет на себя тот, кто держит в руках судьбу другого человека. Ответьте мне прямо и честно: куда вы их везете? Кто вы сами, я вас не спрашиваю.

Они посмотрели друг другу в глаза. Этот странный монах стоил того, чтобы оказать ему доверие.

— Вы даете слово молчать, что бы я ни сказал? — спросил Дорогов.

Брат Андре отрицательно тряхнул головой.

— Если вы совершаете преступление над этими девушками — я не буду мол-

чать.

— О, нет, — ответил Павел Александрович, — ни о каком преступлении нет и речи. Мы — случайные их попутчики и не от нас зависело, везти их вперед или назад.

— Хорошо, я обещаю вам сохранить наш разговор в тайне, — проговорил монах.

Дорогов невольно понизил голос.

— Я — горный инженер. Мы едем в Гуй-Чжоу искать платину. Девушки? Бог один знает, зачем и куда их вез г-н Лю. Мы поступили в их труппу под видом музыкантов, так как в Ханькоу у нас внезапно вышла задержка... Вы собирались дать мне совет. Благодарю и прошу его у вас. Что делать с этими девушками? Через 4-5 дней пути мы вступим в тот район, обследовать который нам предстоит, и дальнейшее путешествие с женщинами невозможно, так как нам надо свернуть в горы.

Монах задумался, потом поднял голову, посмотрел внимательно на Дорогова и заговорил:

— Я знаю, что вам делать и знаю также, что мой совет не будет вами принят. Жизнь только одной, любой из этих девушек, дороже всей платины Гуй-Чжоу. Вы должны сесть на сампан и пробираться назад. Употребите вашу энергию на пользу женщин, у которых, кроме вас, здесь нет другой опоры. А плата — Бог с ней! Что даст она людям, если вы ее и найдете? Новые преступления, кровь и грязь. Вы поехали за сокровищем в далекую, неизведанную землю, готовы рисковать жизнью, своей и чужой, для того, чтобы найти его. Да сокровище ли эта плата, к которой вы стремитесь? Вы почти у цели, как кажется вам, но, может быть, вы сейчас дальше от нее, чем когда бы то ни было. «Земля Тиан», хранящая настоящее сокровище, не обозначена на географической карте. Эта земля — душа человеческая и сокровище, которое одно имеет право так называться, там, на дне ее. Ищите его, а не платину! Только оно может наполнить вашу жизнь и поднять вашу душу. Возвращайтесь,увозите девушек. Другого совета я дать вам не могу.

Он замолчал. Молчал и Павел Александрович.

— Прощайте, — сказал наконец монах, — пусть ваша совесть подскажет вам правильное решение.

Дорогов крепко пожал его руку.

— Благодарю вас. Ваш совет — совет благородного человека. Но кроме долга перед девушками, у меня есть долг перед моим другом, который вложил в платиновое дело все свои сбережения, посвятил ему всю свою энергию.

Монах покачал головой.

— Вы не совсем правильно поняли меня. Я говорил о долге совести. И если ваш друг действительно друг вам, как я понимаю это слово, он не осудит вас, а поймет и согласится с вами. А если и осудит... мсье Дорогов, для того, чтобы следовать голосу совести, надо много мужества. Я от души желаю вам этого мужества. Найдите его в себе и тогда, может быть, вы найдете и правильный способ, чтобы последовать моему совету. Теперь прощайте, Теодор, видите, машет мне рукой. Я должен торопиться в путь.

Он еще раз с чувством пожал руку Павлу Александровичу и стал спускаться по изрытому водой крутому берегу.

Некоторое время Дорогов оставался на месте, глядя ему вслед. Он видел, как брат Андре прошел по сходне на сампан, как купи убрали эту сходню, выбрали якорь, оттолкнулись шестами от берега и, работая кормовым веслом, пересекли узкую реку. Течением их сильно отнесло. Почти достигнув противоположной стороны, четверо китайцев спрыгнули с кормы и по колено в воде пошли, разматывая длинную бечеву. Потом, выйдя на сушу и взобравшись на высокий берег, надели через плечо широкие веревочные петли и, налегая на них всей тяжестью, поволокли сампан против течения.

Из-за крыш города выглянуло солнце, снопом горячих стрел охватило берег, силуэты мерно шагавших бурлаков и высокую мачту, с верхушкой которой к ним золотой паутинкой протянулась бечева. Сампан еще оставался в сиреневой, мглистой тени. Белым пятнышком долго виднелся шлем брата Андре. Он махал им в воздухе, посыпая прощальное приветствие. Дорогов поднял руку и помахал в ответ.

В дымке рассвета с каждым мигом светлевшей, уже пронизанной лучами утра, сампан медленно удалялся по направлению к синевшей на горизонте величественной громаде гор — земле Тиан.

Павел Александрович повернулся и медленно побрел в гостиницу.

Слова монаха упали на благодарную почву. В своей простой, спокойной речи брат Андре открыл Дорогову то, что тлело уже в его сознании, не находя формы. Странным образом, Павлу Александровичу казалось, что эти мысли — его собственные. Так понятно и близко вдруг стало ему все то, что говорил брат Андре

Когда Дорогов подходил к гостинице, он уже твердо решил прямо и честно объясниться с Валерианом.

XII

— Наверное, ты прав, Павел... с твоей точки зрения, — говорил Тенишевский, расхаживая взад-вперед по комнате, — пока всех вез г-н Лю, было одно, теперь, конечно, ответственность ложится на нас... Но только назад я не поеду.

— Положение очень серьезно, — остановил его Дорогов, — помимо всего остального, ты слышал, что сказала Елена Николаевна? Хеддльсбюри добрался до нас и здесь. Чем и как станем мы доказывать, что мы не намереваемся покупать в Гуй-Чжоу опиум? Зайковский отлично понял, что бороться с этим доносом трудно, поэтому он и поспешил отправить нам известие об этом при первом же случае.

— Елена Николаевна, конечно, молодец, — ответил Валериан Платонович, продолжая свою прогулку. — Без этого известия, которое она так храбро нам доставила сюда, мы попались бы, как кур во щи, в первом же городе в Гуй-

Чжоу. Но раз нас предупредили, есть уже шансы избежать ловушки. Об этом и надо подумать.

— А девушки, а сама Елена Николаевна? — повысил голос Дорогов. — Тебе море по колено, а они могут просто не захотеть ехать. Теперь они свободны от контрактов. Что же, ты их обманывать будешь или насилино повезешь дальше?

Тенишевский прошелся молча.

— Я скажу тебе откровенно, Павел, — заговорил он снова, — меня очень беспокоят девушки. Конечно, для них это неподходящее путешествие, но что же прикажешь делать? Бросать из-за них все дело, ехать назад? Приходится их тащить с собою именно потому, что нельзя оставить одних. Ясно, хлопот с ними будет много, придется самим быть очень осторожными, но ничего, управимся. Сдадим их ближайшим миссионерам, чтобы доставили в Ханькоу, там доберутся уж сами до Шанхая. Долларов двести я для них откроить сумею, хотя казна моя и на исходе. Но предприятие наше я не брошу. Возвращаться нельзя!

Разговор происходил утром, в гостинице. Девушки, утомленные бессонной ночью, спали у себя, Елена после того, как передала Дорогову поручение Зайковского, не доставленное Книжниковым, тоже легла отдохнуть. И Дорогов и Тенишевский порядком утомились, но положение вынуждало их отложить сон и отдых. Необходимо было прийти к какому-то практическому решению. Павел Александрович предлагал возвратиться. Тенишевский не соглашался с ним.

— У нас, ко всему этому, окончательно не стало никаких инструментов, — продолжал Дорогов, — Ван все украл, что было. Простого компаса не имеем! Какие же тут изыскания? Приходится сознаться, Валериан, что экспедиция не удалась. Вернемся, начнем ладить все дело сначала.

Тенишевский засмеялся,

— Постой, Павел, я позабыл тебе рассказать об инструментах. Пока ты ходил на берег, я тут выяснил, что с ними. Представь, это все Марусина работа! Ван ей, оказывается, сказал, что Лю собирается осмотреть наш сундучок. Кстати, Ван его, наверное, сам и надоумил. Так вот он за тем к нам и входил, когда я его выгнал. Предупредить хотел.

— Гнусный человек, — сказал Павел Александрович, — он со страху готов был предать кого угодно, и нас и своего хозяина.

— Конечно, мерзавец, — без колебания согласился Тенишевский. — Так вот, ты послушай, не в Ване дело. Пока мы тут разговаривали и все прочее у нас происходило, Маруся сообразила, что времени терять нельзя, Лю каждую секунду может выйти, разбудила Терентия, сломала замок на сундучке, вытащила все и унесла в сад. Пять раз, говорит, бегала взад-вперед и каждый раз рисковала на Лю нарваться! А Терентий все время работал, копал яму в саду. Там все и зарыли. В сундучок она натолкала разной разности, что попалось под руку, и дождевиком Вана прикрыла. Он его днем в чуланчике второпях забыл. Я ходил уже с нею в сад, выкопал инструменты и водворил на место. Все цело, и винчестер мой там, и даже револьвер Лю мы прихватили. Пригодится.

Дорогов выслушал этот рассказ с большим интересом. В памяти его тотчас встала растрепанная, взволнованная Маруся, рассказывающая ему на катере о похищении патронов. Но он вспомнил о данном ей обещании и промолчал.

Тенишевский был откровенно восхищен поступком Маруси.

— Подумай, — говорил он, жестикулируя сигаретой, — она нас обоих за пояс заткнула. Пока мы, два дурака, здесь пререкались, она без всяких слов все оборудовала! Молодец Маруся, прямо молодец!

— Энергичная и смелая девушка, — сказал Дорогов. — И не жалко тебе ее подвергать риску, везти куда-то, куда ты и сам еще не знаешь, как доберешься?

Валериан Платонович хлопнул ладонью по столу.

— Хорошо, я поеду дальше один. Вези их всех назад, так, действительно, будет лучше. И мне свободнее и им безопаснее. Возьму с собою Терентия, конечно.

Дорогов снова остановил его.

— Валериан, что ж ты там будешь делать один? Ты энергичный и смелый человек, но что ты смыслишь в горном деле? Нет, если на то пошло, поеду я. Вези девушек назад, ты их сумеешь безопасно доставить в Шанхай, а я и без тебя произведу изыскания. Так будет благоразумнее и полезнее для дела. Решено?

Тенишевский задумался. Несколько минут он стоял, рассматривая свою сигарету, потом решительно положил руку на плечо Дорогову.

— Нет, Павел. Сейчас не в этом уже дело, кто инженер, кто нет. Тут нужен ловкий человек, который сумеет обвести вокруг пальца английских инженеров. У них машина, без которой все равно и ты ничего не сделаешь. Кроме того, надо пробраться в Гуй-Чжоу, а это тоже дело сложное, раз на нас донесли, как на торговцев опиумом. Извини меня, Павел, я не хочу тебя обидеть, но ты ведь тюфяк!

Он весело засмеялся.

— Тут нужен не инженер, а пролаза, вроде меня. Инженеры там есть, англичане! Мое дело только их обойти. Хеддльсбюри хочет воспользоваться моей идеей, так я поверну дело так, что он будет работать для меня!

Дорогов развел руками и тоже улыбнулся.

— Что ты фантазируешь? Да как же тебе это удастся? Нет, Валериан, давай говорить серьезно. Кинем жребий, что ли. По крайней мере, справедливо будет.

— Ни за что, — так и вскинулся Тенишевский, — какой тут может быть жребий? Ты вот разводишь руками и улыбаешься. Как же ты сумеешь там хитрить и изворачиваться? А я смогу! Уже даже кое-что придумал.

— Расскажи, — предложил Павел Александрович, — может, и я сумею.

Тенишевский присел на стул.

— Нет, Павел, не сумеешь, не по тебе это дело. И рассказывать не стану, не хочу заранее хвастаться. Выйдет — расскажу.

Он опять встал и протянул Дорогову руку. Лицо его стало серьезным.

— Каждый из нас исполнит свою часть долга, — сказал он, — ты позабо-

тишься о девушках, я — о нашем деле. Пожелаем друг другу благополучного пути.

Они молча обменялись рукопожатием.

* * *

Через час, когда все подробности дальнейшей поездки были окончательно вырешены, Павел Александрович разбудил девушек и собрал их в свою комнату.

— Ребята, — сказал Дорогов, — Лю умер и брат Андре повез его хоронить. Попали вы в эту историю по собственной своей неопытности и винить тут некого. Теперь надо выбираться. Мы с Валерианом Платоновичем обсудили, как быть, и решили так: я повезу вас назад и доставлю в Шанхай, он поедет дальше с Терентием.

— Как, — вырвалось у Маруси, — Валериан Платонович не поедет с нами?

— Валериан Платонович должен съездить по нашему делу в Гуй Ян, — отвечал Дорогов. — Он дает деньги на проезд ваш до Шанхая. Там я поговорю с Киндервейзе и объясню ему, что вы возвратились не по своей вине.

— Да тут все ясно, — вмешался в разговор Тенишевский, — не знаю, что вы думали в Шанхае, когда отправлялись в это «турне», но сейчас вы видите, куда приехали. Хозяин ваш умер, Ван сбежал. Раздумывать не над чем. Складывайте вещи! Терентий пошел нанимать сампан.

Наступило молчание.

— Вот вам и сезон... — протянула Шура. — Тысяча и одна ночь!... Дай Бог теперь доехать назад.

Тася нервно закурила.

— А что же думал Киндервейзе?

— Киндервейзе ваш, — сказал Дорогов, — наверное, знал о Гуй-Чжоу не больше, чем вы.

— Назад доедете скоро, — ободрил девушек Тенишевский, — по течению. В Чан Ша сядете на пароход, через две недели будете в Шанхае.

Ангелина захлопала в ладоши.

— В Шанхае!! Как приедем, я в первый же вечер к Стару в «дансинг холл»... Всех там увидим. Вот знакомые мальчики удивятся!.. Я побежала складывать вещи.

Поднялась суeta. Девушки толпились, торопясь выйти. Маруся удержала Тасю в дверях.

— Пойдем, надо поговорить.

Она потащила ее за собою в третий дворик.

— Тася, — спросила она, волнуясь, — ты не поедешь с ним?

— С кем? — не поняла та. — Все едем.

— Нет, с Валерианом Платоновичем, дальше...

Тася взглянула исподлобья.

— Да ведь он в какие-то трущобы тащится и даже не говорит, зачем...

— Да, да, именно в эти трущобы, — сказала Маруся. — Ты не поедешь?

— Что ты спрашиваешь, Маруся, я даже не понимаю... Как же я туда поеду, для чего?

— Он будет там совсем один, — серьезно ответила Маруся, — с Терентием. Даже некому будет ему пуговицу пришить.

Тася расхохоталась.

— Пуговицу пришить?.. Там он будет ходить голый, наверное... Нет, Маруся, я еще с ума не сошла.

Она хотела идти. Маруся настойчиво удержала ее.

— Подожди!.. Как же это?.. Ты думаешь, я не знаю ничего? Что у вас вчера было...

Тася густо покраснела. Потом вскинула потемневшие глаза.

— А это тебя касается? Было?! Не было?! Не твое дело!..

Она направилась к дверям. Маруся шла следом.

— Тася, неужели ты не поедешь с ним?

Тася не обернулась. Маруся медленно направилась за нею, некоторое время постояла посреди второго дворика и решительно постучала в дверь к мужчинам.

— Валериан Платонович, на минутку... Нет, я входить не буду, идите вы сюда... по секрету...

— Что у вас все за тайны, Маруся? — пошутил Тенишевский, выходя во дворик. — В чем дело?

Она отвела его в сторону от двери.

— Валериан Платонович, возьмите меня с собою.

Брови Тенишевского изобразили два вопросительных знака.

— Вот так просьба... Марусенька, да вы ведь даже не знаете, куда я еду. По горам пешком таскаться буду, в лесу ночевать придется...

— Возьмите, — повторила она, — я поеду куда угодно.

— Маруся, — сказал он серьезно, — не могу вас взять с собой. Я еду в опасный путь.

— Я не хочу возвращаться, — настаивала Маруся, — возьмите, Валериан Платонович, пожалуйста.

— Нет, нет, Маруся. Вы сами не знаете, о чем просите. Не могу вас взять. Не просите.

— Валериан Платонович! — воскликнула она. — Ведь Елена Зубова приехала сюда одна, с монахом, и ничего... Отчего же я не могу... с вами?

Он пристально посмотрел на нее и, казалось, понял, о чем она думала.

— Марусенька, бросьте, выкиньте это все из головы, не стоит того, езжайте в Шанхай.

Она отошла.

— Не возьмете, Валериан Платонович?

— Нет, Маруся, — твердо ответил он, — не могу взять.

Сборы в дорогу заняли почти полдня. Маленький сампан, нанятый для Тенишевского, был готов к двум часам, но другой, на котором должны были пуститься в путь остальные, еще заканчивал починку паруса.

Как только было принято определенное решение и вынужденному бездействию наступил конец, Валериан Платонович не мог усидеть на месте и объявил, что едет тотчас. Провожать его отправились все. Маруся пошла на берег раньше всех, с Терентием, который повез на рикше багаж. После вчерашнего их общего приключения, старый слуга стал относиться к Марусе с подчеркнутым вниманием и улыбчивой любезностью. Перед отправлением в путь, Маруся о чем-то конфиденциально совещалась с Еленой, Дорогов видел это и про себя решил, что Маруся готовит какой-то новый сюрприз. Так и оказалось.

Когда подошли к берегу и Тенишевский уже попрощался со всеми, по очереди всех обнял и расцеловал без всяких церемоний, из-под циновочного навеса на сампане, появилась Маруся в Едином шлеме, в мужских коротких брючках и шерстяных гамашах, с дорожной сумкой Тенишевского через плечо.

Эффект был полный.

— Я тоже хочу попрощаться, — сказала она. — Павел Александрович, пожелайте и мне счастливого пути.

Тенишевский рассердился.

— Да что вы, в самом деле, Маруся? Что за штуки? Слезайте сейчас же с сампана! А то я вас насильно высажу.

Но Маруся не сдавалась. Она воинственно отступила к мачте и передала шлем своему союзнику — Терентию.

— Я возвращаться не хочу, — заявила она. — Попробуйте, стащите меня отсюда!

Девушки на берегу засмеялись. Ободренная этим смехом, Маруся ступила на сходню и начала дипломатические переговоры.

— Валериан Платонович, не сердитесь... Вот увидите, я вам мешать не буду... Возьмите меня с собою. Я по горам буду лазить, плавать умею, верхом ездить... по деревьям карабкаться могу... я нигде, никак от вас не отстану...

Тенишевскому тоже пришло засмеяться.

— Я вижу, что вы от меня не отстаете, — сказал он. — Жаль, что я не догадался еще с утра вас связать.

— Я умею готовить... — продолжала Маруся убеждать его и сделала еще шаг по сходне. — Посмотрите, у меня завтрак уже варится.

Она указала рукою на сампан.

— Вот вам!

Елена обернулась к Тенишевскому:

— Валериан Платонович, возьмите ее, в самом деле. Она об этой поездке мечтает. Разве вы ее не понимаете?

— В том-то и дело, что понимаю, — сказал он, — а она вот ничего понимать не хочет.

Клавдия и Шура уцепились за Тенишевского с двух сторон.

— Возьмите Марусю, Валериан Платонович, дорогой, не обижайте ее...

Она вам совсем не помешает... Она храбрая... и сильная... с матросами на бокс дралась! Валериан Платонович, возьмите ее с собой!

Маруся решила, что победа клонится на ее сторону. Она стремительно сбросила с себя сумку, сбежала на берег и кинулась прощаться к Елене. Тенишевский махнул рукой.

— Ну хорошо, не драться же и мне с вами «на бокс». Ладно, поехали, Маруся!

Она обернулась к нему и вся просияла.

XIII

Сампан давно скрылся за поворотом реки, а Павел Александрович и девушки все еще стояли на берегу и смотрели вслед.

Никто не говорил ни слова, все лица были серьезны. За долгие, полные приключений недели путешествия все сжились друг с другом, стали как будто одной семьей. Теперь, с отъездом Тенишевского, Терентия и Маруси, все чувствовали, что семья эта распалась и провожали уехавших с невольной, искренней грустью.

Шура и Клавдия стояли, обнявшись, у Ангелины на глазах блестели слезы, Тася сидела в стороне на камне и, глядя на воду, курила сигарету. Елена подошла к Дорогову и молча стояла рядом с ним.

С момента возвращения Елены, между ними не было сказано ни одного значительного слова, не произошло никакого объяснения. Но оба они знали, что это и не нужно.

Смерть г-на Лю и разговор с братом Андре как будто провели в психике Дорогова черту, отделившую то, что было, от жизни в которую он вступал теперь. Елена чутьем поняла и почувствовала то, о чем он не говорил, да и не сумел бы сказать. Она поняла самое главное, смысл перемены, произошедшей с ним. Они стояли рядом и смотрели в ту сторону, куда отправился Тенишевский.

Утлыес свайные домишкис сороконожками разбежались по берегу, упираясь в плотный, темно-оранжевый грунт; яркая, сине-зеленая излучина реки казалась нарисованной; кругой срез правого берега, с изумрудной зеленью кустарника, полосой уходил вдаль; поля, поднимавшиеся террасками, увенчанными кружевом рощ, протянулись вправо и влево, насколько хватал глаз. И над всем этим пестрым, сочным пейзажем, вдали, на границе небес, поднялись громады гор.

Туда уехал брат Андре, спокойный, примиренный с собою, знающий свой путь, туда повез он безжизненное тело мечтавшего о величии и славе фанатика — Лю Цзен Тао, туда, в эту страну, простирающуюся за горизонтом, уехал и Тенишевский, беспокойный, стремительный сын века и, следом за ним, простая, добрая Маруся. Туда стремились и Дорогов, и Елена, и эти нерассуждающие девушки, которых судьба остановила на пороге таинственной земли, где

все они, такие разные, непохожие друг на друга, азиат и европеец, женщина и мужчина, искали свое, каждому из них дорогое и каждому — ценнейшее.

Там ли оно, это ценнейшее? Туда ли, через необозримые пространства земли, сквозь строй страстей и невзгод, через борьбу и трупы лежит путь к сокровищу? Не несет ли его каждый из них с собою? Не ищет ли вдали, в недосягаемом краю, то, что спрятано в нем самом, и если не откроет в своем сердце, то найдет ли на краю земли?

Тяжелые, неизмеримые, высились на западе горы. Они синели, розовели, золотились в солнечной дали, сливались легкой полутенью со стадами наступавших из-за них волнистых облаков.

Это была земля Тиан, древняя, загадочная, недоступная.

ОБ АВТОРЕ

Иваницкий Николай Николаевич (9 дек. 1900 г., Белгород Курской губ. — ?) — писатель и композитор «русского Китая». Выступал под псевдонимом «Барон фон Грюнвальдус».

Окончил Хабаровское реальное училище и 3 курса Владивостокского политехнического института. Участник гражданской войны на Дальнем Востоке. С 1922 г. жил в Харбине, публиковался в журнале «Рубеж» и газете «Рупор». В 1929 г. переехал в Шанхай, печатался в газете «Время» и журнале «Прожектор». Член литературно-художественного содружества «Понедельник». Объездил много отдаленных уголков Китая, выступал с гастролями, изучал китайскую музыку и в своих произведениях пытался дать синтез китайской и европейской музыки.

Лауреат 1-й премии Всеманьчурской ассоциации искусств в Синьцзине за «Восточно-Азиатские этюды». Автор романов, симфонической феерии «Фынь-Хуан» («Китайский Феникс»).

Роман «Земля Тиан» был хорошо принят критикой. «Ценно и то, что Китай показан без обычной “ключки”, — писал рецензент журнала “Рубеж”. — Надо сказать, что русские дальневосточные писатели почти не отражают быта, нравов и характера Китая, несмотря на то, что живут в этой стране. Из-за трудности языка и замкнутости, отгороженности китайцев от европейцев, они мало что знают о народе, с которым прожили бок о бок долгие годы эмиграции. В этом отношении “Земля Тиан” — просто ценная книга, так как в ней едва ли не впервые, в интересной форме передан колорит Китая» (Н. Р. Книжные новинки //Рубеж. 1936. № 36 (29 авг.) С. 23). Однако, рецензент парижско-шанхайских «Русских записок» усмотрел в романе лишь «подражание английским авантюрно-детективным романам и плохим американским фильмам. Этот сорт литературы имеет наибольшее количество читателей и покупа-

телей. <...> Дешевая экзотика Дальнего Востока служит благодарным фоном для литературы такого сорта» (И. Ф. Эмигрантские писатели на Д. В. // Русские записки. 1937. № 1. С. 330).

Текст романа публикуется по первоизданию: Барон фон Грюнвальс <так>. Земля Тиан: Роман в 3-х частях. Тяньцзинь: Изд-во А.И.Серебренникова, 1936.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Китайские имена, географические названия и термины оставлены в авторской транскрипции.

В биографической справке использованы сведения из книг А. Хисамутдинова «Русские музыканты в Китае» (2015) и «Русские литераторы-эмигранты в Китае» (2017).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели
и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и
распространения, извлечения прибыли и т. п.

SALAMANDRA P.V.V.